

ПУСТЬ БУДЕТ ЗАКАТ ЗОЛОТЫМ

В детстве, помню, мы загадывали друг другу загадку: «Кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» Ответ, как вы понимаете, ясен: человек. На заре жизни он – младенец, ползающий на четвереньках. Взрослый ходит на двух ногах. Под старость, на закате жизни, приходится опираться на палочку – на «третью ногу». К сожалению, в последнее время все чаще сталкиваешься с высокомерным, даже пренебрежительным отношением к людям «на трех ногах». Молодые считают, что палочка пожилого человека – едва ли не признак его второсортности. Отсюда неуважение к старикам, недооценка их ума.

Человек создан Г-сподом так, что в молодости он учится, набирается знаний. В зрелом возрасте трудится – применяет полученные знания на практике. А потом, как принято в современном мире, уходит на пенсию. И тут начинаются проблемы. Что делать, когда не надо ни учиться, ни работать? Иные доходят до того, что спрашивают – зачем вообще старость? Все болит, сил нет, иногда ты даже вынужден зависеть от других... Какой в этом смысл?

Тора смотрит на пожилого человека по-своему. Иначе. Слово «закен», обозначающее старика, имеет в Торе несколько родственных, однокоренных слов, суть которых – «мудрость», «знание». «Умом стар» – говорится о мудром человеке. И это естественно: к старости человек накапливает такие знания и такой опыт, какими не могут обладать люди в пору зрелости, не говоря уже о молодых годах.

Рассказывают о пятом Любавичском Ребе, как, будучи еще ребенком, он однажды вернулся из школы в слезах. Его спросили: «Почему ты плачешь?» Мальчик ответил: «В школе мы читали, как Г-сподь пришел к праотцу нашему Аврааму. А ко мне Он не приходил ни разу». Тогда дедушка погладил ребенка по голове и сказал: «Знаешь, когда человек в возрасте девяти лет решает сделать себе обрезание, – он достоин того, чтобы ему открылся Б-г».

В этой истории важно, разумеется, страстное желание мальчика лицеизреть Создателя, но еще важнее смысл ответа, который дал дедушка. Если человек отваживается на крутой поворот, целиком меняющий всю его жизнь, – он заслуживает, чтобы Б-г предстал перед ним. Авраам не мог видеть Б-га ни в сорок лет, ни в пятьдесят, ибо лишь на сотом году жизни вступил на совершенно новый путь. И удостоился лицеизрения Г-спода.

Вот и ответ на вопрос, в чем смысл старости. Первые двадцать-двадцать пять лет человек набирает знания. В зрелости он эти знания использует. А что потом? Неужели существовать за счет того, что усвоено в молодости и еще не забылось? Тора говорит, что должно быть по-другому. Нам заповедано учить священную книгу утром, днем и вечером независимо от возраста. Каждый день что-то прибавлять к полученным прежде знаниям. Человек, идущий путем Торы, с годами становится только умнее: он не забывает обретенного в ранние годы, но добавляет в сокровищницу собственной мудрости все новые знания. И даже в старости, физически немощный, такой человек живет полноценной жизнью духа.

Иногда люди задаются вопросом: неужели это Б-г сделал так, чтобы мы всю жизнь работали? Смотрите – ведь и в Талмуде написано: «Человек создан для работы». Но, поразмыслив, мы довольно скоро начинаем понимать, что, пока мы трудимся, пока заняты чем-то полезным, мы и ощущаем себя полезными. Когда человек погружен в интересную работу, он забывает об усталости, о болезнях, о неприятностях... Это огромный дар Б-жий – труд, совершение благих дел.

А теперь подумаем – где место старости в общей картине мира? На склоне лет Б-г позволяет нам отдохнуть от физической работы, чтобы сосредоточиться на работе ума. Отдых в пожилом возрасте дарован Г-сподом, чтобы углубить полученные ранее знания, осмыслить, обобщить их, – и передать следующим поколениям. Если же человек, будучи на пенсии, не знает, чем себя занять – он не использует то, что дал ему Г-сподь. Требование Торы, чтобы человек постоянно учился, вероятно, понятно каждому. Но особенно важно не перестать учиться в пожилом возрасте.

К сожалению, молодежь не всегда понимает, сколько полезного можно узнать от старших. Вспомним одну историю из Торы. Когда братья Йосефа пришли к нему в Египет, он спросил: «Есть ли у вас отец?» Обратите внимание: Йосеф не произносит: «Жив ли ваш отец?» Он знает, что отец жив. А что тогда означают его слова? Наши мудрецы разъясняют, что смысл вопроса: «Прислушиваетесь ли вы к голосу своего отца, уважаете ли старшее поколение? Понимаете ли, что ваш отец, ваши предки – это корни, из которых человек, как дерево, получает жизненные соки?»

Люди часто спрашивают: «Неужели есть надежда, что Мошиах придет при нашей жизни? Если действительно он должен прийти из-за добрых дел, которые совершаются на земле, так ведь наше время, увы,

отнодь не самое праведное. Раз уж святые люди в прошлом не могли сделать так, чтобы Мошиах явился перед ними, как можно уповать, что он явится теперь?»

Как отвечать на этот вопрос? Да, мы карлики в сравнении с великими праведниками прошлых эпох. Но мы стоим у них на плечах. И потому видим больше, чем они! Это относится к каждому человеку. Мы стоим на плечах отцов, мы используем знания, которые наши прародители собирали из поколения в поколение. Когда молодой человек прислушивается к мнению стариков, он учится на чужих ошибках. И это дорогого стоит. А тот, кто не готов прислушаться к голосам предыдущих поколений, – тот сам лишает себя огромного богатства, накопленного предками.

Это важно знать и молодым и старикам. Учиться надо, начиная с малых лет и не прекращая ни на день – в частности для того, чтобы в старости не попасть в положение, когда не знаешь, чем себя занять. С другой же стороны надо понимать, что возможность учиться у старых, умудренных людей – огромное благо, которым умный человек не вправе пренебречь.

Поэтому мы часто и называем годы старости «золотым закатом» жизни. Но «золотой» старость становится только для того, кто всю жизнь стремился к знаниям и кто может передать накопленное молодым.

Главный раввин России Берл Лазар

ИЮЛЬСКИЕ ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Ḥōšēān

Ḥīḏīāā ē ḥāēāō

*Nūi i aēte i deāārdīte i ai i-eēy' a oādētī āātdōā
È nēācāē oādē «I āpōūi deāāō i aōū ē oāāōō āyūcī çā nīi i i»
Ḥī-i i oāē aē āātdēō A-ā «I āpōūcā m āāyī i iā i āāā [çtēi oūi] oāēūōi
i deī i nēōn' a aēāō āō ḥūāēy' ēiḏīāā»
I ēāōō Ḥāi oūi ā, Ḥōšēān 8*

*Ḥīḏīā ā dāçāēā Aātdēi (4:4 30:20 ē āāēā) i i dāāyāō i i i yōēā «aēçīū» -āāç i deāācēāi i i nōū
A-ā. Oāē, i i Ḥāēi oō (Aḥōtēn 18 ā,ā) ēnōēi i i, -ōi i dāāāi tēēē aēāi ē i i nēā dēç-ānēte ēi i-eiū,
ōi āā ēāē «i dāāōōi ēāōēā [āteḥ A-āi] n-eōāpōn' i āōōāi ē āiā i de aēçīē». A i yōtē āāāi Ḥīḏīāi ā-
ōōōā ēi ēāē Ḥāi ēy yōē āi nēāçūāāi ēy nāāi āi ū n i ḥīḏī-i-āpōāi Eōāyō (59:2) - «Aāāē āāōē i dēçāāēē
dāçāēāi ēāi aēāō āāi ē ē A-āi āāōēi».*

*Aēçīū, i oāāēāi i ay i o āi ēnōi-i-ēēā, -ēēōūi m āāi nōū āpō āāi ēā Ḥāēy' aēçīū ēēōāi ā nōē
ē m i nēā.*

*Nīçāāāy yōi, i ū i i ēi āi nāyçūi aēāō «ḥūāēā ēiḏīāē», ēāāpūāē ḥīēū i açāi i i ā Nāi ēi A-
āi «i ḥīḏēāi yāēy» i o deōāēūi tē iā-ēnōi oū, āiçāāi tē ēi i oāēōi m m āōūp ē āi oūi çtēi o i ā
ōāēūōā.*

*Nōāçō i i nēā m oāi dāi ēy Aāi - i āāāē - aēi āāē - i nīçāē, -ōi aēā nāyçūp n A-āi. A i o ēāē
yōi i i ymāi ā ēi ēāi (Çāāō (- I, 221ā): «Ḥīāā Aāi āpōāē i ā i i āē, i i āēāāē, -ōi āi oāāē aēāi ā
ōdāi āi oō i āāāi i ēi ē nēāāpō çā i ēi, ēāē nēūē nēāāpō çā o i çyēi i. Ḥīāā i i nēāçāē ēi: «Aū ē y,
i i ēāi oā i i ēēi tēi n' ē āpōāi āi i ā ēi ēāē i āāāi A-āi, Nīçāāōāēāi i āōēi».*

*I i ā o i o aē āāi ū çū, nāyçpūēā m oāi dāi i i ā ē Ḥāi dōā, i ēāçāēēāi dāçī dāi ū: -āēi āāē
i āōōēē A-aēāōāāi i çp āteḥ, āēōēā i ēi i o Aāāā i i çtāi ēy. A dāçēūōāōā m āōōū nōāēā i āi oūāi ēāi tē
-āpōūp -āēi āā-āēi ā i i ūōā.*

*×āāç āāāōāōū oāpōū i tēçāi ēē i i nēā Aāi ā m āōōū i o nōōi ēēā: A-ā m oāē i ā āōō Nēi āē,
āi nōāi i āēā ççā-aēūi çp, ēē-i i nōi çp nāyçū n oāi dāi ēāi. Yōi nāāi tēi n m nōi yēāi, i i ēāi i ūi ā
Oēd ā-Oēdēi Dāāā (5:1): «B i dēōāē ā āi I i ē - i āpōi, āā ēçā-aēūi i āūēi yāēāi I i ā i dēnōnōāēā..
[ēāi] Aāi i ā āāō āūē i dē-ēi tē o i ā, -ōi A-aēāōāāi i i ā i dēnōnōāēā i i ēēi oēi [dēç-ānēēē i ēd]... ā
i i tōi i dēōāē I i oā ē āāi oē o i i ā çū ēp».*

*Èāē nēāçāi i ā O i tēn (19:8; 24:3, 7), -āēi āāē āāçāāi ḥī-i i dēi yē A-aēāōāāi i çp āteḥ. È oāi
nāi ūi āi nōāi i āēē ççā-aēūi çp, āāi nēpōi çp nāyçū n ēnōi-i-ēēēi aēçīē. Oāēēi i ādāçī -āēi āāē
i nāi āi ēēy' ēç-i i ā āēāpōē āi āāē m āōōē, i i ymā yāō o dāēōāō Ḥāēi oāā Oāāi n (14ā; m. oāēāā O i tēn
Dāāā, 41:9). I i ē i ā yōi o dāç āāi dēi āi i -ēnōūē i i o i tē aēçāi i tē nēū i āāi ēā ēçēāāēy' n i āāi i ā
çāi ēp. ×āāç m dē āi āē i i nēā o i ā ēāē i āāi Eçdāēy nōi yē o āōū Nēi āē, āāāē i āōōēēē A-aēāōāāi i i ā
i i āēāi ēā - āōi çp ēç Aāyōē çāi tāāāē: «A i ā āāāō o oāy' ēi ūō āi āā ēōi ā I āy (O i tēn 20:3),
āpōdēā i i ēēi i āi ēā çtēi o i i o oāēūōā.*

*Oāē m āōōū āi oūāi i ay āi ēd āāōi Aāi ā ē ççāi i ay ēç i ēdā i ā Nēi āā, āāi oēā nēte i dāāā
-āāç āāā, nāāōōāi tē i āāā çtēi oūi oāēūōi, nēāçāi i ā (Çāāō (I, 52ā; m. oāēāā Ḥāi ēy, 36; Èāi n
Ètēāā, V, 310, i dēi. 6 ē o i i ēi āāi ūā āi āi ēnōi-i-ēēē).*

Три уровня связи

Смерть – самый явный симптом, свидетельствующий об отделенности человека от Б-га. И потому смерть называют «прародительницей всех, кто породил нечистоту» (Энциклопедия Талмуда, т. I, с. 50: ави овойс а-тума и цитируемые источники). Законы Торы оговаривают несколько форм ритуальной нечистоты. Но из них самая страшная – вызванная близостью к мертвому телу, писал Маймони в введении к его комментарию на Мишну (ср. Козлес Раба, 8:5). Если иные виды нечистоты связаны с переноской нечистого объекта или с прикосновением к нему, то нечистота смерти имеет одно отличие. А именно: достаточно «разделить кров» с мертвецом – и человек считается нечистым, если он хотя бы мгновение находился с мертвецом под одной крышей. И он будет считаться ритуально нечистым, сказано в Бемидбар (19:14), пока его не окропят пеплом рыжей коровы.

В хасидизме существуют три основных градации зависимости. Это внутренняя зависимость, затем – зависимость, объемлющая непосредственно, и наконец – зависимость, объемлющая на расстоянии: пними, макиф а-коров и макиф а-рохок. Приведем лишь один пример того, как соответствуют этой классификации три основных материальных потребности человека – в пище, одежде и жилье. Еда принадлежит к роду «внутренних» зависимостей: она входит в человека и, усвоенная, становится частью его тела. Одежда принадлежит к типу «непосредственно объемлющих» сущностей, облекая наше тело снаружи и при этом непосредственно соотносясь с ним. Так, человеку выше ростом нужна одежда длиннее, чем низкорослому, и

т.д. Что касается жилища, то оно принадлежит к классу «сущностей, объемлющих издали». Так, жилище человека обступают стены, но вовсе не обязательно речь идет о прямом контакте. В человеческой душе эта триада зависимостей соответствует интеллекту, воле и желанию.

Интеллект – это «пища» души: рациональные истины поглощаются, перевариваются и усваиваются человеком, становясь частью структуры его сознания и мыслительного процесса.

Воля типологически сходна с «непосредственно объемлющими сущностями» – она выходит за рамки рационального. И потому воля как бы «одевает» собою личность, накладывая «внешние» требования на наше внутреннее «я». Однако человеку дано рационально объяснить свои волевые устремления, пусть порой такая «рационализация» импульсов и не способна вскрыть их истинный источник. И это указывает на то, что «азор» между «я» и волей почти отсутствует. Таким образом, воля облегает нас «по мерке».

Заметим, что иные желания порождены вовсе не тем аспектом личности, что не укладывается в рамки рационального сознания, а вызваны совершенно рациональными причинами и мотивами. Но тогда можно говорить, будто они порождены простым самосознанием изнутри его. Поэтому в данном контексте «воля» (розон) – термин, применимый исключительно к побуждениям, исходящим от аспекта личности, не укладывающегося в рамки рационального. Речь о том, что человек желает чего-либо по единственной причине – ему хочется этого. И связь с разумным, рациональным «я» в этом случае вторична так же, как вторичны соответствующие причины и мотивации, предлагаемые рациональным сознанием.

Желание же – это «сущность, объемлющая издали». В русском языке слова «воля» и «желание» часто смешиваются. В нашем тексте они используются как эквиваленты понятий розон и онег. Для последних в хасидизме множество определений, и хасиды выясняют, какие именно подкатегории входят в состав этих понятий, ищут определения для их подклассов и спорят о них. Однако для наших целей вполне достаточно простого различия: «воля» рациональна в том смысле, что человек может объяснить свой волевой импульс. Тогда как «желание» отвергает любые попытки рационализации. Иными словами, и «воля», и «желание» принадлежат к числу «облекающих способностей». Ибо рождаются в тех уголках души, куда не проникает рациональный рассудок, и тем самым они не могут быть встроены во внутреннюю рациональную структуру личности. Вместе с тем, «воля» достаточно близка рассудку, чтобы ее можно было связать с рациональным началом личности как «внешнее облачение» рассудка.

Желание же – всецело за пределами рациональности, и его нельзя объяснить. Так же, как нельзя проследить какие-то очевидные отношения между желанием и внутренней структурой души.

Связь человека с Б-гом включает в себя элементы всех трех зависимостей: внутренней, непосредственно объемлющей, и объемлющей издали. Изучение Торы – внутренний компонент этой связи: сознание ассимилирует Б-жественную мудрость, так что последняя становится неотъемлемой частью самой его структуры.

Мицвойс принадлежат к элементам, объемлющим сознание: заповеди в силу самой своей природы вне рационального постижения, и человек исполняет их, «принимая поведение, которое для него непостижимо» – повинаясь воле Б-га. И тем не менее, в сущности с рациональным «я» в человеке связаны все мицвойс. Многие из них можно объяснить умом, хотя не эта рациональность – основа соблюдения заповедей. Иные мицвойс исполнены символизма, доступного анализу, и после этого соответствующие заповеди можно объяснить рационально. И даже те заповеди, которые, казалось бы, отвергают всякую логику, могут быть «поняты» в терминах логической необходимости повиновения Б-жественной воле.

Но в наших отношениях с Б-гом присутствуют и элементы, принадлежащие к разряду сущностей, объемлющих издали. И они столь далеки от нашего рационального «я», что порой мы не можем говорить о сознательном их исполнении, и пребываем в неуверенности: а исполнены ли они нами? Укажем в связи с этим на мицву шикха: надлежит (Дворим, 24:19) «забывать» для бедных один из сжатых снопов на поле. Эта мицва может быть исполнена только против сознательной воли человека.

Парадокс: чем дальше от нас какая-то сущность, тем больше она связывается в нашем сознании с самоидентификацией. Так, например, собственный образ у человека больше связан с его одеждой, чем с пищей, которую он ест. И еще теснее – с домом, в котором он живет, чем с его одеждой. Укажем и на формулу Галмуда (Иевомойс, 63а, и там же, Тойсфойс): «Человек без дома – не человек». Человек пожертвует гораздо большим для того, что хочет, чем для того, что понимает. «Желания», не поддающиеся рационализации, трогают его гораздо больше, и кажутся ему куда более существенными.

На самом деле здесь нет парадокса. Ведь в силу того, что относящиеся к «объемлющим сущностям» элементы глубже укоренены в самой сути человека, ограниченные возможности его сознания просто не могут адекватно поведать ему о них. В свете изложенного нам будет легче понять значение того факта, что нечистота, связанная со смертью, передается путем «пребывания под кровом». Нечистота распространяется на весь дом, где лежит покойник, и делается все под крышей этого дома нечистым.

Есть виды нечистоты, затрагивающие лишь «внутренние» аспекты личности, или, самое большее, «непосредственно объемлющие сущности», связанные с нами. Соответственно, эти виды нечистоты передаются прямым или опосредованным контактом с нечистым объектом. Нечистота смерти затрагивает и аспекты личности, связанные с классом «сущностей, объемлющих издали». И нечистота эта передается через то, что не вступает в непосредственный контакт с нами. К примеру – через пространство дома, где есть покойник. Все это указывает на то, что нечистота, связанная со смертью, первична.

Ī dī ò eā ŷā eā

Тора велит: чтобы очистить оскверненного контактом со смертью, надо забить красную корову, сжечь ее, пепел смешать с «живой водой», то есть водой из родника. И на третий или седьмой день, поскольку человек считается оскверненным в течение всего недельного периода очищения, следует окропить его этой жидкостью.

Так как смерть – симптом отделенности от Б-га, то эта мицва, или Б-жественная заповедь, является средством достижения единения с Создателем. Закон о рыжей корове – архетипическая мицва – заповедь, объемлющая все 613 заповедей Торы.

Закон о рыжей корове – хок – непостижимое разумом Б-жественное установление. Это заставило царя Шломо, по Млохим (I, 5:11) «мудрейшего из людей», изречь: «Все [заповеди Торы] постиг я. Но глава о рыжей корове, при том что вникал я в нее, задавался вопросом о сути ее и доискивался, что же за тем стоит, а мудрости моей должно бы на это хватить, – глава эта осталась для меня непостижимой» (Бемидбар Раба, 19:3). Шломо и в Коэлес (7:23) говорит: «Подумал я: “стану мудрым”; но мудрость далека от меня».

Коэлес Раба (8:5) повествует: когда Б-г научил Моше этому закону, получающий Тору был смущен и сказал: «Вот как происходит очищение». Моше спросил: «Создатель Вселенной! Это и есть очищение?» Б-г же отвечивал: «Моше, это – хок – установление, что Мною дано, и не способны сотворенные Мной постичь Мои установления». И при этом Тора (Бемидбар, 19:2) предваряет этот закон фразой: «Вот закон об учении», указывая, что перед нами – прототип всех повелений Торы. По сути своей, всякая мицва, включая такие рациональные установления, как «Не убий» и «Чти отца твоего и мать твою», есть непостижимое для разума установление Б-га. Для многих мицвойс можно найти обоснования и объяснения, но эти рациональные обоснования будут лишь тонкой пленочкой, скрывающей непостижимую для разума глубину.

Однако закон о рыжей корове – нечто большее, чем пример непостижимости мицвойс. Особенность этой мицвы в том, что она включает в себя самые разные формы и функции, которые могут быть у мицвы, тем самым формируя весь микрокосм 613 заповедей Торы. Закон о рыжей корове насыщен рядом противоречивых подробностей и затрагивает очень разные темы. Пепел рыжей коровы очищает от наихудшей из всех скверн. Но при этом, поясняет Бемидбар (4:7-10), сами подготовительные процедуры (забой коровы, ее сожжение и сбор пепла) сопряжены с ритуальной нечистотой (см. также Талмуд, Пира, 4:4). Сама корова олицетворяет парадоксальное сочетание высокого и низкого. Она должна быть совершенно рыжей, ибо этот цвет в Торе и ее законах (Брейшис 25:30) связан с негативными коннотациями (Шулхан Орух, Йоре Деа, 178:1).

В главе Бемидбар (19:3) Тора повелевает забивать корову за пределами священного города Иерусалима – в отличие от всех прочих жертвенных животных, забиваемых во дворе Храма. Там же (19:2-5) сказано: должна быть приведена корова «без порока, у которой нет увечья», забивают ее в виду Храма, и ее кровью следует окропить к Святая Святым.

Все это совершает коэн – согласно одним представлениям или Первосвященник – согласно другим. Причем, в той же главе (19:4) пояснено: коэн должен быть облачен в «белые одежды», берегущиеся для праздничной службы на Йом Кипур, совершаемой в Святая Святым (см. также Талмуд, Пира, 3:9 и 4:2). А очищающая смесь воды и пепла являет собой соединение двух противоположных начал – огня, олицетворяющего восхождение, и воды с присущим ей качеством стекать и скапливаться в низинах, приводя к их заболачиванию.

Таковы парадоксы мицвы: Б-г побуждает нас спускаться в физический мир, чтобы освятить его, и в то же время – чтобы сторониться его материальности и профанированности. По сути, мы видим: тут соединены обе категории мицвойс. В одной категории – 365 «запретительных», которыми мы освящаем себя, отстраняясь от телесности физического состояния. И в другой – 248 «разрешительных» мицвойс, облегчающих наше взаимодействие с физическим миром и претворение его в сосуд Б-жественности.

Собственно, всякая отдельно взятая мицва – акт и «разрешительный», и «запретительный». Это – акт отвержения и приятия, выхода за пределы физического и погружения в него, соединение восходящего вверх пламени и стремящейся вниз воды. Всякая мицва призвана обеспечить физическую жизнь человеку, чтобы он принимал свое телесное состояние как средство связи с Б-гом. И в то же время – чтобы он оставался духовным существом, отказывающимся принимать свое телесное состояние в качестве определяющего его жизнь и диктующего ему приоритеты. Но как человек может воздействовать на физический мир, чтобы при этом он не поглотил его целиком? Как можно быть уверенным, что присутствующее в нас водное начало не приведет к «заболачиванию» и погружению в трясину?

Ответ содержится в Торе. В Ликутей Тора, Хукас (62б) указано: вода, смешиваемая с пеплом рыжей коровы, должна быть «живой» – «водой, что бежит по артериям земли... и тем очищенной». «Земля» олицетворяет смирение и самоотвержение, как в конце молитвы Амида пожелание: «Пусть моя душа повернется в прах перед каждым» (Брохойс, 17а).

Когда через самоотвержение во имя Бга профильтрована вовлеченность человека в материальное, и у него отсутствуют любые мотивы и побуждения, кроме стремления исполнить волю Создателя, тогда «вода» этого человека становится «живою водой». В ней нет грязных примесей, связанных с негативным воздействием материального мира. Смешавшись с огнем духовного рвения, эта вода очистит мир от скверны смерти, от отделенности мира от Б-га – и восстановит гармонию Творца и Его творения.

Вселенная как яство

*×ōī īōāāōōāāyāō māāē ōāīāēūōōāē?
Nēīāī yōī ī ū ōīōōāāyāī āīāīēūīī ÷āōī ē īī āīūū ā dāqīūī īīāīāī. È āāēōōāēōāēūīī, īō ÷ōī īāūāā, ē ī dēī āōī, ī āēāō ōīōīōī īōāēāōūīūī ēōīēī ī yīā, ī ōqīēāēūīīē īūūīē ē ōēēīōīōīē ēāāē? Ōāī īā ī āīāī, ē ī āēūīīē ōōāīāqā, ē ī ōīōīōāī ēīōāōōā, ē īā ēīōāēēāēōōāēūīīī īqāōāīēē ī ū āīāīdēī, ÷ōī īīōō:ēēē ōāīāēūōōāē».*

Īāīāēī īōāāā, ÷ōī ēāē āū ī ē āūēē dāqēē:īū īī nāīāē nōōē īāōāēēāīēy, nāyqāī ī ūā nēāēāīē ēq īāqāī ī ūō nūīī nōōāē, ō āīāō āīōūīā:ōī īāūāī

Èāī ōāē ēēē ēīā:āīē āīī nōō

ā īāōē āōē īūōūāīēā qāōōōāī ī nōōē ēāēīā-ōī īōōāīā, ēūī īēīāī ēy āēāīēy.

Ī ā nāī īī āāēā, ō āīāō ōāīāēūōōāēē - īāēī ēnōīē.

Ī ā āī ā

Учители кабалы описывали сотворенную Создателем реальность как «цепь эволюции». Она в конечном итоге восходит к удовольствию, которое Б-г испытывает от Творения. Именно удовольствием и порождено само Б-жественное желание – творить. Это Б-жественное желание проходит через множество стадий и метаморфоз, облекаясь последовательно в один «мир» за другим. И по мере нисхождения «сверху вниз» реальность каждого из этих миров становится все более и более телесной. Любая сила, любой объект и явление – всего лишь та или иная форма этого порождающего Б-жественного желания. И различия между ними заключаются лишь в способе «эволюции» желания Творца созидать. То есть различия – в способе проявления и развертывания.

Чем выше соответствующая реальность в «цепи миров», тем явственнее она осознает, что именно является ее источником, и тем глубже она проникается его «духовностью». То есть тем больше эта реальность готова служить Б-жественной воле, и тем меньше ей свойственно чувство «самости». И наоборот: чем ниже тот или иной «мир в цепи бытия», тем дальше он находится от истока собственного существования и тем слабее он осознает истинное положение дел. И потому – он менее склонен следовать воле Всевышнего, и тем явственнее подобный «мир в цепи бытия» проникнут эгоцентризмом, тем бесповоротнее погружен в материальность. И, значит, чем духовнее та или иная сущность, тем глубже и полнее удовольствие, к которому она стремится, ибо – она пребывает ближе к источнику такового. При этом следует осознавать, что предельно полное удовольствие состоит в переживании единения с Б-гом. А это достигается исполнением Его воли, когда связь с начальным звеном всей цепи бытия устанавливается напрямую. И это понятно: ведь именно здесь удовольствие пребывает в чистом, незамутненном виде.

Достигнув же «дна», «цепь эволюции» порождает сущности, не способные быть проводником воли Б-га. И – более того: подобные сущности даже противятся Его воле. Способность испытывать удовольствие приобретает здесь искаженный и даже парадоксальный характер. Ибо, если всякое удовольствие связано со способностью проникнуться Б-жественным удовольствием, разлитым в творении, то «на дне бытия» «удовольствием» является то, что провоцирует недовольство Б-га. Точнее – то, что противоречит Его воле. Но и это – всего лишь порождение Б-жественного желания. Ибо само то, что «сущее внизу» способно испытывать удовольствие на свой лад, связано с определенным Б-жественным замыслом. Действительно: Б-г пожелал, чтобы мы были наделены свободой выбора между добром и злом, – ибо только тогда наши поступки обретают смысл и значение.

Однако Б-гу бытие этих сущностей – неспособных быть проводниками воли Творца – желанно лишь затем, чтобы человек их отверг, распознав в них сопротивление Его воле. Тем самым сущность их бытия состоит в том, чтобы не быть. И в этом – смысл их сотворения и существования.

Ōīī qāā

В хасидизме для объяснения этого феномена используется метафора из сферы пищеварения. В процессе пищеварения съеденное движется через наш организм, и наши органы извлекают из пищи полезные и нужные элементы, отделяя их от шлаков. С каждой фазой процесса это разделение становится все очевиднее. В конце концов, полезная часть используется нами в качестве строительного материала для клеток и для поддержания жизненной энергии, а шлаки выводятся из организма. Продуктами пищеварения являются и питательные вещества, и шлаки: одни вырабатываются из пищи, чтобы организм мог их усвоить, а другие – чтобы от них избавиться.

«Цепь миров» – своего рода пищеварительная система мироздания. В ней сущность творения разделяется на субстанцию и энергию. При этом и та, и другая присутствуют в нашей Вселенной, как ее угодно было сотворить Б-гу. Подобный процесс разделения (как всякий известный нам процесс) порождает «мусор», «отходы» творения. Это – сущности, которые в ходе творения должны быть отделены и отброшены, чтобы результат был именно таков, каким мы желаем его видеть. Но из этого не нужно делать ложных выводов, например вроде следующего: «Поскольку наш опыт свидетельствует, что всякий процесс материализации сопряжен с порождением отходов, то именно таким образом должен был протекать и “процесс” сотворения Вселенной Б-гом». Но насколько Б-г сотворил мир таким образом, настолько наша реальность отражает динамику Его творения.

Конечно же, Б-г мог вызвать к жизни мир таким, чтобы благо прирастало в этом мире без нужды быть «замусоренным» чем-то, требующим отделения. Или Он мог бы вызвать мир, наполненный одним лишь благом без всякой примеси чего-то иного. И однако Он пожелал, чтобы благо, сущее в творении, было оттенено злом. Не затем ли, чтобы на фоне зла благо явственнее воспринималось полнее и глубже, а воля твари была бы направлена на то, чтобы отвергнуть зло и избрать благо? Тем паче истинно, что самая жизнь человека есть усилие, направленное на то, чтобы «вышелушить» благу составляющую из скорлупы, облекающей ее. Направленность нашего земного бытия должна быть такой, чтобы и в нашем «я», и в окружающем нас мире отличить ту самую питательную Б-жественную энергию от шлака.

В самом деле, наше представление о «благе» лишится смысла, если «благо» не подразумевает противостояния злу и отвержение зла. Дурно, когда зло претендует на то, чтобы его признали как нечто, обладающее ценностью, и чтобы ему попустились.

И именно в этом ключе рабби Шнеур-Залман из Ляд дает толкование на следующий пассаж из Талмуда (Макойс, 24а,б):

Раббан Гамлиел, рабби Элозар бен Азарья, рабби Иеошуа и рабби Акива странствовали. И были они за сто двадцать миль от Рима, когда услышали крики римской толпы. И заплакали путники, – один рабби Акива засмеялся.

Спросили его: «Почему ты смеешься?»

Он же спросил в ответ: «Почему вы плачете?»

И сказали они: «Эти варвары, падающие ниц перед изваяниями и поклоняющиеся идолам, – им дано жить в счастье и безопасности, тогда как мы, которые были скамейкой у стоп Всесильного (речь идет об Иерусалимском Храме), преданы были огню. Как же не плакать нам?»

И ответил он им: «Потому-то я и смеюсь. Ибо если такова участь тех, кто нарушает волю Его, сколь же больше <суждено> тем, кто блюдет Его волю».

Рабби Акива говорит здесь вот о чем. Если даже в «шлаке», рожденном Б-жественным желанием в ходе творения, стремящиеся к удовольствиям находят столь великое наслаждение, то – каково же удовольствие стремящихся единственно к исполнению Его воли, которая и есть исток и суть всякого наслаждения?!

Ḥidēlāē āā

В свете сказанного мы лучше пойдем некоторые моменты, касающиеся идолослужения Пеору, в которое впал еврейский народ перед тем, как войти в Землю Израила. Описано это в Торе, в главе 25 книги Бемидбар.

Поклонение Пеору было особо омерзительной формой идолопоклонства: перед этим идолом надлежало открывать задний проход и испражняться (Раши, Бемидбар, 25:3). Однако это было лишь физическим эквивалентом того, что человек совершает всякий раз, когда предпочитает мирское удовольствие – духовному, связанному с единением с Б-гом. Тем самым совершивший подобный выбор поклоняется отбросам творения: ведь он благоговееет перед тем, что надлежало бы отбросить, предпочтя этой мертвой шелухе извлеченную из нее энергию.

И не случайно Израиль впал в грех

поклонения этому идолу в самом конце сорокалетнего странствия по пустыне, когда Израиль уже разбил стан на восточном берегу реки Иордан и готовился войти в Землю Ханаанскую, чтобы осесть в ней. В течение сорока лет перед этим Израиль вел духовное существование. Небесная манна – духовная пища, которая целиком поглощалась организмом и не выводилась наружу (Раши, Бемидбар, 21:5). Манна небесная – духовная пища – поддерживала сынов Израиля в этом странствии, а воды волшебного «колодца Мириам» утоляли их жажду, и «облако славы» покрывало их, защищая от жестоких реальностей материального мира. Пребывая в этой изоляции от «внешнего», они были освобождены от диктата материального. Все – во имя того, чтобы ничто не отвлекало их от постижения и впитывания Б-жественной мудрости Торы, чтобы ее понимание не потерпело никакого ущерба. Таким образом Израиль в течение этих лет существовал внутри духовной идиллии, где нет места «шлакам» тварного мира.

Но, разбив стан на берегу Иордана, Израиль оказался на пороге новой эры: он должен был заселить землю, питаться от ее плодов, заняться политикой и торговлей. Иными словами – жить предстояло иной жизнью: погруженной в мир физических реалий и поддерживаемой физическими средствами. Впервые в своей истории как истории народа Израиль должен был вступить в прямой контакт с нижними уровнями «цепи миров» – с той частью «пищеварительной системы мироздания», что отделяет шлак от сути творения. Народу Израиля в первый раз предстояло самому провести разделение между Животворящим – тем, что питает духовность, и просто жизненным – погруженным в мирскую суету и замкнутым лишь на самого себя. Далеко не все в этой ситуации выбора проявили себя достойно. В стане Израиля прокатилась «эпидемия» поклонения Пеору. И – увь: многие соблазнились псевдонаслаждениями, которые сулили им «отходы творения», существующие только ради того, чтобы быть отвергнутыми...

Так было до тех пор, пока один-единственный человек – Пинхос – не пришел и по собственному разумению решительно и без колебаний положил конец поклонению Пеору, распространявшемуся среди сынов Израиля как заразная болезнь.

Ī īōá ī áíŷāō dāōáíēá

В главе 32 книги Бемидбар Тора описывает, как еврейские племена Реувена и Гада пришли к реке Иордан, чтобы поселиться на ее восточном берегу. Сыновья Израиля двигались к земле Кнаана, когда на них напали армии Сихона и Ога, чьи царства лежали на восточном берегу реки Иордан. Израиль, направляемый Моше, принял сражение: цари были разбиты, а их земли – покорены. Тогда колена Гада и Реувена – колена, занятые прежде всего скотоводством и овцеводством, – попросили, чтобы эти территории – прекраснейшие пастбища – были отданы им. Отданы в счет их доли в земле Кнаан, лежавшей на западном берегу реки Иордан.

Моше помрачнел, услышав эту просьбу. И напомнил им: за сорок лет до того народ Израиля уже был готов войти в страну Кнаан. Но, услышав слова разведчиков, посланных высмотреть эту новую землю, будто бы это – «страна, губящая своих жителей» (Бемидбар, 13:32), евреи отвергли землю, обещанную их предкам в качестве вечного наследия Израиля. Тогда Б-г повелел, чтобы они скитались по пустыне сорок лет, пока не умрет живущее поколение и не явится новое, готовое принять дар и вызов Земли Обетованной.

– Теперь же, – сказал Моше, обращаясь к коленам Реувена и Гада, – вы повторяете грех разведчиков: грех, который лег на целое поколение и на сорок лет задержал развитие истории еврейского народа. Подобно родителям вашим и вы отказываетесь от обладания землей, данной вам повелением Б-га.

Что же ответили на это два племени? Они заверили Моше, что желают поселиться на землях к востоку от Иордана и окультурить их, построив «загоны ... для скота нашего здесь и города для малых детей наших». При этом они пообещали, что войдут вместе с другими племенами в землю Кнаан и помогут им ее завоевать. Пообещали, что они будут идти во главе армии и на них ляжет основная тяжесть сражения. Лишь после того, как земли к западу от Иордана будут завоеваны и заселены, они вернуться на столь желанные им восточные земли.

Но как соотносится их ответ со сказанным Моше? Сначала создается впечатление, будто бы они отвечают Моше на начало его речи (Бемидбар, 32:6 – «Братья ваши пойдут на войну, а вы будете сидеть здесь?»), однако их слова, казалось бы, никак не касаются сути обвинений и недовольства Моше. Ведь тот указывает им, что они повторяют грех своих родителей, отвергнувших возложенную на них миссию заселить Ханаан.

Но дальше происходит еще одна удивительная вещь: Моше идет навстречу просителям и дает им во владение территории, которых они возжелали. Более того: он по собственной инициативе велит половине из тех, кто принадлежит к колену Менаше, присоединиться к Реувену и Гаду и поселиться на землях к востоку от Иордана.

Почему во взглядах Моше произошла столь резкая перемена? И если просьба двух племен изначально напомнила ему о грехе, лежащем на разведчиках, тогда что же побудило его принять предлагаемый план? Что же побудило Моше позаботиться о том, чтобы на востоке поселилась еще и часть колена Менаше?

Ī āñōōōāñēēē āñēŷā ī ā āñūē

Хасидизм считает так: грех разведчиков корнями своими уходил в их нежелание погружаться в пучину материальной жизни. Ведь в пустыне жизнь евреев была всецело сосредоточена на духовном, и ничто материальное им не мешало. И правда: их силы поддерживала манна небесная, их жажду утоляла чудесная вода из «колодца Мириам», а «облака Славы» защищали их и делали их одежду не ведающей износа.

Однако они знали: как только войдут они в землю Кнаана, манна с небес тут же иссякнет. И чтобы прокормиться, им придется пахать землю и собирать ее плоды. У них будет отнят «колодец Мириам», и тогда им придется копать колодцы и строить водоемы. «Облака Славы» рассеются, и тогда придется им ткать одежду, и что хуже – самим защищаться от врагов. Истинно, что тогда сообщество живущих в духе превратится в государство земледельцев, ремесленников, купцов и бюрократов. А этого они как раз и не хотели.

Неважно, что в материальном заключены искры Б-жественной энергии, которая сильнее всего того, что может «прорасти» из их духовного существования. Неважно и то, что символическая связь с этой землей может высвободить самые могучие силы, заложенные Б-гом в творении. Ведь риск был совершенно очевиден: перед ними простиралась «страна, губящая своих жителей». Разве могли они знать наверняка, что не попадут под гнет вечно-материального, поселившись на этой земле? Разве могли они знать наверняка, что им удастся пробудить и поставить себе на службу могучий потенциал этой страны? Вдруг они просто медленно, но верно будут все глубже погружаться в болото материальной жизни?

И тут мы видим: когда племена Реувена и Гада просили земли к востоку от Иордана, у них были совсем иные мотивы, чем у разведчиков. Они вовсе не боялись «увязнуть в материальности». Наоборот, они хотели заселить эти земли, построить на них города и загоны для скота, разводить на тамошних пастбищах скот. И их просьба: «Не переводи нас через Иордан» выражала не отказ искать «искры», погребенные в этой земле, а зачарованность возможностью высвободить более мощную Б-жественную энергию.

Помимо всего, земля к западу от Иордана при всей ее материальности была «Святой Землей». А именно – землей, где даже на самых земных вещах лежит отблеск духовности. Соответственно, остальной мир принадлежит более низкому и косному порядку, чем Святая земля. Но тем самым этот остальной мир – вместилище более высоких энергий.

И племена Реувена и Гада сознательно выбирают своей личной миссией поиск, раскрытие и возвышение тех искр Б-жественности, что наполняют уголки творения, далекие от духовности. И поэтому они говорят Моше: «Построим загоны ... для скота нашего здесь и города для малых детей наших». Эти слова

подразумевают: ты обвиняешь нас в том, что мы повторяем грех наших отцов, отвергнувших обещанные им земли, однако их стремление и наше стремление противоположны друг другу. Они не хотели погружаться в материальность тварного мира, мы же хотим связать свою судьбу с областью мира куда более вещной и плотной, чем Святая земля, назначенная нашим отцам в удел Самим Б-гом, – земля, на которой почиет отсвет духовности.

Действительно, восточный берег реки Иордан – часть «земли десяти народов», обещанной Аврааму. Обещание это будет выполнено лишь с наступлением эры Мошиаха. В дни Моше право на завоевание Святой земли и ее заселение распространялось только на «землю семи народов» западнее Иордана. Не случайно просители – Реувен и Гад – говорят сперва о загонах, которые они построят для скота и лишь потом – о городах, которые выстроят для детей. Казалось бы, уместнее было (и на это им указывает Моше) на первое место поставить людей, а потом заботиться о скоте? Но выбранный порядок перечисления, ясно показывает, о чем они на самом деле просят Моше. Племенами Реувена и Гада движет знание о том, что самые мощные запасы Б-жественной энергии сосредоточены в «низинах» творения. Это знание колена Реувена и Гада почерпнули из своего пастушеского опыта: искра Б-жественной жизни в животных мощнее, чем в человеке.

Моше в этой беседе исходит из того, что Б-жественная энергия, пойманная в ловушку физического мира за границами Святой земли, может быть высвобождена одной духовной активностью Израиля на Земле Обетованной: так искры большого костра разлетаются далеко. Поэтому сознанию Моше чужда идея заселять какие-либо иные земли, кроме Земли Обетованной, – с его точки зрения, в этом просто нет необходимости. Так что речь о двух методах высвобождения «искр Б-жественности» из ловушки материальности – путем погружения в жизнь мира или путем «разжигания великого пламени».

Àéí àì èèà íáíáõîáèì ìñòè

Однако осознания того, что более мощный потенциал связан с более низким положением в иерархии мироздания, еще недостаточно. Когда душа нисходит к нижним слоям, дабы высвободить искры Б-жественности, там сокрытые, это сопряжено с известным риском.

Сам Б-г указал пределы нашей способности возвышать материальное, дав в Торе 365 запретов, и все они связаны с сущностями, ресурсами и опытом, которые нам не под силу возвысить. Ведь даже в царстве дозволенного нам следует двигаться с величайшей осторожностью, пролагая свой путь таким образом, чтобы всякий раз идущий был уверен: он действительно сможет высвободить Б-жественный потенциал, не заплатив за это полным низвержением в материальное.

Усомнившись в своей способности совладать с Кнааном, разведчики совершили ошибку. Эту миссию возложил на них Сам Б-г, а Б-гу известны пределы и возможности, отпущенные каждому созданию. Территории, на которые претендовали племена Реувена и Гада, не были частью той земли, что назначена им от Б-га. Как же они могли знать, что у них достанет сил высвободить Б-жественные энергии, погребенные в этой «тяжелой», «бездуховной» земле?

Одно из первейших правил, сопряженных с материальной жизнью (и следующее сразу за необходимостью различать дозволенное и недозволенное), – это умение отличать насущнонеобходимое от излишнего. Если некий человек видит в том или ином материальном ресурсе нечто жизненно необходимое, то, очевидно, он способен использовать Б-жественный потенциал этого ресурса. Ибо если провидение подвело человека к тому, что он без чего-то не может обойтись, то, значит, Б-г наделил данного человека способностью найти этой столь необходимой сущности надлежащее применение.

Еще раз отметим, что правило это распространяется только на то, что дозволено законами Торы. По отношению к тому, что запрещено, всякое желание этого как «необходимого» – иллюзорно. Б-г позволяет человеку действовать вопреки Своей ясно выраженной воле, но Он не понуждает к этому. С другой стороны, когда речь идет о некоей роскоши, о том, что скрашивает, а не поддерживает жизнь, следует отдавать себе ясный отчет: то, что человек пытается поставить себе на службу и тем вознести и очистить, часто превращает его в своего слугу, унижая и пятая.

Заметим: представители колен Реувена и Гада (Бемидбар, 32:4) говорят Моше: «Земля, которую поразил Б-г перед обществом Израиля, земля эта пригодна для скота, а у рабов твоих скот». Вот их позиция: волею Б-жественного провидения нам дано жить разведением скота, и той же Волею эта страна создана пригодной для наших материальных нужд, а потому мы можем верить, что мы способны использовать мощный потенциал этой земли.

Àõõîáí àý ì íáã ò íáèà

Но даже когда человек удостоверился в том, что некая область материального мироздания дана именно ему, чтобы он развивал ее и заботился о ней, он предварительно должен «испытать себя». И убедиться, что он надлежащим образом связан с более тонкими зонами мира.

В этом заключается глубинный смысл «образования»: прежде чем человек окажется глубоко связанным с какими-то аспектами грубого профанного мира, его помещают в духовную среду идей и ценностей. Так что, когда он вступит в прямые материальные отношения с миром, он будет смотреть на этот мир «с точки зрения духовности». Вот почему вступлению Израиля в назначенную ему страну предшествовал период духовной жизни в пустыне. И прежде, чем племена Реувена и Гада смогли заселить земли к востоку от Иордана, они должны были принять участие в завоевании Священной земли на западном берегу реки.

изгнание? Обратим внимание на то, что из всех стран, существующих на земле, только Эрец Исроэл получил имя «Святой земли». В главе Торы Дворим (11:12) сказано: это «страна, о которой Б-г, Всесильный твой, заботится всегда, глаза Б-га, Всесильного твоего, на ней от начала года и до конца года». Когда мы пребываем в состоянии духовной свободы, как было в течение 810 лет, пока стоял Храм, это – страна, где благословение Б-га ощущается не как что-то смутно различимое через завесу природного мира, а – непосредственно.

Точно так же в состоянии духовной свободы мы различаем, что все, поддерживающее нас в этой жизни, исходит от Б-га. Заметим: Эрец Исроэл – единственная страна, где Б-жественное откровение регулярно являло себя в десяти чудесах, ежедневно происходивших в Храме (Поучения отцов, 5:8). И если воспользоваться языком духовных описаний, то Эрец Исроэл – олицетворение Б-жественности, ясно явленной в творении.

В иных землях Б-г предпочел скрыть Свое присутствие за завесой природы. В результате мы полагаем, будто нас питают наши усилия и труды. Ибо не видим, что истоки и поддержка нашего существования – благословение Б-га. По сути, это – состояние голуса, когда даже в Святой земле природа кажется силой, управляющей нашей судьбой, и мы не способны различить дух Б-жий, ведущий нас. «Знамений наших не видим мы более» – жалуется в Теилим (74:9) Псалмопевец. В реальности ничего не изменилось: миром все так же управляет Создатель, – просто замутнено наше восприятие.

При том, что Эрец Исроэл и голус – полярнопротивоположные состояния бытия, именно Эрец Исроэл, точнее даже ее границы, делают изгнание возможным. Границы, упомянутые в начале главы Масъэй, очерчивают Эрец Исроэл и тем самым определяют существование «других стран». Известно: всякая физическая сущность занимает некое пространство. И поэтому для того, чтобы имелось больше одной сущности, та должна обладать точно определенными параметрами, очерчивающими ее пространственные границы. Однако точно так же и существование более чем одной страны, требует ясного определения границ. Они и указывают: где кончается одна страна и начинается другая.

Но то же самое всецело применимо и к духовному царству. Б-жественность явлена лишь в некоем ограниченном «пространстве», и это означает, что все иные «пространства» лишены Б-жественного откровения. В физическом аспекте земля Израиля конечна. И она заключена в четкие границы, очерченные Б-гом именно потому, что на духовном уровне Б-жественное присутствие явлено в мире отнюдь не всюду. Оно явлено лишь в строго определенных местах, и там мы явственно ощущаем это присутствие. С приходом же Мошиаха, когда присутствие Б-га будет явлено во всем творении, предречено в Ялкупт Шимеони (503), что «Эрец Исраэль распространится по всей земле» (см. также Ликутей Тора на Масъэй, 89б). Но тогда сами эти ограничения пространства предопределяют существование «пространства голуса», то есть тех зон, где присутствие Б-га сокрыто. Иными словами, сокрытие лика Б-га с неизбежностью вытекает из того, что изначально присутствует ряд ограничений на его возможные манифестации в нашем мире. Благодаря этому мы видим: возможность пребывания в эпохе голуса во времена сокрытия Б-жественного присутствия (это – тема «Трех недель») вытекает из пространственных ограничений, наложенных на «Страну Израиля». И именно последнее – тема главы Масъэй.

Такое объяснение приводит нас к выводу, что существующая между Масъэй и «бейн а-мцорим» связь – явно выраженного негативного характера. Ибо то, что Страна Израиля существует в определенных физических границах, предопределило трагедии 17 тамуза и 9 ава.

Но если мы задумаемся над этим глубже, то вывод наш окажется совершенно иным.

Адаи ъ динь а

Поверхностному мышлению голус предстает только ужасным наказанием за наши грехи. Однако истина во всей ее глубине скорее прямо противоположна этому представлению. Ибо именно вызов изгнания высвобождает величайшие, самые могучие силы нашей души.

Почти 2000 лет мы страдаем, живя под дланью других народов. Мы изведали муки, рабство и гонения. Но при всех бедах, выпавших на нашу долю в разные эпохи и в разных странах, оставалось неизменным одно: наша безоговорочная вера в Б-га, Тору и конечное Избавление. И евреям, жившим в «золотую эпоху» Иерусалима, не было дано выразить нашей вере столь глубокую приверженность своих душ. Лишь мы, живущие во мраке изгнания, призваны открыть эти глубочайшие и самые мощные ресурсы наших душ. Открыть наше сущностное «я», в сердцевине которого – истина: «Израиль и Б-г – одно».

Как сказал Псалмопевец (118:5): «Из тесноты воззвал я к Г-споду» – и «простором ответил мне Г-сподь».

В напастях мы обретаем способность пробиться к истинной, не ведающей пределов сущности, пробиться к сердцевине «я» – искре Б-га в душе. И в этом – смысл изгнания. Он в том, чтобы мы постигли всю бесконечность наших возможностей и нашли этому выражение. В чем глубинное объяснение того, почему мы говорим о «Трех неделях», ставших толчком к изгнанию, как о «бейн а-мцорим»? Ведь понятие «мейцар» – бедствие – указывает и на позитивный потенциал, скрыто присутствующий в состоянии голуса. Это и выражено в цитированных стихах псалма. И то же самое можно сказать о границах Страны Израиля. Хотя они олицетворяют пределы, положенные манифестации Б-га в нашем мире, но само сокрытие Его лика за пределами этих границ есть то, что и пробуждает истинный потенциал нашей души.

Такой урок можно извлечь из главы Масъэй и периода «бейн а-мцорим». Мы должны видеть в выпадающих на нашу долю трудностях не один лишь негативный опыт – надо видеть и величайший стимул к

развитию. Должны мы узреть то, что побуждает нас достигнуть внутренних глубин нашего «я» и отворить колодец энергий, сокрытый в нас. И пусть та или иная ситуация, в которой мы пребываем, нам не подконтрольна. Однако само наше к ней отношение – целиком зависит от нас. Мы способны принять происходящее как еще один толчок к росту и развитию. Как еще одну открывающуюся возможность сделать усилие для дальнейшего совершенствования. Пусть мы никогда не понимали и не поймем до конца: почему с нами произошло то, что произошло? Тем не менее мы можем – и должны! – использовать все, происходящее с нами, чтобы стать лучше.

Áarðei

ΟΙ ΕΞΑΕΥΙ ΙΝΟΥ ΕΙ ΕΑΕ ΑΑΙ ΔΕΙ

Áto ñeíaa, ei otí oúta ñarðee Ì íoa ána ó Èçðaeép Áarðei, 1:1

Óaeíe óðaqé ía:éiaòñy íyðay éíeá Òíðu. È óóò ñeáúò ííá:adeíóóú ðaqe:ea ì áeáò Áarðei è íðáúúòúeíe :aóúðúy éíeáúe Òíðu. Éae ííymýpò íaóe íóáúúú, ána :aóúðá íðáúúúòápuéa éíeáe áúeé «ñeíaaí è Á-á», óííaa éae óaeíò éíeáe Áarðei «íáaeéóíáú» Ì íoa (Ì áeéa, 31a) «íí ñáúúáú ííe éíeóeáðeá».

Íáíaeí aeá yóí íe á éíai ñeó:áa íá íçíá:áaò, :óí éíeá Áarðei - ána eéou eç úeéateý ñ áðóííá. Ì óáúúú ðaq çá ðaqí ííá:adeéáapò: Ì íoa íðeçííñe ñeíaa, ñóáaeá éíeáe Áarðei, «emííeíeáeñí Áóá Nájóíá». Óí:íí óae aeá Ðai áai, áaqy (Çaeííú ðañeáýíeý, 3:8) ííðáaeáíeá «óai, éof íóáúúúò Òíðu», aeép:áaò áeó :eíeí añeíá ðááðe:áapúáá, áaóí Òíða - óíoy áú aeéííá áá ñeíáí - íá íó Á-á. Áñe éof-óí óááðe:áaò: «á áto yóí íðeáaeáíí Ì íoa íó ñay», óí óai íai úi «íóáúúúò Òíðu». Íáò íe íáííá éíí íáíóadeý, áa ñeçáíí, :óí éíeá Áarðei yóeí íóeé:áaòñy íó íðáúúúòápuéa :aóúðú éíeá Òíðu. Éíaa Ì íoa ñarðeó (Áarðei, 11:14): «Áai B áíxauí ñóðat á áaeae á ññe», óí yóí - áúñeçáíáíeá íó íáðatá eéóá. È ííí, óíðí aeúí í ñíóííñyñí ñáíáðyúeí, ýmí í óeçáíáaò íá Á-á. Éat Ì íoa íá í úñeéò ñay áíá Áeáúúáí ííá, ííymýpò Çíáð (III, 232a) è Òí íeñ Ðaaá 3:15): «Á-aeáúúáí ííá íðeíúúúóaeá ñarðeó áá óíðáí è». Íí, ñ áðvare ñóíðíú, ì ú ýaúúáí íí aeáeí - á éíeá Áarðei íaóeí íóðaeáíeá è ì úeéateáñí íá Ì íoa

Ííyméí yóí íá ñeáúpuáí íðeí áúí

Ñóae í óáúúúá ñáúúúápuò ána ííáóíaa è eñóíeéíáaeép óaeóá, :óí óá eéé éíúá óai ú eçeáapòñy á Òíða ðyáíí. Íáíe íaúðaeáapò íá óíí, :óí yóí áaeíí è éíáaò íñáúe ñí úñe. Áðvare - ññeapòñy íá íðíúqð íáíáóaeí ñóú íñeááíáaóaeúí ñóe, ñeíeóáúíqð éí áííí :aeíáa:aeíí ó ì úeéatep. È óeçáíáapò íá óí, :óí íñeááíáaóaeúí ñóú óai è ýíeçáíá ñayçáíá eéou ñ íáðáíe:áíí ñóqð :aeíáa:aeíeá áúñ ðeýóeý: «Ì ñeíeúeó Òíða áaóíáí á Áññeéúú úí, ííñóíeúeó ííðyáíe eçeíaeáíeý íá éí áaò çíá:áíeý» (Áðíóíeñ 21a, Éaáíí íeñ 4a).

Íáíaeí éíáa ða:ú çáóíaeó í éíeá Áarðei, ána eñóíeéíáaóaeé ñáeáñí ú: íñeááíáaóaeúí ñóú eçeíaeáíeý á íae éí áaò çíá:áíeá «Ì íoa ññóáaeé áá éí áííí óae, áaqáò çá áaqáúí, éí áííí aeý óíáí, :óíáú óae áá è óíeéíáaeé», ñ:eóae óáaeé Ýeíçað áúí Í ánaí (ðaqeé 34).

Óaeéí íáðaqí, óaeíò éíeáe Áarðei íðeçíááú Ì íoa íí ána éíeóeáðeá È ííóíí ó aeý íííeí áíeý yóíá óaeíò á óðáúúúúñy ííí íeóú :óí ó :aeíáa:aeíeé ì óáúúúò è áúúúñáe çaeííú.

Ì íááðó ì óáúaeíá

Продолжать наши пояснения мы сможем только в том случае, если уясним связь между Торой и нашим миром.

В Мидраш Теилим (90:3) и Брейшис Раба (88:2) мудрецы утверждают: «Тора предшествовала миру». Представление о предшествовании Торы миру никак не связано с хронологией. Ибо время, как и пространство, связано с тварностью, а эта категория появляется лишь постольку, поскольку Б-г дал существу бытие. Цитируемая же формула указывает на иной аспект Торы: она существует на уровне духовной истины, превосходящем материальные рамки каких-либо соответствий. И при этом Тора снисходит до мира и облачается в этот мир, когда говорит о столь обычных вещах, как законы земледелия, правила честного ведения дел, законы женитбы и структура отношений в семье. Однако не это суть Торы. Как объясняет Тания (гл. 4), суть Торы – «воля Б-га и Его мудрость», путь к совершенному единению с Ним.

И – так как Тора сущностно выше этого мира, но также и облачена в этот мир, – необходимо, чтобы между Торой и миром был какой-то посредник. Посредник, причастный как духовному ядру Торы, так и смертному порядку бытия. Наш учитель Моше обладал и теми, и другими атрибутами. С одной стороны, Моше олицетворяет битул – полнейшее самоотвержение во имя Б-га. И эта приверженность Моше Б-гу превосходит все, что может помыслить земное сознание. При этом он олицетворяет и чисто человеческие качества в их совершенстве. Его интеллект, эмоциональность, сама его физическая сила и стать воплощают возможности, данные человеку. Словом, воплощают заложенный в нем потенциал (Шабос, 92а, Недорим, 38а).

В комментарии Рамбама на Мишну Моше описан как «совершеннейший среди всех людей» (Сангедрин, 10:1). В силу этого, сказано в Овойс (1:1), Моше был способен получить Тору и передать ее другим. Он был призван принести трансцендентную духовную истину Торы в форме, понятной смертным.

Áàà í óòè

В хасидизме принято выделять два типа посреднических функций. Один – дерех маавир, когда посредник выступает лишь каналом, никак не изменяя и не трансформируя влияние, воздействующее на него. Он «проводит» это влияние вниз – так, что оно не подвергается сколь-нибудь серьезным изменениям. А потому, сойдя на более низкий уровень, влияние это остается трансцендентным.

Другой тип – дерех ислабшус, когда посредник переводит соответствующие представления на свой язык, приравливая их к собственному восприятию таким образом, что в итоге меняется форма, в которую представления эти облечены. И благодаря этому становятся доступны реципиентам на уровне их восприятия.

Попробуем теперь приложить сказанное к Торе. Первые четыре книги Торы Моше передал еврейскому народу, не прибавляя ничего от собственной личности. И при этом ни на йоту не изменяя полученное им самим сообщение. Такая трактовка – в восьмом из «Тринадцати принципов веры» Рамбама в его комментарии на Мишну, (Сангедрин, 10:1). И здесь коренится отличие первых четырех книг Торы от книги Дворим. Ибо для нее «Святой Дух», слово Б-га, было источником. То есть – слово Б-га стало частью и сердцевинной мысли самого Моше.

Сознавая это, мы поймем, почему все сведущие в Торе согласны в одном: суть законов Торы можно вывести, сообразуясь с порядком тем в книге Дворим. Что касается первых четырех книг Торы, то порядок изложения в них отнюдь не случаен. Он задан (Шало, 402б) мудростью Б-га и тем самым следует законам, превышающим понимание смертных. Но ведь законы Торы выводятся «не на Небесах». Это предоставлено интеллекту смертных. А следовательно, «смежность» тех или иных тем в первых четырех книгах Торы не может служить источником для наших построений. Наоборот, книга Дворим прошла через фильтр сознания Моше. И последовательность ее организации соответствует человеческому мышлению. А значит, «смежность» тем в ее тексте может служить опорой для выведения законов Торы.

Śí àí èà, ñò ààò àá : àñ ò ùḡ àí óò ðáí í áá «ý»

Возникает вопрос: а действительно ли необходима книга Дворим? На первый взгляд, тот факт, что Тора облечена мышлением человека, приводит лишь к тому, что ее духовное содержание претерпело ущерб. Во имя какой же цели Б-г облек Тору мышлением смертного? В этом и состояло намерение Б-га, когда Он даровал Тору. Так задумано, чтобы Тора проникла в сферу смертного, напитала ее собой, и вознесла человеческое понимание на иной уровень. Когда бы человек ни изучал Тору – вне зависимости от его духовного уровня, – он впитывает мудрость Б-га, и эта мудрость Б-га становится частью его личности.

Если бы Тора состояла лишь из первых четырех книг, тогда отпущенного нам понимания было бы недостаточно, чтобы всецело соединиться с Торой. Поэтому книга Дворим и прошла через трансформацию интеллекта Моше. То, как Моше понимает Тору, отразилось в книге Дворим. А тем самым и нам открыта возможность, следуя за мышлением Моше, постигнуть предыдущие четыре книги Торы.

Возвышение Торы

Как сказано, Тора облечена в понимание смертного, и это не только дает человеку возможность постижения истины и тем самым – возможность совершенствования. Это придает Торе еще одно измерение, вознося ее на более высокий уровень. То, что бесконечная духовность Торы облечена ограничениями смертного человеческого сознания, являет нам слияние противоположностей. Или – встречу двух разнонаправленных потоков. А это возможно только под влиянием сущности Б-га. Дворим – пятая книга Торы, выражающая это соответствие самым доступным образом. Сущность Б-га превосходит и конечное, и бесконечное. Она может слить неслиянное воедино и сделать духовную истину Торы постижимой для смертных с их ограниченным пониманием.

Это также имеет отношение к уникальному вкладу, внесенному в духовность иудаизма хасидским учением и движением Хабад, – акроним этот образован из слов на иврите «мудрость, понимание и знание», ибо учение Хабад стремится сообщить глубочайшую мистическую истину Торы в форме, доступной ограниченному человеческому интеллекту.

Í à ááðáññ Ëí ðááí à

Моше огласил книгу Дворим, когда евреи стояли на берегах Иордана, готовясь войти в Святую землю. Переправа через Иордан была пересечением не только географической границы, но и духовного рубежа. Во время странствий в пустыне евреи зависели от милости Б-га, от ее чудесных плодов. Их ведь питала манна, источником воды для них был чудесный колодец Мириам, а Облако славы, окутывавшее их, оберегало одежду от любой порчи. Войдя же в страну, евреи должны были вернуться к жизни внутри естественного порядка вещей. Что означало – жить, возделывая землю и питаясь плодами своего труда. Чтобы этот переход совершился, им нужно было увидеть, как связана Тора с человеческими действиями в материальном мире. Вот для этого Моше и дал евреям книгу Дворим.

И тут надо сказать о связи этой книги с сегодняшним нашим днем. Мы ведь до сих пор все еще пребываем на «берегах Иордана», готовясь войти в Эрец Исроэл. Войти вместе с Мошиахом. Основатель хасидизма Баал-Шем-Тов в письме шурина Гершону КитOVERу писал: когда это учение распространится по всему миру, свершится приход Мошиаха.

И подход к Торе, выраженный в Дворим, где слово Б-га сплавлено с мудростью смертного, приведет нас к радости, когда, по слову Рамбама (Законы Царей, 12:5): «заботой мира будет лишь одно – знание о Б-ге».

Это и приведет к Эпохе Искупления.

АУАААО, І І ДААЕІ

Этдә Оәәәіәә

*В і а даҕ ааідеәа: ааәе – јоі аіааіәд і аәәо і аәәеііе, аәіуеііе е А-аі, ааідеәа јоі м
нәдәәіу, н і ааәәәе, м ааәе енедәі і нәдәі. Іаіаәі і і-іааіууаі о іуәәәә јоі еәәу і ааааі, е јоі
і ааәәәәі е аәі аі еәі і аіу нәәу аа, ааі у а аааіууаі е і м а аәу*

Мне доводилось бывать на многих замечательных свадьбах, когда прекрасные люди вступали в прекрасные браки и создавали прекрасные семьи. Многим доводилось присутствовать на таких брачных церемониях. Но приходилось ли вам когда-либо быть на свадьбе, где действительно ощущалось присутствие Б-га, благословляющего свадебный обряд? Я не собираюсь подражать Роду Серлингу, но недавно мне довелось побывать на свадьбе, где впервые в жизни я ясно почувствовала: этот брак заключается по воле Б-жьей.

Я очень-очень религиозна. Но честно говоря, до сих пор никогда не ощущала, что Б-г любит меня – по крайней мере, не так конкретно, как ощущает это ребенок, говоря: «Мамочка, я люблю тебя». Однако данная свадьба способствовала тому, что пустота, зиявшая в моей душе, заполнилась.

Знакомый молодой хасидский раввин женился на девушке из Бруклина. Они замечательно подходили друг другу. Никакой брачный посредник не старался подобрать эту пару, никто не подсказывал им: «было бы неплохо, если бы...» Никто их не принуждал. Они познакомились, стали встречаться, все чаще виделись, беседовали еще и еще на самые разные темы и лишь тогда приняли решение. Эта пара казалась идеальной – это был брак, заключенный на небесах. Как выразился один раввин: «Бывают души, которым сам Б-г предназначил встретиться и сойтись». Именно так получилось в данном случае.

Это была первая хасидская свадьба, на которой я присутствовала, поэтому естественно, что многое удивляло и побуждало задавать вопросы. Как мне объяснили, в день свадьбы и жених, и невеста постятся. Ведь брак – это серьезно! Это – таинство, в котором две души соединяются навеки, крепя свою связь с Б-гом и со всем человечеством.

Мне хотелось еще до брачной церемонии встретиться с Довом, женихом. Я нашла его в большой комнате среди других хасидов, исключительно мужчин. То, что я увидела, растрогало меня до глубины души: они сообща молились и пели. Жених целый день ничего не ел, но он был погружен в молитву, произнося полагающиеся тексты наизусть. Происходившее было совершенно непохоже на холостяцкую вечеринку – мальчишник. Тут в центре было настоящее духовное переживание.

На протяжении всей истории правоверные евреи рассматривают мужчину как существо неполное до тех пор, пока он не женится. Именно женщина в состоянии достигнуть более духовной связи с Б-гом. Мужчине же, чтобы установить общение с Б-гом, надо приложить гораздо больше усилий. Но только вместе их души образуют одно целое, и они испытывают полноту существования.

Интересен насчитывающий 2300 лет обычай заключать перед свадьбой брачный договор, согласно которому жених отдает невесте все – душу, жизнь, мирское имущество, словом все! А что дает взамен она? Она «показывается» – я очень люблю это выражение.

Все это время невеста находилась в другой комнате, где она восседала на кресле, напоминающем трон. Мои друзья сказали, что нам следует поздравить и благословить ее. Я ответила: только что мы виделись с ней в лифте, и я сказала ей, что она выглядит замечательно. «Нет, нет! – вскричали они. – Именно сейчас, перед самой свадьбой женщина особенно ощущает свою близость к Б-гу. Поэтому если ты нуждаешься в том, чтобы кто-то помолился за тебя, именно сейчас самое время попросить ее об этом. Она сейчас как прямой провод к Б-гу».

Всякий раз, когда я хочу о чем-то попросить Г-спода, первое, что приходит мне в голову, – это дети, больные раком. Пусть Г-сподь пошлет им выздоровление, а я уж как-то обойдусь. Больше я ни о чем не прошу. Мои друзья, глубоко погруженные в молитвы, бывают обескуражены, когда я говорю им об этом. Но я просто не в состоянии заставить себя просить Г-спода о чем-то личном, обращаться с какими-то эгоистическими просьбами. Однако я подошла к невесте и что-то прошептала ей на ухо.

Тут два человека ввели в комнату жениха, один поддерживал его справа, другой слева, так как сам он едва передвигал ноги. Мы с женихом – давние друзья: увидев его, я поняла, что он сам не свой! На лице его было восторженное выражение, в глазах – слезы: так он был тронут тем, что означал его брак для вечности.

Приблизившись к невесте, он опустил фату ей на лицо. Через эту фату ей уже ничего не было видно; с этого момента ее вели под руку, иначе она стала бы наткаться на стены. Фата имеет следующее философско-духовное значение: мы вступаем в брак потому, что нас влечет к другому человеку, он кажется именно тем, что нам нужно. Он кажется хорошим – и такой он, и расстойкой, хотя по существу мы его не знаем! Что у него в глубине души, нам фактически неизвестно. Эта глубина скрыта, и требуется время, чтобы она открылась. У каждого из нас есть какие-то непривлекательные качества, но они не обязательно проявляются при первой встрече. Ритуал опускания фаты на лицо невесты означает, что жених видит не внешнюю привлекательность невесты, а то целое, с чем он свяжет свою жизнь, включая и те стороны ее характера, которые ему неизвестны.

...Затем церемония была перенесена из помещения под открытое небо, на котором сияли звезды. Жених стоял под хупой, а невеста семь раз обошла вокруг него: это символизировало построение храма, внутри

которого будет горячая духовная любовь и преданность. Это в силах сделать только женщина, потому что она тесно связана с Б-гом. Когда невеста присоединилась к жениху под хупой, они даже не поцеловались. И никто из присутствующих ничего не бросал.

Когда церемония закончилась, они вошли в комнату, где их оставили одних: там они сообща прервали свой пост, поели, взяли за руки и поцеловались. Впервые в жизни они прикоснулись друг к другу.

Просто невероятно было наблюдать всю эту полную глубокого смысла церемонию и сознавать, что понадобились тысячелетия – целые тысячелетия, чтобы создать такую столь волнующую атмосферу. Там, под звездами, я по-настоящему ощутила присутствие Б-га. Впервые я узнала, что эти мужчина и женщина предстоят перед Бгом и Б-г видит их. И это произошло у меня на глазах!

ИЮЛЬСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

*אֲדָאָה עֵ 300-עָאָדער יִאָוּבִילִיאַ
יִיִן אֶרֶץ רוֹסְיָה*

В Большой хоральной синагоге Петербурга состоялся концерт всемирно известного симфонического оркестра из Израиля под управлением Зубина Меты, который прибыл для участия в фестивале «Белые ночи» по приглашению маэстро Валерия Гергиева.

Выступление в синагоге было приурочено к празднованию 300-летнего юбилея Петербурга еврейской общиной города. Организаторами концерта стали президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев, главный раввин России Берл Лазар и Петербургская еврейская религиозная община.

Приезд знаменитого оркестра израильской филармонии на юбилейные торжества – один из подарков еврейской общины к 300-летию города. Другим подарком стало завершение реставрации здания Большой хоральной синагоги – памятника архитектуры федерального значения. Это особенно знаменательно в связи с тем, что в нынешнем году синагога отмечает свой 110-летний юбилей.

Перед концертом состоялась пресс-конференция с участием Леви Леваева, Берла Лазара, главного раввина Петербурга Менахема-Мендла Певзнера, председателя Петербургской еврейской религиозной общины Марка Грубарга и зарубежных гостей – Зубина Меты и министра правительства Израиля Натана Щаранского.

Выступая перед журналистами, Леви Леваев назвал концерт израильского оркестра в Петербурге строительством моста культуры между Израилем и Россией. Он также отметил, что в последние годы правительство России и губернаторы поддерживают возрождение еврейских общин. Президент ФЕО заявил:

– Сегодня в Федерации объединены 407 еврейских общин СНГ, открыто более 75 еврейских школ. Когда мы открывали одну из первых таких школ в Петербурге в начале 90-х годов, разрешение подписывал Владимир Владимирович Путин. Мы гордимся тем, что он стал президентом России. Мы догоняем Америку и Европу в развитии жизни еврейских общин... Мы строим новые отношения и в культуре, и в бизнесе – они должны стать мостом и для выходцев из России в Израиле.

Главный раввин России Берл Лазар подчеркнул, что каждый шаг в развитии еврейской жизни очень важен, потому что любой путь, который будет приближать еврея к его истокам – правильный путь. Раввин подчеркнул:

– Для России это особенно важно и актуально, так как раньше многие евреи предпочитали скрывать свое еврейство. Наша задача – остановить ассимиляцию евреев. Для этого мы и должны способствовать их участию в еврейской жизни.

Зубин Мета выразил особую благодарность Леви Леваеву, благодаря которому оркестр смог приехать на празднование юбилея Петербурга. Он отметил:

– Пятьдесят процентов музыкантов оркестра являются выходцами из Советского Союза. Они имеют хорошую школу, и мы рады, что они работают у нас.

Перед началом концерта почетные гости выступили перед прихожанами синагоги и многими петербуржцами, специально пришедшими на торжество послушать классику в исполнении прославленных музыкантов.

В церемонии принял участие губернатор Петербурга Владимир Яковлев, который поблагодарил еврейскую общину за ее активное участие в подготовке празднования 300-летнего юбилея города.

На концерте были исполнены Сороковая симфония Моцарта и Пятая симфония Шуберта. Выступление израильских музыкантов прошло с огромным успехом.

נְרָא עִיּוֹ.

*יִדְעוּ עַל עֵינֵינוּ אֶבְרָהָם אֶבְרָהָם
אֶבְרָהָם אֶבְרָהָם אֶבְרָהָם אֶבְרָהָם*

В Международном общественном фонде социально-экономических и политологических исследований «Горбачев – фонд» состоялась встреча экс-президента СССР Михаила Горбачева с главным раввином России Берлом Лазаром.

Раввин Берл Лазар высоко оценил вклад Михаила Горбачева в создание условий, обеспечивающих свободную и полноценную жизнь российского еврейства. Раввин заявил:

– Вы открыли «железный занавес», и евреи получили возможность ездить в Израиль, в Америку – куда захотят. Правда, сейчас ситуация меняется: евреи начали возвращаться в Россию.

Как подчеркнул р. Берл Лазар, Россия сегодня является не только открытой, но и свободной страной. И поэтому евреи, кроме того, что они получили право свободного въезда и выезда, по убеждению раввина, теперь могут «жить полноценной, полноправной еврейской жизнью в России».

В свою очередь, Михаил Горбачев отметил, что с гражданских позиций он всегда был сторонником «открытого выезда». Но по поводу этой проблемы экс-президент высказался вполне определенно следующим образом:

– И в то же время, я всегда считал и считаю, что отъезд интеллектуальной элиты является потерей для государства.

В ходе обсуждения ситуации на Ближнем Востоке Горбачев дал позитивную оценку наметившихся путей решения арабо-израильского конфликта. Он также сообщил, что в ближайшее время планирует посетить Израиль.

Раввин Берл Лазар предложил объединить усилия для укрепления имиджа России в мире. В ходе беседы были намечены конкретные пути, ведущие к этой цели. Бывший советский лидер и главный раввин России обсудили также основные пути сотрудничества «Горбачев-фонда» с Федерацией еврейских общин России. И в первую очередь такое сотрудничество будет затрагивать вопросы укрепления связей эмигрантов с Российской Федерацией. Были также оговорены обоюдные шаги по реализации ряда совместных благотворительных программ.

Èí ò à à ò à è ñ

Ì ÐÀÇÁÌ ÒÀ ÕÈÈ ÈÈ ÓÁÀ ÁÀ ÐÁÈÑÈÈ Ò ÆÈÇÌ ÁÑÌ ÁÌ ÎÁ

В московском клубе «Муха» прошел вечер для еврейских предпринимателей. Его организовали Ассоциация поддержки еврейского бизнеса и Федерация еврейских общин России.

На вечере, где собрались около двухсот человек, прошла презентация клуба еврейского бизнеса «Ошер», созданного при поддержке ФЕОР. Рождение нового клуба приветствовал главный раввин России Берл Лазар.

Директор клуба

Авраам Грозман

на презентации сообщил:

– Клуб создан

корреспонденту Леви Леваев. – Мы снова возвращаемся к свободе, к религии, к любви... Те, кто думал, что можно будет так просто вычеркнуть религию из истории еврейского народа, все же ошиблись. Для каждого народа религия – это фундамент, это жизнь и воспитание поколений. И сегодня мы в очередной раз видим, что все это возвращается. Мы сегодня видим возрожденной вот эту – великолепную – синагогу. Мы видим, как радуется весь город, и мы тоже все очень довольны».

Главный раввин России Берл Лазар, в свою очередь, отметил, что считает Украину самой еврейской страной в составе СНГ, подарившей миру много выдающихся еврейских деятелей. И восстановление, и открытие харьковской синагоги в очередной раз подтверждают это, подчеркнул раввин.

В торжественной церемонии открытия синагоги приняли участие губернатор харьковской области Г. Кушнарев, мэр Харькова Г. Шумилкин и другие официальные лица. с целью поддержки малого и среднего бизнеса – от организации встреч с крупными предпринимателями до оказания юридической помощи. Кроме того, клуб рассматривается как место, где предприниматели смогут найти новых партнеров и расширить рынки сбыта.

Ñíá èí ò

ÁÌ ÇÐÌ ÆÁÁÌ ÈÀ ÁÌ ÈÛÏÏÈ ÕÌ ÐÀÈÛÌ ÎÈ ÑÈÌ ÁÁÌ ÆÈ ÒÀ ÐÛÈÊÌ ÁÀ

Одна из самых грандиозных в Европе, Большая хоральная синагога Харькова, ныне возрождена в ее прежнем блеске. Синагога была построена в 1913 году. А в 1923 году коммунистические власти превратили ее в спортивный комплекс. На первом этаже размещался зал для волейбола и боксерский ринг, а на втором – баскетбольная площадка. Окна, некогда украшенные витражами в еврейском национально-религиозном стиле, были расписаны олимпийской символикой.

Осенью 1990 года харьковскую еврейскую религиозную общину возглавил раввин Мойше Москович, и тогда же синагога была возвращена верующим. Однако общине долгое время не удавалось получить разрешения властей на производство восстановительных и реставрационных работ. А они были необходимы, чтобы привести здание в первоначальное состояние, приемлемое для нормальной деятельности общины и ее функциональных центров.

И все же несмотря на очевидные трудности, не дожидаясь ремонта помещений, здесь начали работу еврейские учебно-образовательные заведения. И уже вскоре синагога стала центром возрождения харьковской еврейской общины. Синагога названа «Бейт Менахем» в честь Любавичского Ребе, чья деятельность стала основой для возрождения еврейской жизни в государствах, образовавшихся после распада Советского Союза. Сегодня в здании синагоги с успехом работают школа «Ор Авнер», где обучаются пятьсот детей, детский сад, который посещают семьдесят малышей, ешива, где изучают Тору пятьдесят подростков, действуют приют и учительская семинария. Осуществляются синагогой также и довольно обширные гуманитарные программы помощи нуждающимся членам общины, совместно отмечаются Субботы и праздники, ведется большая просветительская работа.

В 1998 году после пожара в здании местные власти дали, наконец, официальное разрешение на осуществление восстановительных работ. Реконструкция стала возможной благодаря средствам, предоставленным американским филантропом Джорджем Рором. Значительную финансовую помощь оказал президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев. Пожертвовали средства и члены харьковской еврейской общины Александр Фельдман и Анатолий Гиршфельд. Ряд бизнесменов и общественных деятелей Харькова также поддержали этот проект.

ó-áíééíá çíáí áíéóíá ááááé Áééáí, áóóíáíá ééááá íáóéííáéííí-ííáíáíáéóáéíííá áíííóáíéý ááóéíéíá íáóíáá ííá íóááíáéóáéííóáíí Ááó-Éíóáí.

Í óíí, ÷óí á ýòíò ááíí óí áð ááááé Óéí íí ááó Éíóáé, ááóíð éíéáé «Çíáá», íò ááóáé ííí íáíé éóáéíéíá í éííðé-áíéíá ó-áíéý - éáááéí, ííí íééé áíá í áííóá Óáéíáá í ááá çáááíéý... Éííóíðéý áííóááíáá í óíéúéí óíáá, éíáá áá áéáíá áíííáí í óíóáííóáó á íáííóíýáí. É íííáóíéá ááóéíééá í áéíí-éóéé, íò ááéýþúéá éç éááóá-íúó éééíá á íáí ýòúí í áíéíáó Ááó-Éíóáí, é áííóí óá íáí úá óííóéé - í íááá óáííóóí éííóíðéé, çáéíá ááííóáíáí...

Íááíáíý Éáá áá-íí áð í óáçáíóþò ááááé á ííóíýó íáúéí íòóáí ÍÍÁ - óáçáíáýò éííóóí íá éáíí úó í íéýíáó, í á ááóááó óáé, íçáð é í íóáéó ééí áííá, í óíóíáýò áííéúí í ááááíí í í óééóáí é íéííááýí áíéííóéó é í áéííó áóóíáá Ááááé ÷óýó Éáá áá-íí áð í á óíéúéí éáé íáí ýòúí í íóíóéíí, íí é éáé íéí áíé ááéíáíéý ááóéíéíá íáóíáá á í áóé áíé.

Учащиеся еврейской школы Перми отмечали праздник Лаг ба-омер в городском парке. После спортивных соревнований их ожидал праздничный обед с шашлыками. Сценарий веселого действия, включавший множество интересных игр, был написан под руководством ребецн Сары Дайч. А молодежный клуб еврейской общины праздновал на берегу Камы. Активное участие в программе принимал раввин Залман Дайч вместе со своей семьей.

В праздничный день в синагоге Екатеринбургского учебного театра Екатеринбургского театрального института и учащиеся еврейской общеобразовательной гимназии «Ор Авнер» представили небольшую концертную программу. Собравшихся поздравил председатель иудейской религиозной общины Я.М. Соскин. Во дворе еврейской гимназии, где собрались учащиеся вместе с родителями, прошел детский парад. Его участников и гостей приветствовал главный раввин Екатеринбургского и Свердловской области Зелиг Ашкенази. После концерта прямо во дворе разожгли костер, гостей угощали кошерными шашлыками и другими праздничными блюдами. А вечером к костру пришли члены молодежного клуба со своей веселой программой – викториной, конкурсами, музыкальными номерами.

Празднование Лаг ба-омера в еврейской общине города

Светлый Яр началось с конкурса по собиранию хвороста. Потом прошли соревнования по стрельбе из лука. При этом родители ни в чем не уступали своим детям. За импровизированным столом, с овощами и фруктами, испеченной на углях картошкой и сладостями все соревновались в знании истории Лаг ба-омера. Некоторые ребята и взрослые собрали гербарий из цветов и трав Урала. Ведь природа Чапурниковской Балки в Ергенинских горах, где отмечался праздник, уникальна.

А учащиеся еврейского лицея «Ор Авнер» и воскресной еврейской школы Новосибирска вместе с преподавателями и родителями праздновали Лаг ба-омер на берегу Обского моря. В программе приняли участие восемь команд. Им было предложено выполнить семь заданий, связанных с еврейской традицией: ответить на вопросы по тематике праздника, принять участие в стрельбе из лука и многое другое.

Ученики еврейской школы Хабаровска вместе с преподавателями и раввином Яковом Снетковым в праздничный день собрались на набережной Амура. В руках они держали красочные плакаты, в частности, с девизом нынешнего парада – «Люби ближнего, как самого себя». Корреспонденту «Лехаима» о праздновании Лаг ба-омер рассказала ребецн Адель Снеткова.

– Идея праздника – единство еврейского народа. Символично, что именно дети выходят на парад и несут плакаты, пропагандируя еврейский образ жизни. Ведь дети – наше продолжение, будущее нашего народа. В этот день парады проходят по всему миру, и нет уголка на земном шаре, где их не было бы. Везде, где есть раввин, где есть еврейская община, празднуют сегодня Лаг ба-омер. И мы присоединяемся к миллионам еврейских детей, которые выйдут сегодня на парад.

Торжественные парады на Лаг ба-омер в Украине уже имеют свои традиции. Евреи Днепропетровска собираются в этот день возле цирка и вместе идут по набережной до парка. Именно здесь, в городском летнем театре, по сложившейся традиции и проходит праздничное представление. В этом году здесь собрались не менее двух тысяч человек.

«Каждому участнику было важно, – пишет нам Юлия Сарид, – что такие парады проходят по личному указанию Главы нашего поколения – Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона. Плакаты и транспаранты, сделанные зачастую руками детей, рассказывали о том, как видят свою жизнь тысячи евреев Днепропетровска. Жизнь, которую они стремятся организовать в соответствии с Законами Торы, так, как учат наши мудрецы. И невозможно переоценить влияние, которое оказывают парады на общественное мнение жителей города. Ведь то, чему учит Тора, – это основа всей человеческой цивилизации, основа нравственности и гуманности. И пропаганда этих основ – важный шаг к взаимопониманию между народами, населяющими нашу многонациональную Украину».

После шестых участники парада заняли места в летнем театре, где после приветствий представителей еврейских организаций началось праздничное представление. В нем участвовала команда КВН еврейского женского педагогического училища «Бет Хана» и рок-ансамбль «Пиркей Овойс» еврейской школы «Ор Авнер – Хабад-Любавич». Выступили и артисты московского цирка. Ну а в завершение праздника были разыграны призы в лотерее.

В этом году в гости к еврейской общине Херсона приехали евреи из Николаева и Одессы, чтобы вместе отметить праздник. На херсонской площади Героев Сталинграда царил веселая праздничная атмосфера. Слышались популярные мелодии в исполнении духового оркестра и

клеизмерского ансамбля. Во главе колонны строились шеренги юных барабанщиц. С флагами в руках готовились к шествию учащиеся херсонской мореходной школы.

За музыкантами и барабанщицами следовали самые маленькие, дошколята... на двух бричках, запряженных лошадьми, украшенными разноцветными лентами и воздушными шарами. Потом шли одетые в яркие костюмы юные участницы известного в городе эстрадно-танцевального коллектива «Оазис». На ходу они демонстрировали акробатические и гимнастические упражнения.

В колонне можно было увидеть и огромных живых кукол – актеров херсонского театра. Участников шествия развлекали клоуны Вима и Сима. Вместе с ребятами от души радовались в этот день и их учителя, родители, раввины трех городов и областей.

Праздничную концертную программу открыл директор херсонского учебно-воспитательного объединения «Хабад» Виталий Бронштейн. Поздравил собравшихся главный раввин Херсона и Херсонской области Йосеф-Ицхок Вольф:

– Праздник Лаг ба-омер отмечается уже много лет. И тем не менее, его главный смысл – единство и дружба – актуален и сегодня. Вместе мы можем добиться очень многого, достичь самых сложных и высоких целей...

Затем раввин Вольф зажег костер дружбы.

Глава николаевской еврейской общины раввин Шолом Готлиб сказал:

– Лаг ба-омер – один из самых прекрасных еврейских праздников, который хасиды всегда отмечают с большой радостью. Он объединяет всех евреев. И мне приятно, что начало общему празднованию на юге Украины было положено в прошлом году именно в Николаеве, на родине Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнейерсона, куда приезжали гости из Одессы и Херсона. Этот праздник дает нам благословение на самые добрые дела.

Главный раввин Одессы и Юга Украины Авроом Вольф обратился в своем приветственном слове к детям:

– Ваши родители были отлучены от еврейских традиций, языка, обычаев. Вашим дедам приходилось скрывать свою национальность, прятаться за другими фамилиями и именами. Прадеды ваши погибали в тюрьмах и лагерях лишь за то, что не хотели отречься от еврейства. Вы же стали первым поколением, которое может свободно, с поднятой головой ходить по улицам наших городов... Цените эту свободу и запомните сегодняшний день на всю жизнь!

От имени губернатора Херсонской области А. П. Юрченко участников еврейского праздника поздравил начальник отдела по делам религии облгосадминистрации А. С. Ткаченко. В концерте приняли участие актеры театра кукол и юные танцоры Дома школьников Днепропетровского района Херсона.

«Находившийся рядом с концертной площадкой мощный подъемный кран устремляет свою кабину с группой школьников ввысь, – продолжает наш корреспондент. – Оттуда, с высоты птичьего полета и на фоне живописного облака они читают 12 отрывков из Торы... В них – многовековая мудрость поведения и взаимоотношений людей. Звучащие на иврите слова заповедей дружно повторяют все собравшиеся. В небо взлетают гирлянды разноцветных воздушных шаров, уносящие адресованные Всевышнему просьбы и пожелания участников праздника».

На этой мажорной ноте завершился праздник евреев трех городов Украины в Херсоне. А в Одессе воспитанники детских садов и ученики начальных классов учебно-воспитательного объединения «Хабад» в праздничный день ездили на природу – в поселок Лески, расположенный недалеко от Черного моря.

Праздник начался с утренней молитвы, большого костра и веселых песен. Ребята, их учителя и воспитатели, а также родители, всего около 250 человек, приняли участие в викторине, посмотрели кукольный спектакль, разыграли первенство в веселой спортивной эстафете. Отдельная программа ждала самых маленьких.

Вот уже четвертый год члены еврейской общины Белгорода-Днепровского празднуют Лаг ба-омер неподалеку от старой крепости, на берегу Днепровского лимана. Отметим праздник и школьники, и учителя, и воспитатели белгород-днепровского филиала Одесского учебно-воспитательного объединения «Хабад» во главе с директором школы Александром Александровичем Орловым. В праздновании принял участие раввин Белгорода-Днепровского Фишл Чичельницкий и ребенок Лея.

В программе развлечений была и викторина на темы Лаг ба-омера. Состоялся также футбольный матч с участием директора школы и раввина. В матче этом, разумеется, «победила дружба». Потом школьники разожгли большой костер и испекли картошку. На память о празднике детям вручили сувениры. А победители викторины получили еще и специальные

призы: водолазную маску, кружку для сбора цдоки и детский вентилятор.

Еврейская школа

Кировограда в праздничный день была украшена разноцветными шарами, а также праздничными плакатами. Каждому при входе вручали яркую картонную заготовку. Немного смекалки – и картонка превращалась в нарядную «лагбаомерскую» фуражку с козырьком. Затем состоялась традиционная праздничная лотерея. Праздник не обошелся без веселых клоунов. А после обеда – гвоздь программы – праздничный парад с костром и пикником.

В столице Беларуси Минске Лаг ба-омер начался с водной процессии на реке Свислочь. По улицам города прошло шествие. Ученики еврейской гимназии в сопровождении родителей, военного оркестра, а также

М. Пономарев отметил, что проверки, осуществленные Уральской окружной инспекцией Главного контрольного управления президента России, указывают на необходимость повышения эффективности целого комплекса направлений работы. В частности, это касается механизма регистрации и контроля за деятельностью зарегистрированных на территории УрФО религиозных объединений, за их взаимодействием с правоохранительными органами, а также за сотрудничеством с властями на уровне местного самоуправления.

На совещании был отмечен позитивный опыт совместной работы религиозных организаций и общин с местными органами власти, наработанный в Екатеринбурге, Надыме, Сургуте, Тюмени, Тобольске, Челябинске и других городах Уральского округа.

Участники совещания уделили особое внимание проблемам совершенствования правовой базы, исполнения правительственных постановлений, деятельности религиозных образовательных учреждений. Обсудили также и ряд других общих мер, направленных прежде всего на укрепление диалога власти и общества.

REGIONS.RU

יְיָ יִשְׂרָאֵל נְעִלְמָה יִשְׂרָאֵל נְעִלְמָה יִשְׂרָאֵל נְעִלְמָה יִשְׂרָאֵל נְעִלְמָה

Во встрече с главой города Владимиром Филипповичем Городецким приняли участие главный раввин Новосибирска и области Шнеур-Залман Заклас, председатель городской еврейской общины Семен Ошеров, директор еврейского лицея «Ор Авнер» Ефим Зингель, член попечительского совета Александр Шпикельман, редактор газеты «Наша община» Наталья Паина и члены совета общины.

В беседе «за круглым столом» главный раввин и председатель общины рассказали мэру об успехах в деле возрождения еврейской традиции и культуры. Они передали мэру письмо с просьбой помочь в строительстве нового здания синагоги и общинного центра в Новосибирске. В письме также были изложены насущные проблемы, касающиеся еврейского лицея.

После визита в синагогу и общинный центр Владимир Городецкий побывал в еврейском лицее «Ор Авнер». Завуч и учителя пригласили гостей в классы, показали стенд, отражающий достижения учащихся в районных и городских конкурсах. Особенно понравился мэру компьютерный класс и класс художественного творчества. Участники ансамбля «Звездочки Сибири» исполняли песни на иврите и русском языке. Они преподнесли главе города лазерный диск с записями своих выступлений. Мэр заинтересовался работой кошерной кухни для учеников лицея.

Затем состоялась торжественная линейка, на которой выступили раввин Шнеур-Залман Заклас и ученица 11 класса лицея Ольга Роголева. Они выразили благодарность мэру за поддержку еврейской общины и лицея.

В ответном слове Владимир Филиппович Городецкий отметил, что условия, созданные для учебы детей, способствуют получению хороших знаний на радость родителей и всех жителей города.

נ.י.

אֶלְעִזָּבֵת יְעֹאָב

Председатель бакинской еврейской религиозной общины «Хабад-Ор Авнер» раввин Меир Брук и габай синагоги европейских евреев Баку Александр Воловик посетили город Ленкорань. Дело в том, что руководителю общины европейских евреев Геннадью Зельмановичу позвонил глава исполнительной власти Ленкорани Зейнал Сафарович Нагдалиев. Он сообщил, что ленкоранское кладбище хоть и было перенесено в 60-х годах на новое место, на старом кладбище все еще остаются захоронения. В их числе – и еврейские, сказал глава города и попросил помощи в перенесении этих могил на новое кладбище.

Чтобы процедура перезахоронения прошла в соответствии с еврейской традицией, Геннадий Зельманович обратился к главному раввину европейских евреев Баку Меиру Бруку, который сразу же отправился исполнять эту мицву.

Гостеприимный прием и активное участие местных властей сопровождали еврейскую делегацию весь срок ее пребывания в городе. Состоялась встреча с главой исполнительной власти Ленкорани З. С. Нагдалиевым, в которой участвовал его заместитель по туризму и спорту Расим Гамбаров. В результате десять захоронений, в том числе и позапрошлого века – 1895 года, были перенесены на отдельный участок.

Прежде в Ленкорани жили около полутора десятков еврейских семей, работала синагога, еврейской была и часть местного кладбища. Сегодня там проживают всего 9 евреев, которые, однако, продолжают соблюдать все еврейские обычаи и традиции и передают национальное наследие своим детям.

Представители администрации города выразили заинтересованность в открытии еврейского музея, а также в расширении сотрудничества с еврейской общиной Азербайджана. «Хотелось бы видеть здесь побольше туристов из Израиля», – сказали они.

Выразив свою благодарность представителям местной власти, раввин Меир Брук заявил, что с удовольствием пригласит посмотреть эти живописные места главного раввина России Берла Лазара. Он отметил, что помощь администрации города в исполнении такой важной мицвы, как перенесение захоронений, свидетельствует о теплых дружеских отношениях и взаимоуважении азербайджанского и еврейского народов. Раввин Меир Брук обещал также свое личное активное участие в возрождении и развитии еврейской жизни в Ленкорани.

А. Азизов

חֹרֵי אֵלֵינוּ יִי אֲדִי עֹ?

В Хабаровске произошло знаменательное событие: впервые за многие годы здесь состоялась церемония опшерниш. Она была проведена в честь маленького Берла, сына главного раввина города Якова Снеткова.

Многочисленные гости собрались в зале ресторана «Саппоро», который был празднично украшен гирляндами из воздушных шаров и цветами, а на каждом столе горела свеча. Разумеется, большинство приглашенных впервые присутствовали на подобной церемонии.

После того как прибыли все гости, уселись за столы и прибыл сам виновник торжества, раввин Снетков приветствовал собравшихся и коротко рассказал о смысле церемонии.

– Возраст, когда мальчик достигает трех лет, с полным правом можно назвать поворотным. С этого времени его приучают носить «малый талес» и читать утренние благословения. Так начинается его еврейское воспитание. В день рождения ребенка происходит важное событие: его первый раз стригут, оставляя локоны на висках – «пейсы». Эта церемония на идише называется опшерниш. В честь этого события принято собирать родственников и друзей, каждому из которых предоставляется честь состричь ножницами немного волос с головы ребенка.

После этой речи под аплодисменты собравшихся раввин состриг первый локон с головы Берла. Такого же права были удостоены уважаемые гости: глава общины «Мизрах» Марк Иванович Аршинский, директор еврейской школы Софья Семеновна Левинзон, руководитель «Хесед» Юлий Измаилович Гинзбург и другие известные в городе люди.

Каждый поздравил родителей ребенка и высказал самые добрые и теплые пожелания Берлу. А старшеклассники еврейской школы, которым тоже выпала честь принять участие в этой необыкновенной церемонии, спели веселую песенку под аккомпанемент музыкального ансамбля. Сам же виновник торжества на протяжении всей церемонии оставался необыкновенно серьезным и сосредоточенно разбирал только что подаренный игрушечный самолет.

Когда «официальная» церемония закончилась, началось веселье. Популярный в Хабаровске джазовый музыкант Вячеслав Захаров вместе с оркестром исполнял зажигательные еврейские мелодии, так что вскоре гости не смогли усидеть за столами. Первыми начали танцевать ученики еврейской школы, а когда грянула искрометная «Семь сорок», танцевать отправились все без исключения...

Танцы сменялись песнями, гости пели дружно и с наслаждением. И это немудрено: ведь в зале царил атмосфера теплого домашнего праздника, и все присутствующие чувствовали себя одной большой и дружной семьей. Раввин Яков нашел для каждого теплые слова, а ребенок Адель Снеткова вместе с Берлом и маленькой дочерью Идой сфотографировались за каждым праздничным столом.

Такие праздники – живое свидетельство возрождения еврейских традиций и еврейской жизни в нашем городе и во всей нашей стране!

***א. אדם אי
י אדאס אאי עא***

נֹרֵי עֵאוּ נִי אֹנֹב

Еврейская община города Кривой Рог – одна из самых многочисленных в Украине: она насчитывает более 12 тысяч человек. Около года назад сюда приехал раввин Лирон Эдри, который в короткий срок сумел объединить евреев разных поколений и взглядов. Открытие еврейской школы и детского сада «Ор Авнер – Хабад-Любавич» – в первую очередь его заслуга. Значительную поддержку оказали городские власти и мэр города Ю. В. Любоненко. На празднике в честь открытия учебного комплекса раввин Лирон Эдри не скрывал своей радости.

– Для меня это самый счастливый день в жизни. Почти через сто лет в городе опять открылась еврейская школа. Евреи во все времена стремились к знаниям. Любая еврейская мама готова недоедать, чтобы дать своим детям образование. Я уверен, что школа станет еще одним центром еврейской жизни, который гостеприимно откроет двери для всех, кто интересуется историей и традициями нашего народа.

В своем выступлении директор школы Татьяна Николаевна Куц отметила, что без еврейской школы невозможно еврейское образование, а без полноценного традиционного образования у еврейского народа нет будущего. Она выразила уверенность в том, что новая школа станет образцовым учебным заведением города.

На праздничной церемонии прозвучали приветствия и поздравления от администрации города и района. Репортаж о празднике транслировало местное телевидение. И конечно, как в настоящий день рождения, было много цветов и подарков.

Сегодня в школе обучается 88 детей с 1-го по 10-й класс. В двух группах детского сада – 23 ребенка. Три автобуса привозят детей из всех районов города. В Кривом Роге это особенно актуально, поскольку протяженность города 120 километров.

Школа делает первые, но уверенные шаги. В ней высокопрофессиональный коллектив педагогов. Она имеет статус специализированного учебного заведения с углубленным изучением иврита и английского языка. Наряду с основной школьной программой имеется много факультативов, где дети могут в полной мере

На семинар приехали не только директора еврейских школ СНГ и Балтии, но и ведущие специалисты в области управления образованием и подготовки учителей в странах диаспоры. Среди них – генеральный директор фонда «Ор Авнер» Д. Мондшайн, доктор Р. Мамо, раввин З. Гросс, ректор КГТИ профессор А. Глузман.

Все участники семинара высказали восхищение высоким уровнем подготовки учителей в «Бет Хане», уникальными передовыми методиками, которые реализуются в компьютерном центре училища, в методическом центре «Бейхад» и ресурсном центре.

Заключительным аккордом в работе семинара стал «круглый стол» на тему «Директор еврейской школы глазами раввина». В дискуссии приняли участие главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий, главный раввин Волгограда Залман Йоффе и главный раввин Днепродзержинска Леви Стамблер. С помощью технологии видеоконференции в работе «круглого стола» участвовал и главный раввин России Берл Лазар. Партнерство, творческое сотрудничество раввина как лидера еврейской общины и директора школы как лидера еврейского образования, критерии успешности работы директора еврейской школы, интеграция школы в жизнь еврейской общины – лишь неполный перечень тем, которые обсуждались в ходе «круглого стола».

Подводя итоги работы семинара, президент еврейского женского педагогического училища «Бет Хана» Меир Стамблер сказал:

– Трудно переоценить значение этой встречи. Семинар не просто подвел итоги десяти лет работы еврейских школ в странах СНГ и Балтии. Он создал основы для нового этапа нашей работы. И я уверен, что результаты этих напряженных майских дней, которые мы вместе провели в Днепропетровске, мы увидим очень скоро. Цель определена – дать образование самого высокого уровня каждому еврейскому ребенку. Теперь мы наметили и основные пути реализации этой цели.

А. Йейнеад

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

В калининградской еврейской общеобразовательной школе «Ор Авнер» состоялся праздник последнего звонка. Открыл праздник директор школы раввин Довид Шведик, поздравивший детей с окончанием учебного года. Потом состоялся концерт, который вела воспитатель Валентина Винополь. Дети пели, танцевали, читали стихи. Каждый ученик школы получил почетную грамоту и подарок.

Ну а после концерта – сладкое угощение для «артистов и зрителей». Учащиеся поблагодарили преподавателей, воспитателей и поваров за все, что те сделали для них в прошедшем году. Но расставание будет недолгим: скоро распахнет свои двери еврейский лагерь «Ган Исроэл». Дети также отдохнут в еврейских лагерях под Петербургом на Карельском перешейке, в Литве на Куршской косе или в дневном лагере калининградской еврейской общины.

*А. Аёаааааа
АДАААА!*

«А ЙЕАЙ О О АЙДА ХЕ ЙИЕУИ Е...»

Камерный театр режиссера Бориса Голодницкого города Костромы обратился к неисчерпаемой еврейской теме. Притом – к самому, пожалуй, нелюбимому советской властью произведению Шолом-Алейхема «Кровавая шутка».

За что же не любили этот роман власть имущие? Может быть, за пророческое прозрение или за горькую правду жизни. А может, и за то, что в каждой сцене отчетливо слышно: «Мы – другие... Не лучше или хуже вас, просто – другие».

Первое впечатление от театра – сам театр. И обстановка, и интерьер, и декорации, создающие совершенно особый мир Камерного театра Голодницкого. Изящный, неповторимый, где в игру актеров искусно вплетены музыкальные сцены и явно присутствует национальный колорит. Замечательные костюмы: струящиеся силуэты женских платьев от темно-лилового до бежевого цвета... Этот спектакль – настоящая победа коллектива.

Аншлаги давно уже стали привычными для театра, как и то, что у театра давно уже есть свой зритель. И все-таки волновались в театре достаточно серьезно в ожидании реакции еврейской общины... «За те часы, что мы провели в театре, отдохнули душой, многое узнали, были глубоко и радостно взволнованы». «Мы уходили со спектакля с разными чувствами, и главное из них – гордость за наш Камерный театр». Так говорили знающие толк в искусстве сцены еврейские зрители, а такие оценки труда режиссера и труппы дорогого стоят.

*А. Аёаааааа
Й ДИ ОЕАЙ НОИ БИ ЕА*

Й ОДЕИ А Й ЕЕЕОЕЕ

Разговор о мессианской секте «Евреи за Иисуса» уже немного навяз в зубах. Но что поделаешь, если всякий год по весне наблюдается ее особенная активность. Соответственно растет и противодействие еврейских общин, которые не намерены мириться с провокаторами. Это все чаще приводит к досадным инцидентам. Об одной из таких «историй», недавно случившихся в Киеве, рассказывает корреспондент RUJEN.

Кто такие «Евреи за Иисуса»? В книге Пинхаса Полонского «Евреи и христианство» сообщается, что движение создано в США христианинами миссионерами, которые считают, что только с помощью крещения еврейского народа можно приблизить «второй приход Христа».

Интересно, что «Евреи за Иисуса» распространяют свой «товар» согласно правилам маркетинга, как гербалайф. Они стараются работать в местах сосредоточения евреев, но периодически проводят акции так называемой «евангелизации» прямо у станций метро.

Для противодействия деятельности миссионеров в 2001 году была создана «Лига Маген», которая печатает «контр-листовки» и расставляет своих распространителей рядом с пропагандистами секты «Евреи за Иисуса».

В последнее время это противостояние стало приводить к потасовкам. На выходе из станции метро у киевского дворца «Украина» перед концертом в честь праздника Пурим зрителей встречали молодые люди с листовками. После приветствия «шалом» гостям Пуримшпиля вручались «петиции», в которых предлагалось покаяться и пойти отмечать Пурим вместе с «Евреями за Иисуса».

Активисты еврейских организаций не один раз подходили к «мессианским» пропагандистам и предлагали «прекратить охмурение». Когда словесные аргументы были исчерпаны, несколько добровольцев вырвали листовки у одного из агитаторов и съездили ему по физиономии. Началась драка. Милиционеры, подоспевшие со станции метро «Палац Украина», были изумлены: «Стоять одни евреи, а на них кидаются другие...»

Участники конфликта были препровождены в Голосеевское РОВД, где, как водится, оказался «специалист по еврейскому вопросу» – капитан, у которого на полке стояли фото двух шейхов и Коран. Он объявил владельцам ермолок, цецит и пейсов: «Я не антисемит, но понимаю, за что вас, маланцев, так не любят!»

«Евреям за Иисуса» было дозволено сесть, в то время как «традиционные евреи» были вынуждены стоять и выслушивать лекции капитана о том, что «миссионеры – нормальные ребята, и арабы скоро весь Израиль сотрут в труху».

Капитан нарисовал «традиционным евреям» перспективу ночлега в РОВД. Все это могло бы закончиться нескоро, если бы не приехали представители израильского посольства. Милиционер с сожалением отпустил задержанных, пообещав, что они «долго не проживут».

Y. Aret

І ДІ АІ ЕА ОІ ДУ І І ЕО × ЕЕЕ І ОІ І Д

В канун праздника Пейсах в днепропетровской газете «Днепр вечерний» было напечатано объявление, что в эфире городского «51-го канала» телевидения будет демонстрироваться фильм «Истории людей, выживших в Холокосте». Как оказалось, этот известный антисемитский фильм был предоставлен для эфира сектой «Евреи за Иисуса».

Еврейская община Днепропетровска сделала все возможное, чтобы картина не вышла на телеэкраны города. И в результате межнациональный и межконфессиональный мир в регионе был сохранен.

Секта «Евреи за Иисуса» неоднократно пыталась протолкнуть на различные телевизионные каналы этот пропагандистский фильм, искажающий исторические факты. Тенденциозность картины констатирована крупнейшими исследовательскими центрами и авторитетными учеными Украины, Западной Европы и США. Создатели фильма утверждают, будто во время Холокоста спаслись только те евреи, которые поверили в Иисуса из Назарета как в мессию.

Дело, однако, даже не только в чудовищно оскорбительном для любого просвещенного человека содержании ленты. Но еще и в кощунственном, провокационном решении днепропетровских сектантов показать ее 15 нисана – в первый день праздника Пейсах. Апелляция евреев города к разуму и доброй воле нашла отклик у руководителей Днепропетровского телевидения. Генеральный директор областной государственной телерадиокomпании Станислав Иванович Повод и его заместитель Виктор Иванович Ожогин в ответ на обращение главного раввина города Шмуэла Каминецкого и управляющего делами еврейской религиозной общины Александра Фридкиса, а также руководителя пресс-службы общины Олега Ростовцева, приняли единственно верное решение – о снятии фильма с показа.

A. Aret
І ААЕА

«ΘΑΛΛΟ ΘΑËΤΙ» - Ι Ι Ι ΑΔ 100-é

Первая встреча журнала «Шабат Шалом» донецкой еврейской школы «Ор Менахем» с читателями состоялась осенью 2000 года. «Инициатор издания – ребец Дина Вышецкая, – говорит Ольга Рафаиловна Гордон, редактор журнала. – Это ее идея – создать семейный журнал для детей и взрослых». Дина Вышецкая и не представляла, во что выльется эта затея: ведь ранее выходила в свет скромная школьная газетка с недельной главой Торы, с подборкой новостей детской жизни.

К Ольге Гордон она обратилась как к учителю русского языка и литературы – мол, кто же еще? А вскоре стало ясно: не поручение это, не увлечение, а настоящее дело жизни. И назрело решение: сделать Ольгу Рафаиловну освобожденным (почти!) редактором школьного журнала.

«Теперь-то, – говорит ребец Дина, – я вижу материалы “Шабат Шалом” уже готовыми. Все делает редколлегия: Ира Резник, Юлия Вирина, Светлана Вострикова, Таня Благодарова, Елена Проценко и другие учителя. Впрочем, главная наша редколлегия – дети».

Осенью 2001 года посол Израиля в Украине Анна Азари вручала в Донецке дипломы Праведникам народов мира. Она тогда побывала и в синагоге, и в еврейской школе «Ор Менахем». На переменке посла обступили дети и... попросили дать интервью.

– Какое интервью? Какой журнал? – изумилась г-жа Азари.

Когда же ей все объяснили, она ответила на вопросы детей и написала свои пожелания... А у нас к «детским» интервью все уже давно привыкли.

В ответ на просьбу собрать все последние номера «Шабат Шалом» Ольга Гордон только развела руками: «Нет, увели...» Оказалось, журнал «разошелся» без остатка на недавнем семинаре учителей еврейских школ. Во все города Украины увозят наши цветные тетрадки, зачитывают до дыр, стараются создать нечто подобное. Но пока ни у кого не вышло...

י. י. אַזאַרי

РОЖДЕНИЕ ГАЗЕТЫ

В Перми вышел в свет первый номер газеты «Лехаим» еврейского общинного центра. Этот выпуск был посвящен дню рождения Любавичского Ребе и празднику Пейсах. На страницах газеты подробно освещены новости из жизни общины и еврейской школы. Одна из наиболее интересных статей была написана Светланой Желудковой о ее поездке в Израиль.

«Газета создавалась с надеждой на объединение всех евреев Пермской области, – заявили представители редакции. – И мы постараемся, чтобы газета стала познавательной, интересной, чтобы она отражала еврейскую жизнь и рассказывала об истории евреев Пермской области».

נְיָא עִיּוֹ

Ἰδιαιτέααι ἰσέεεαοερ ἰαεγαῖοῖυῶ ἰαοαεαεῖα ἰῖ ἐπὶοδὲε πᾶσὶνῆτᾶ ἀδαεῖοῶαι ἰά-αοφ ἁ ἀιδεῖνῆῖ ἔ ἰαεῖνῆῖ ἰῖἰαοῶ «Ἐαῶαεῖ ἁ». Ἰδαεεαῖαι ὑἁ ἀτεῖαῖερ -εὐαοαεε ἰεῖνῖ ἁ ἰδαῖνὸαεῖρὸ πᾶτε ἰοεεεε ἰἁ ἰαοαφ, εεε ἰῖ ἰ αῖῖαε ἰ ἀδἁ ἰαῖὸ ες ἰαδἁῖὸ ἁ πᾶσὶνῆτε οἶα ὀδαεῖῖ τε ἰἁ-αὸε ὀδουαῖνῆτᾶ αἰῖνὸεεαοεῖ ἰδιἰαῖαιεῖνὸεφ εἰα ἰαῖερ ἰῖ ἀδαεῖνῆῖ ὀ αῖῖοῖνῆ

ΣΑΑΨΟΨΕ 1957-ε ΔΑΝΝΕΑÇÛΑΑΡ ὀ ἰ ΕΝΨΙ Ἀ

После смерти Сталина и реабилитации врачей в апреле 1953 года казалось, что старо-новое руководство как будто забыло о евреях. Еврейская тема, получившая в последние годы сталинизма столь зловещий характер, на какое-то время ушла со страниц советской печати. Но антисемитизм, ставший государственной политикой правящего режима после Великой Отечественной войны, ни на XX съезде КПСС, ни после него осужден не был.

Впрочем, еврейская тема исчезла из прессы ненадолго. Такие ведущие газеты, как ориентирующаяся на читателя из молодежной и студенческой среды «Комсомольская правда» – орган ЦК ВЛКСМ; рассчитанная на интеллектуальные круги «Литературная газета» – печатный орган Союза писателей, и массовая газета «Труд» – центральный орган профсоюзов, – в октябре 1957 года опубликовали статьи об эмиграции советских евреев в Израиль. Речь в них шла о сионистских «брехунах», заманивающих доверчивых советских евреев в Израиль, о трагедии тех, кто «поменял свою истинную родину на “рай” земли обетованной», и что на самом деле представляет собой израильская действительность.

Этот откровенно пропагандистский залп 1957 года фактически впервые открыто касался вопроса об эмиграции советских евреев в Израиль. И делал их объектом всеобщего внимания и жестокой критики. С этого времени и вплоть до начала перестройки – второй половины 1980-х – репатриация, эмиграция евреев и их тяжелое положение в новых странах проживания – излюбленная тема антисемитской пропаганды в Советском Союзе.

Подобные публикации, конечно, вряд ли могли быть случайностью. К середине 1950-х советская внешняя политика на Ближнем Востоке окончательно и бесповоротно стала проарабской. С подачи новых друзей СССР Израиль мог выглядеть не иначе как «агент американского империализма и оплот международного сионизма». В то же время в Советском Союзе налицо была некоторая либерализация режима, и потому возникли некие надежды на возможность развития еврейской национальной культуры: образование на родном языке, издание книг еврейских писателей и даже право открыто исповедовать иудаизм.

Однако большинству этих надежд не суждено было сбыться в те годы. Хотя на первых порах хрущевская «оттепель» все же дала плоды в области религиозной жизни. Так, например, при Хоральной синагоге в Москве было открыто религиозное учебное заведение – ешива «Кол Яаков», и тогда же был издан молитвенник, а также еврейский религиозный календарь. Но в том же году началась новая кампания борьбы с иудаизмом, подготовка к закрытию десятков синагог по всей стране. И все же, несмотря на начавшееся под мощным зарубежным давлением обсуждение в правящих сферах вопроса о судьбах репрессированной советской еврейской культуры после ее тотального запрета в конце 1940-х, официального раскаяния властей в содеянном общество так и не дождалось. Да и большинство евреев разуверились в том, что основные их национальные институты и право на культурную автономию когда-либо в СССР будут восстановлены «сверху».

Подобным пессимистическим настроениям немало способствовала тогдашняя реальная внутренняя политика властей, целенаправленно и достаточно жестко проводимая в отношении представителей именно еврейского народа. В частности, в 1955 и 1956 годах в Москве, Киеве, Риге и других городах были арестованы десятки еврейских активистов по стандартному обвинению в «националистической и сионистской деятельности». Впрочем, можно также предположить, что публикация статей «Басни израильских брехунов» и «Трагедия обманутых» стала реакцией и на участие израильской делегации в Международном фестивале молодежи и студентов летом 1957 года. Действительно, тогда впервые после встреч Голды Меир с московскими евреями осенью 1948 года советские евреи смогли встретиться с израильской делегацией. К тому же 1957 год – это пора продолжающегося выезда в Израиль (через Польшу) польских евреев, оказавшихся в годы войны в Советском Союзе.

Сводки публикуемых нами писем неоспоримо свидетельствуют о растущем в СССР еврейском национальном самосознании, равно как и о неизжитых антисемитских настроениях населения страны. Письма напоминают и о том, что даже под грифом «сов. секретно» редакторы газет не решались процитировать ни единой строчки ни из одного полученного их изданиями откровенно «антисоветского» письма.

Из других публикуемых архивных документов можно понять, как готовились к печати статьи, в которых использовались тщательно скомпонованные цитаты из сообщений о тяжелой доле иммигрантов. Очевидно, практически все письма, направлявшиеся по частным адресам в Советский Союз, перлюстрировались цензурой. Письма переводились на русский, ибо были написаны на разных языках – идише, венгерском, румынском. А письма, которые представляли интерес для властей, фотокопировались.

С адресатами писем, содержавших информацию о тяжелом положении их авторов в Израиле и о желании последних вернуться в страну исхода, встречались сотрудники Комитета государственной безопасности, представляясь активистами «Советского общества дружбы с зарубежными странами». И они,

«дабы предостеречь от возможного рокового шага других евреев», как правило, без труда получали согласие родственников репатриантов на публикацию отрывков из мрачных писем, обычно и вовсе без указания имен и фамилий...

Публикуемые документы печатаются впервые. Они хранятся в РГАНИ – Российском государственном архиве новейшей истории.

Секретно

Экз. №

ЦК КПСС

После того как 15 октября с.г. «Комсомольская правда» опубликовала статью Б. Гурнова «Басни израильских брехунов и их жертвы», редакция получила около пятидесяти писем с откликами на эту статью.

Авторы этих писем выражают свое возмущение поступком людей, бросивших родину и эмигрировавших в Израиль.

«...Всему миру известно, что Израиль – империалистическая страна, а все империалистические страны из кожи лезут вон, расхваливая свой образ жизни и «райское житье». – Пишет в своем письме рабочий Московского электролампового завода Евгений Иванов. – «Было время, когда из России эмигрировали за границу от нужды и гонений царского правительства. То было действительно тяжелое время, люди искали выхода, и те, наверное, не раз пожалели, что покинули родину. Теперь наша Родина всем, кто хочет честно трудиться, предоставляет неограниченные возможности выполнить свой гражданский и патриотический долг. Все, кто любит честно трудиться и жить, не поедут из России, только любители легкой, красивой жизни мечутся по странам, а потом пишут слезные письма, что их обманули и не так приняли. Пусть и пеняют на себя и живут в этом «раю», не засоряя своим присутствием нашу Великую Родину.

Не думайте, что я антисемит, нет. Я знаю много евреев, которые честно трудятся во всех отраслях народного хозяйства, а о тех, кто эмигрировал в Израиль, и писать не надо. Кроме гнева и возмущения такие статьи ничего не вызывают».

Большинство писем заканчиваются вопросом: когда и каким образом советские граждане эмигрировали в Израиль?

Некоторые письма свидетельствуют о том, что не все читатели правильно поняли статью о еврейских беженцах, подойдя к ней с диаметрально противоположных позиций. Одни из них приписывают автору статьи антисемитизм, которым, как им показалось, проникнута статья. Другие же, наоборот, критикуют его за то, что он, якобы, жалеет и берет под защиту изменников Родины, бежавших из Советского Союза.

«...Это очень поучительная статья, – пишет военнослужащий Я. Зандман, – близкая мыслям и чувствам всей еврейской молодежи нашей страны. Но, прочитав статью Б. Гурнова, не все ее правильно поняли. Нашлись люди, которые прямо заявили, что евреи “предательская” нация?! Более того, эти люди, аргументируя свое утверждение, в доказательство приводят то, “что Гитлер (!) с особым рвением уничтожал евреев. К нашему стыду и ужасу, это воины Советской Армии, мои товарищи по оружию, многие из которых комсомольцы. Вместе с тем, эти товарищи - патриоты своей Родины”».

«Прочитав статью Б. Гурнова, я не испытал ни грамма жалости и сострадания к тем “несчастным”, о которых столь слезно пишет уважаемый автор... ..Нет, не изобличать сионистских брехунов хотел в своей статье политически близорукий автор, а обелить и выгородить двуличных, нечестных, враждебных нам по духу людишек», – пишет читатель Р. Земляной из Киева.

Кроме того, было несколько писем еврейских граждан, проживающих в Советском Союзе, которые писали о том, что в связи с тяжелым материальным положением у них возникала мысль о поездке в Израиль, но прочитав вышеуказанную статью, они решили не делать этого.

Среди указанных писем редакцией получено так же одно откровенно антисоветское письмо.

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА (Б. Иванов)

Отп. 2 экз.

Экз. № 1 – адресату

Экз. № 2 – в дело

кл

Исп.

ЦК КПСС,

Отдел пропаганды и агитации

по союзным республикам

тов. Константинову Ф.В.

Направляю для сведения обзор писем читателей, полученных редакцией «Литературной газеты» в связи со статьей Л. Шейнина «Трагедия обманутых».

Заместитель главного редактора

«Литературной газеты»

(В. Косолапов)

«4» декабря 1957 г.

ἸΑΣΤῬ × ΕὐΑΘΑΕΥΝΕΕΘ ἸΕΝΑΙ ἸΑ ΝῶΑΟΥ Ε ΟΑΕΤΕΙΑ, Ἰ ἸΝΟΟΙ ΕΑΘΕΘ Ἀ «ΕΕΘΑΒΑΘΟΜΙ ΟΡ ἈΑΑΘΟ»

После опубликования «Литературной газетой» 29-го октября статьи Л. Шейнина «Трагедия обманутых», в которой рассказывалось о тяжелой судьбе евреев, иммигрировавших в Израиль, редакция получила свыше двадцати читательских писем.

По своему отношению к поднимаемым в статье вопросам эти письма можно поделить примерно на следующие четыре группы:

1. Читатели Шадзунский (Курск, Пастуховская, 26, кв. 12), Любарский (Ленинград, центр Антоненко, 4, кв. 5), Лозинский (Москва, 1-й Дмитровский, 4, кв. 86) и Каплун (Челябинская обл. г. Куса, Школьная, 3/3) считают статью «нужной», «правдивой» и «своевременной».

«Большое спасибо за статью “Трагедия обманутых”, – пишет О.Ш. Любарский, – ваша статья появилась тогда, когда она нужна как воздух. Сионисты всегда обманывали и сулили золотые горы еще тогда, когда они имели мандат на политику. Еврейская молодежь, трудящиеся и интеллигенция, воспитывавшиеся в марксистско-ленинском духе, всегда разоблачали перед еврейской массой гнусность и фальшь сионистских посулов. Сейчас, когда бенгурионы и им подобные определяют политику в Израиле, они не отстают от своих англо-американских хозяев. Сионисты клеветуют на Советский Союз и своей фальшивой шовинистической пропагандой отравляют атмосферу. Наша пресса мало уделяет внимания на эту специфическую пропаганду. Отсутствие у нас газет на еврейском языке облегчает шовинистическим элементам из государства Израиль распространять всякие небылицы и отпор от трудящихся и интеллигенции Советского Союза не получают. Ваша статья подтвердила многим тяжелую действительность трудящихся в Израиле. Необходимо, чтобы читающие и пишущие в Советском Союзе на еврейском языке (а таких много) могли на страницах газеты на своем родном языке ответить этим гнусным шарлатанам-сионистам всех оттенков. Этим мы поможем, чтобы не повторились подобные трагедии».

2. Шесть читателей считают, что редакция и автор статьи «Трагедия обманутых» поступили неправильно, выступив в защиту евреев, переселившихся из Советского Союза в Израиль.

«Л. Шейнин пытается вызвать чувства сожаления, сострадания к евреям, уехавшим в Израиль... – пишет И. Морозов. – К кому же автор пытается вызвать эти чувства? На мой взгляд это обыкновенные изменники, предатели Родины (даже, если они получили официальное разрешение на выезд). Причем изменники и предатели наиболее отвратительного сорта. Вставшие на этот путь не вынуждено, а по собственной воле. В чем же трагедия этих людей? Видите ли, обещали золотые горы, а на деле их не оказалось. А значит, если бы обещанные горы оказались, тогда с полным основанием можно наплевать на Родину. Весь сыр-бор горит именно из-за того, что надежды оказались обманутыми. Нельзя, видимо, паразитировать как, скажем, это возможно в Советском Союзе».

В. Яшков спрашивает: «Если пропагандировать возвращение в Москву, Львов, Ташкент тех, кто бежал от труда для общества, на благо тружеников и устраивает только личное хозяйство, то неясно кто же будет строить коммунизм?»

«Наше государство не проходной двор, – указывает В. Малолетнева, – и граждане не временные жильцы, готовые в любую минуту покинуть его стены, если с них стала осыпаться штукатурка. Эти люди не имеют ни совести, ни чести, ни самолюбия».

«Если мусор вымели или ветром его унесло – такая ему и дорога», – заключает Н. Ганин.

В ряде писем этой группы чувствуется резкая антисемитская направленность.

Среди авторов писем:

И. Морозов – Москва, Лиственная аллея, 12, корп. 1, кв. 71

В. Яшков – Москва, Е-116, Авиамоторная, 4, корп. 4, кв. 264

В. Малолетнева – Пермь, Луевского, 14-1

Н. Ганин – Мытищи, Рупасовское шоссе, 12, кв. 29

Два письма анонимных.

3. Читатели третьей группы писем считают опубликованную в «Литературной газете» статью правильной в той части, где говорится о вреде сионизма и о тяжелом положении трудящихся в Израиле. Одновременно в этих письмах поднимается вопрос о якобы неравноправном положении евреев в СССР. Приводим пространную выдержку из письма И. Берман. Утверждения И. Берман повторяются и другими авторами этой группы писем:

«Безусловно верна оценка, данная Шейниным сионизму и сионистам... Между тем, невольно возникает другой вопрос: Почему в Советском Союзе оказалась возможной миграция евреев в государство Израиль? Пусть количественно эта миграция не велика, ничтожна. Но уж сам факт ее существования, возможность ее возникновения наводит на весьма печальные размышления...

Будем откровенны: ...Вот уже десяток лет, как все еврейские культурные институты разгромлены, запрещены и исчезли с лица советской земли. Еврейская книга в Советском Союзе такая же библиографическая редкость, как санскритская рукопись. Еврейская культурная жизнь – безмолвное кладбище, где не рождается ни одного звука жизни... Самое страшное здесь то, что советская общественность широкая, чуткая советская общественность не реагировала и сейчас не реагирует на это позорное дело... Простой еврейский человек начал чувствовать себя в своей родной стране не полноценным, а второстепенным, третьестепенным человеком... Ибо, как можно было иначе понять, расценить факт запрещения литературы народа, как не знак того, что этот народ лишился доверия государства, партии и поэтому не может больше рассчитывать на пользование тем

элементарным, без чего немислима жизнь самого захудалого народа, то чем еврейский народ пользовался даже в самые мрачные, худшие времена царизма.

На местах проявляется определенная тенденция – по возможности, без шума стараться избавиться от лишних евреев. Есть целый ряд учреждений, вузов, куда доступ евреям весьма затруднен. Возможно, что тут больше местного творчества, чем указаний свыше, но от этого ведь факты не перестают быть фактами, больно уж они упрямы.

...Страшно подумать, с чем приходит еврейский народ к сорокалетию Октября. Национально приниженный, культурно ограбленный, морально уничтоженный. Я говорю, конечно, не об отдельных евреях, а о еврейском народе в целом, который есть, который живет и хочет жить полной национального достоинства жизнью. Конечно, и еврейские люди вместе со всей страной празднуют сорокалетие Октября. Ибо Октябрьская революция, социализм и советская власть выстраданы еврейским народом, политы и его кровью, его жертвами, его муками и слезами. И поэтому, несмотря на все перипетии судьбы, еврейский народ отдает себе ясный отчет в том, что его родиной может быть только Страна Социализма, страна будущего и прогресса. И верит, глубоко верит, что эти невзгоды носят только временный характер и будут обязательно изжиты.

Знаю, мне скажут: это результат культа личности. Верно. Но ведь времени с его разоблачения прошло уже немало и за это время многое уже переделано, исправлено, введено в законные нормы советской жизни. Так почему же в отношении еврейского народа все осталось нетронутым, почему этого не коснулись рука, ум и совесть советской общественности?

И тут хочется поставить этот вопрос перед Союзом советских писателей. Не пора ли покончить с этим позорным явлением, не настало ли время восстановить, возродить в Советском Союзе еврейскую литературу? Я знаю, что собиранье сил еврейской литературы – дело весьма нелегкое... Мне кажется, что почин в этом деле, инициативу должен проявить Союз Писателей...»

А. Гельман, проживший по собственным словам 10 лет в Палестине, сражавшийся с фашизмом в Испании, сидевший в концлагерях Франции и Северной Африки, обращается к Л. Шейнину с просьбой помочь ему разобраться в некоторых вопросах. В ответ на замечание Шейнина о том, что Израиль ныне является капиталистическим и агрессивным государством Гельман приводит следующую цитату из выступления т. Громыко в ООН при обсуждении политического вопроса в 1947: «Тот факт, что ни одно государство не сумело защитить своих еврейских граждан от поголовного истребления – дает право еврейскому народу иметь свое независимое государство, и Советский Союз сочувствует чаянию еврейского народа в этом вопросе». Упомянув затем о «самоотверженном героизме, с которым Израиль отстоял свою независимость» в борьбе с арабским легионом, А. Гельман восклицает: «Да! Сегодня Израиль является капиталистическим, но ведь это внутреннее дело Израиля, как является внутренним делом арабских стран быть монархическими!» Что касается внешней политики Израиля, то Гельман ссылается на П. Ненни, который высказал якобы мнение, что главное напряжение на Ближнем Востоке вызывается непризнанием со стороны арабских стран прочных и неприкосновенных границ

Израиля.

В этом и других письмах утверждается, что в Советском Союзе существует антисемитизм, евреи, мол, лишены своей литературы, театра, газет и школ. Г. Гнесин задает вопрос: «Как должен себя чувствовать интеллигентный человек, который не являясь космополитом, по аналогии с великороссом (по признанию Ленина), хочет иметь и свою национальную гордость, свою литературу, историю, поэзию, а у него отняли книги, театр, библиотеки и печатное слово?..

Как должен себя чувствовать человек, который, прочтя ст. 127 Конституции РСФСР, возмнил, что еврей не хуже русского, татарина или марийца, и что он имеет право научить своего ребенка родному языку, но который почти тридцать лет не может, и в дальнейшем не сможет достать азбуки, так как только на днях министр просвещения Афанасенко ответил, что еврейскую азбуку он издавать не намерен?»

«Надо прямо сказать, – пишет автор анонимного письма, – пятая графа в анкете продолжает маячить, как путеводный маяк, в национальном вопросе и то только для лиц еврейского происхождения».

В числе лиц, для которых характерны приведенные выше высказывания:

И. Берман – Ленинград, Толмачева, 7/5, кв. 7

А. Романовский – Ленинград, Сталинградский проспект, 120, кв. 3

А. Гельман – Сталиногорск, Тульская обл., Садовая, 10, кв. 5

П. Гарин – Свердловск, 9, Комсомольская, 67-а, кв. 7

Г. Гнесин – Москва, Софийская набережная, 22, кв. 5

Одно письмо анонимное.

4. Авторы последней группы писем (все пять анонимные) являются откровенными еврейскими националистами. Наиболее показательны следующие высказывания: «В Советском Союзе все евреи бесправны», «Нассер – второй Гитлер, Синайский полуостров это земля Израиля», «Я все бросил бы и поехал бы в Израиль и не только я, но вся еврейская молодежь уехала бы, но не выпускает наше правительство», «Евреи всего мира и Советского Союза молятся на государство Израиля. Шейнин – подлец, продажная душа, предатель. Он не мог не знать, как встречали делегацию Израиля московские евреи. Он бы лучше написал, почему у нас нет еврейских газет, школ, театра. Куда девались Бергельсон, Фефер, Маркиш и другие?..»

Читательские отклики на статью Л. Шейнина «Трагедия обманутых» продолжают поступать в редакцию.

17 декабря 1957 года г. Москва

ЦК КПСС

тов. СТРОГАНОВУ А.Е.

По Вашей просьбе направляем Вам копию письма Н.З. Фридмана, присланного как отклик на статью А. Димины «Пропагандистские сирены и израильская действительность», опубликованную в «Труде» 20 октября с.г.

Кроме этого письма, было получено еще два письма, в которых речь шла о допущенной в статье опечатке в еврейском имени Шлемы.

Редактор «Труда» по иностранному отделу

Л.Бакашова

Уважаемый редактор газеты «Труд»

Я прошу поместить мою статью в Вашу газету. Дело в следующем: в газете «Труд» от 20 октября с.г. мною была прочитана статья тов. Димины под заглавием «Пропагандистские сирены и израильская действительность». Читая эту статью меня поразило то, что гр-н Фиртмежел с женой Ривкой Шлемовой прожили уже не один десяток лет и хорошо помнят царский режим и следовательно помнят все прелести царского гнета и бесправия евреев при царском правительстве и погромы, устраиваемые черной сотней, подстрекаемые царским самодержавием и живя теперь при советской власти можно кажется сравнить эти два периода жизни. Все это делалось для того, чтобы отвлечь трудящихся от настоящих виновников тяжелой жизни евреев трудящихся. Потому что во главе руководства стоял капитал, который преследовал только одну цель – обеспечить свои прибыли и ему меньше всего было дело до трудящихся. Ведь в государстве Израиль во власти те же самые капиталисты, что и в России, т.е. манера у них одна – побольше себе в карман положить, а для этого нужно эксплуатировать больше трудовой народ. Ведь власть у них не народная, т.е. такая, которая бы беспокоилась бы за трудящихся, какая имеется в Советской России, ведь здесь в основу всей жизни положено улучшить быт и жизнь трудового народа, все что строится, что делается, все это для того, чтобы легче и лучше была бы жизнь. Но ведь там же этого нет и следовательно должно быть понятно, что за рабочий класс меньше всего будет беспокоиться любой купец или капиталист, ему нужно побольше прибыли любыми путями. Потому там все построено на деньги, на выжимании соков ради денег.

Разве они создадут бесплатное учение, лечение в больницах, как это сделано у нас здесь, в Советском Союзе.

Вот у меня трое детей – старший сын кончил средн. техническую школу, работает по специальности, материально хорошо обеспечен, дочь старшая получила 10-летнее образование, работает сейчас, готовится в высшее учебное заведение, младшая дочь в муз. училище.

Таким образом, каждый ребенок у меня выбрал специальность, которая ему нравится. А вот если бы я жил в государстве Израиль сколько мне нужно было бы денег, чтобы их так вывести на дорогу. Да я думаю, что не пришлось бы мне с детьми и гадать об этом, ибо там бы они впряглись, как животные и тянули бы лямку. А я и жена, нам уже по 50 лет и мы работаем, а дальше нам помощь детская не нужна, мы обеспечиваемся на старости пенсией государством. Это потому, что власть у нас народная и что я не один беспокоюсь за свою жизнь и за жизнь детей, а государство нам обеспечивает не только завтрашний день, а даже и старость так здесь построены. И правильно пишет автор этой статьи «Семь раз отмерь и один раз отрежь». Молодняку это простительно, ибо они не знают прошлой жизни и им нечем сравнить, но нам, пожилого возраста и таким, как Фирштейфельдам и др. гр-нам, которые думают попасть на удочку этой пропаганде, непростительно. Я пишу это потому, что еще не один будет попадаться на эту пропаганду, я сам по национальности еврей, но знаю, что раз там система волчьей, т.е. капиталистическая, то обо мне никакой заботы не будет, ибо какое ему дело до меня и моей семьи.

Я призываю всех евреев не попадаться на удочку этой израильской пропаганде. Надо сказать прямо, что нам евреям здесь не плохо.

В старое царское время богатые, т.е. капиталисты евреи в России тоже хорошо жили, они и тогда ничего плохого не переживали, они и погромов не знали, плохой жизни и такие там в госуд. Израиль капиталы делают, все что им надо.

Поэтому туда трудящимся ехать жить там понятно, что будет плохо, как об этом раньше не думали те, которые вздумали ехать.

Все что мною здесь написано все проверено жизнью и сомнений в этом не может быть никаких. И это вполне нормально, что там в советском посольстве очереди в получении обратного выезда из-за тяжелых условий жизни.

Фридман.

Тов. редактор может быть я не все написал, но мне кажется основную мысль свою я высказал и прошу напечатать мою статью. Может быть подумают некоторые евреи и одумаются ехать за «небесной манной», которая потом стоит много здоровья и крови и лишения.

Мой адрес: Клинцы, Брянской обл.

Богунская, 7, кв. 5

Фридман Н.З.

Убедительно прошу поместить.

СССР Совершенно секретно
Комитет
Государственной безопасности
при Совете Министров СССР
4-е Управление
4 октября 1957 г.
№ 4/С-1671
г. Москва
29012
ЦК КПСС
Товарищу Старцеву А.А.

Согласно договоренности с Вами, представляем дополнительно 5 писем советских граждан, выехавших на постоянное жительство в Израиль и имеющих намерение из-за тяжелых условий жизни возвратиться в Советский Союз.

НАЧАЛЬНИК 4 УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
(ПИТОВРАНОВ)
Справка

Названные письма использованы в статьях «Литерат[урной] газеты», «Комс[омольской] правды» и «Труда» в октябре с.г.

14.XII. 57

Подпись

композитор Вагнер пишет не менее замечательную оперу... А не будь этой легенды и не будь этой оперы, насколько бы скучней стали наши современные жизни?

Впрочем, что касается России, то жизнь там совсем не скучная (и не такая уж современная). На каком-нибудь Западе какие-нибудь специалисты в области многих общественных наук кропотливо и скучно изучают исторические процессы через анализ классовой структуры общества, экономики, культурных феноменов и прочего подобного комплекса вещей. Между тем, у нас в России многие совершенно уверены, что стоит только собраться кучке литературных людей и рассудить, кто же был виноват (на национальной основе, разумеется) в революции, – и дело в шляпе.

И я такую линию поддерживаю всем сердцем. И я за покаяния, но – коли Солженицын процитировал меня – становлюсь перед ним на колени и молю: что бы вам, Александр Исаич, тоже не сделать, как я сделал, совсем как Иванушка-дурачок? Не обращать калькулирующий глаз на инородцев всяких, а исключительно на свое внутреннее? Какая была бы картина: в одном углу «благородные» (его выражение) евреи хлещут себя плетью самоочищения, в другом – благородные «русские».

Слово это беру в кавычки, потому что насчет определения, кто такие евреи, Солженицын долго распространялся, а вот насчет русских не объяснил, полагая, что и так понятно. А мне вовсе не понятно. И так постепенно все! И что же тогда случается? Несомненно – все российские беды исчезают как по мановению волшебной палочки. И в назидание всему цивилизованному миру Россия становится такой, что ни в сказке сказать, ни пером описать: какая там демократия – просто рай наступает! (А вот китайцам и во сне такого не видеть, поскольку у них нет ни евреев, ни русских: кого же там жалеть, кому там каяться?)

Впрочем, пишу это не потому, что прочитал книги Солженицына. Я живу в далекой Америке и так поддался влиянию тамошнего рационализма, что стал забывать свое: совершенно не собирался даже касаться этих книг. Но тут «притекла ко мне» (выражение Солженицына) по Интернету транскрипция тусовки в «Известиях», и тон этой тусовки поразил меня (говорю, что отвык от подобного). Там было какое-то несоответствие, какой-то разрыв. Как вот – накрывается банкетный стол, сверкает хрусталь, произносятся высокопарные пиететные тосты, а только банкет накрыт в... общественной уборной.

Тут же я сообразил, что совершенно неправ. Что это все – западное влияние и что мое обоняние стало слишком деликатно. Ну и что с того, что на Западе подобное произведение разобрали бы по косточкам и высмеяли бы? За полным отсутствием воображения они приняли бы его за невежественный и антисемитский пасквиль, при этом совершенно не учитывая ни жанра произведения, ни силы художественного воображения автора. И вот перед этими-то воображаемыми судьями я хочу защитить Солженицына.

Но прежде еще несколько слов об известинской тусовке. Лидировала там со свойственным ей эмоциональным запалом, мне так хорошо знакомым, доктор литературных наук М. О. Чудакова. И одна ее реплика меня особенно поразила:

«То, что в военном Ташкенте среди эвакуированных оказалось больше евреев, он показывает как математик. Так это получилось, увы!»

Показывает как математик?! Я был потрясен. Я в войну был мальчиком и прекрасно помню крылатое выражение, что все евреи были в Ташкенте. И всегда был совершенно с ним согласен тем более, что сам-то я был в Свердловске, что еще раз доказывало мое нравственное над «всеми евреями» превосходство. Но одно дело – жить сказкой, и совсем другое – сказку сделать былью. Мариэтта Омаровна как специалист по литературе должна была бы знать, какое здесь кроется неразрешимое противоречие. И знать, что сказкой нужно уметь довольствоваться, не желая – как в сказке о Золотой рыбке – слишком многого.

Я ринулся читать главу «В войну с Германией», прочитал ее два раза, и – не оказалось там никакого математического доказательства подобного факта! Другие математические доказательства были. Например, что в войне участвовал тот же процент евреев, что и других национальностей. Это – разочарывающий факт для человека, которому факты мешают жить согласно художественным представлениям. Однако – увы, но про Ташкент математики не было...

Я знаю, что Чудакова – женщина романтическая, настоящий мужчина в ее представлении есть эдакий джентльмен-джигит наподобие рыцаря Тристана. Ее отец сразу пошел на войну добровольцем, и потому каждый, кто не пошел тогда добровольцем, уже подозрителен в ее глазах. Небосвод ее мироощущения покрыт ярко сверкающими абсолютами, иначе она не может существовать.

Но небосвод Солженицына покрыт абсолютами совсем-совсем другого, куда менее приятного цвета. Впрочем, важнее всего, что и там, и там – абсолюты. Я прочитываю главу «В войну с Германией» и больше даже не могу читать, под таким нахожусь впечатлением. Когда-то Солженицын написал прекрасную повесть – про лагеря. Но здесь, в книге, вышедшей в серии «Исследования новейшей русской истории», я нахожу иную силу художественной фантазии, и с ней ничто предыдущее не сравнится.

Опять же нужно учесть его возраст и именно в разрезе розановского замечания: что если у людей – физический взгляд, то у стариков – метафизический. В смысле, что остекленевший стариковский взгляд вовсе не нужно подозревать за проявление склероза, но, напротив, за то, что старики поверх наших голов видят иные миры и иные измерения (глубокое замечание сделал Василий Розанов!). Вот и с Солженицыным: он знает и чувствует, что его фантазии посильны теперь любые победы над плоской реальностью, и потому не боится начинать произведение прямо с математики. Как истинный титан он ставит перед собой, казалось бы, непреодолимые препятствия, и люди принимают его бухгалтерию за исследование, между тем как здесь чистый художественный прием сталкивания противоположностей. И писатель углубляется в дотошные расчеты и

перерасчеты: сколько же евреев воевало во вторую мировую войну? И тут оказывается, что в процентном отношении, в общем, евреев воевало столько же, сколько и «славян», и даже «и в пехоте и на передовой» (с. 367). И такие факты – «вопреки расхожему представлению» (с. 363)!

«Так что ж – народные впечатления той войны действительно продиктованы антисемитскими предубеждениями?» – подбив бабки, вопрошает Солженицын. По своей слабости я бы на его месте тут сразу и признал: да, выходит так. Эти цифры так бы потрясли и обескуражили меня, что я просто не нашел бы, чем на них ответить. Меня приперло бы к бормотанию вроде: ну да, что же делать, ведь народные предрассудки – дело житейское, да у всех народов так, думаете – у вас лучше, чем у нас? Таковы прелести человеческой психики, что с ней поделаешь. И даже пустился бы разглагольствовать: каким образом в пресловутых «цивилизованных странах» общественная этика этому самому воображению все бьет по его литературным почкам да печени, чтобы не очень разгуливалось...

Но то – я, а то – Солженицын. В отличие от меня Солженицын силен в своей убежденности, его с панталыку не собьешь. Поработав бухгалтером, подбив цифровые колонки, он заявляет: «В истории важно и что народы друг о друге думали» и, конечно же совсем не в том смысле, что народная фантазия всегда норовит из всего несвоего сотворить пугало, а дело исследователя – показывать ей это. Ведь говорил же я, что Солженицын не исследователь, а писатель, к тому же высоко почитающий народные сказки, – вот и здесь он должен показать, насколько сказка вернее были.

Только тут следует произвести

некоторое уточнение. Солженицын пишет «народы друг о друге думали», имея в виду, конечно, не «думали», а «думал». По какой причине «русский народ» думал об евреях, что они не воевали? А что «думали» и что чувствовали евреи, которые – «вопреки расхожему представлению» – воевали? И их каждодневно окружала масса людей, которая думала, что они не воюют? Сие Солженицына не касается. Тут нечто условлено по умолчанию, ибо «объективные» пятьдесят на пятьдесят, которые он объявил в предисловии, имеют в виду вот что: на какие пятьдесят процентов евреи были нехороши для России и на какие пятьдесят – сносы.

«Во время Первой мировой войны нет свидетельств антисемитизма в Русской армии», – заявляет он. Ну что ж, раз нет, то что тут сказать? Правда, можно бы принять за свидетельство конармейские дневники Бабеля, в которых документирован тотально погромный антисемитизм в армии Буденного! Но – так то ж, простите, уже не русская, а – Красная армия, даром что мгновение назад большинство конармейцев служили в русской армии... то уже не «народ», а битая с толку большевиками орда...

Итак, установив, что в первую мировую войну в армии воевал каждый десятый еврей, а во вторую – каждый восьмой-седьмой, Солженицын размышляет:

«Можно предположить, что большую роль здесь играли новые внутриармейские диспропорции, восприятие которых на фронте было тем острее, чем ближе к смертной передовой».

То есть, что в царской армии не было «антисемитских предубеждений» потому, что, по царскому закону, евреи не могли получить чин выше унтер-офицерского. А в советские времена «традиционно высокий процент евреев в советской медицине и в инженерных специальностях естественным образом способствовал их многочисленности в этих армейских подразделениях... и всякому было наглядно: да, там евреев значительно гуще, чем на передовой».

Но тут – логическая промашка. Если «там евреев значительно гуще», значит, гуще среди кого-то еще? Не среди тех ли самых «русских»? Причем, с такого же рода высшим образованием, что их тоже там гуще, чем на передовой, где больше людей без образования? Но эти люди остаются вне поля зрения Солженицына, они – невидимы. Его ревнивый глаз направлен на различие евреев.

«Всякому было наглядно» – какое примечательное утверждение! То есть «всем», в том числе и Солженицыну – он и не сомневается в этом. Но действительно ли: всякому – значит, всем? Может, были и такие, кто вовсе и не вглядывался, и не высматривал – по недостатку «разума» а ля Чудакова, несомненно, а также по отсутствию любви и жалости к «русскому народу». Не вглядывались, кто там еврей, а кто нет, люди, которым взгляд Солженицына чужд и, может быть, даже неприятен?

Тут я чувствую непреодолимое желание к сентиментальному отступлению. Внезапно вспоминаю институтские годы – скотина же я, что не вспомнил их с первого мгновенья, когда стал читать «В войну с Германией»! Имеешь дело с грязью, сам в ней обмарываешься и становишься ее частью, забываешь, что и другое существует на свете. Когда я поступал в институт, еще шел поток фронтовиков (на следующий год уже пошла деревня). Это были взрослые люди, я был щенок среди них, но они меня демократично признали, за что благодарен им и по сей день.

Замечу, что я невольник почти животного инстинкта, который характерен для людей нацменьшинств: остро (и, практически, с момента знакомства) чувствую, у кого есть «антисемитские предубеждения» и кто свободен от них. И должен сказать: клеветает Солженицын на фронтовиков, многие из моих сокурсников совсем не принадлежали к солженицынским «всяким». Среди них был один маленького роста человек, звали Саша Грачев, он особенно приблизил меня к себе: чем-то я ему понравился. Он и рассказал мне первый (из несемейных людей) антисоветский анекдот, а я страшно испугался. Как сейчас помню, это было во время лекции потока. Я обмер от страха, не зная, как отреагировать, и думая с ужасом: неужели Саша – стукач? Ну и должен же он был сильно ненавидеть Советскую власть, чтобы довериться мне: как же он прочитал, что я не донесу? Мы, антисоветчики, видно, тоже были как евреи – люди с дополнительно развитым чутьем гонимых.

Но я хотел рассказать другой эпизод. Раз я принес в институт свой белый билет (я был туберкулезник) и показываю его Саше. Он берет, повертел в руках со своей усмешечкой и затаенно-мечтательно говорит:

– Эх, когда мой братаня умер, лежал на столе его белый билет, я хотел его тяпнуть, чтобы с говном этим развязаться, но потом раздумал.

– Но погоди, как же ты бы смог... и зачем?... – стал я недоуменно бормотать. Но он только продолжал усмехаться.

Поработав бухгалтером, подбив цифровые колонки, он заявляет: «В истории важно и что народы друг о друге думали» и, конечно же совсем не в том смысле, что народная фантазия всегда норовит из всего несвоего сотворить пугало, а дело исследователя – показывать ей это.

Так вот, я практически убежден, что при малейшей возможности Саша пересидел бы войну в том самом подвале, в котором ее пересидел один из персонажей «Матрениного двора». И я никогда не осудил бы его за это, и если бы смог, то носил бы ему туда пищу. Это «ташкентских» евреев я осуждал по фальшивому и рабскому чувству ответственности за них, просто от подлого страха, чтобы меня к ним не причислили, и из рабской фальши, будто я к ним принадлежу. После перестройки я ездил один раз в Одессу и пытался разыскать Сашу, – вдруг он жив? Но куда там. Я бы обнял его и заплакал по старческой сентиментальности, а потом насовал бы ему сколько смог долларов, чтобы какое-то время не бедствовал...

Но я должен вернуться к Солженицыну, и это нелегко (противно) сделать после того, как вспомнил Сашу... Но надо закончить. Ну ладно, помуссировав изрядно тему второго и третьего эшелона фронта, упомянув и медиков, и техников, и интендантство, Солженицын остался неудовлетворенным. Он все еще более или менее в области сухой бухгалтерии. Но его писательская душа желает вырваться в художественность – и вырывается, беря на прицел евреев-писателей и журналистов, музыкантов и актеров (какая существенная часть населения с точки зрения военной статистики!).

«Вот пишу: “Среди ленинградских писателей-фронтовиков евреев было по самой осторожной и скорей заниженной оценке... 31%”, а то и, значит, выше. Но из этого неясно: а сколько из них были – при редакциях?.. Под слово “фронтвик” кто только не самоподгонялся, а среди писателей и журналистов более всего».

Сарказм всегда был самым сильным художественным приемом Солженицына, и он с уничтожающим сарказмом написал когда-то в одном из своих романов образ «видного и поименованного» «писателя-фронтвика», скорей всего – Симонова. Но то было когда-то. А вот это он пишет сейчас:

«А не видных и не поименованных – сколько таких фронтвиков осело в многотиражках – фронтных, армейских, корпусных, дивизионных. – Вот эпизод. По окончании пулеметного училища младший лейтенант Александр Гершкович послан на фронт. Но после госпиталя...» и так далее.

И ясно, что увильнул сей Гершкович в дивизионную многотиражку работать корреспондентом на передовой. А после этого Гершковича находит Солженицын скрипача, Михаила Гольдштейна, «белобилетника по зрению», которого желчно высмеивает за безобидное хвастовство: будто бы тот, приезжая давать концерты, рыл окопы с солдатами. (Миша и не такое мог залить: ведь это он написал знаменитую, кто помнит, в советские годы симфонию Овсяннико-Куликовского.) А далее, после Гольдштейна следует «поразительная биография» циркового директора Гершуни...

Какие все это выпуклые и бесстрастные, а главное, многозначительные примеры еврейской хитрости и увильвания от окопов! Я так и вижу цирк под управлением Гершуни на лестничных маршах рейхстага: папа Гершуни, мама Гершуни, детки Гершуни и все прочее многочисленное кодро родственников выделывают свои евр... простите, цирковые выкрутасы. Потому что: разве ж не только евреи служили в том цирке? И «русские» там были? Да не может быть!

Отведя душу таким образом насчет представителей тех 50 процентов, которые были для России нехороши, Солженицын вспоминает об обещанной объективности. И снисходит к другим 50 процентам:

«Конечно, евреи воевали и в пехоте, и на передовой...»

И опять приводит проценты, которые вполне могли бы удовлетворить его взыскательную процентную норму, – имена еврейских разведчиков и в тылу, и в самой Германии, и прочее. И заключает какой-то совсем странной фразой:

«Но на отдельных примерах – ни в ту ни в другую сторону – ничего не строится. А надежной статистики, и, главное, дробной, – нет; и вряд ли всплывет когда-нибудь».

Что он имеет в виду? Что вся предыдущая статистика, которую он приводил, сомнительна? Не похоже. Да и как сомневаться в советской послевоенной статистике, что она подтасована в пользу евреев?! Нет, нет, он явно имеет в виду другое: статистика недостаточно «дробна» (ну и словцо!), чтобы решить насчет этих самых 50 на 50, как и для того, дабы сделать заключение, какие 50 берут верх. И, чтобы окончательно решить этот вопрос, он тут же продолжает:

«А вот недавно в израильской периодике притекло интересное свидетельство».

Тут уже совсем вступает в силу та самая розановская метафизика старцев, которая не только в сочетании слова «приплыло» с предлогом «в».

Итак, возьмем журнал «22». Пишут в него сионисты made in USSR – люди, до комизма отставшие по взбудораженности лет этак на пятьдесят от «международного сионизма». На поверку, комическим образом треть солженицынских цитат – оттуда. И вот, именно в таком журнале наш автор и выискивает одну историю – про некоего Шулема Даина. Этому Даину другой – и тоже еврейский юноша – предлагает пойти добровольцем в комсомольский взвод. А тот отвечает: «Когда меня призовут на войну, я пойду на войну. Но добровольно – ни в коем случае». Этот Даин был, оказывается, сознательным сионистом и антисоветчиком.

Я же, перефразируя Солженицына, глазом советского еврея уверенно отмечу: молодой сионист в начале сороковых? Невероятная картинка! Притом он полагал, что было бы счастьем, если бы евреи могли следить за схваткой со стороны? Изложенное Солженицын комментирует в следующем пассаже:

«И можно охватить, что не один же Даин так думал, а особенно среди евреев постарше и с большим жизненным опытом. И такое настроение у евреев, особенно у тех, кто были преданы всевечной идее Израиля, можно вполне понять. Но все же с оговоркой: враг шел – главный враг евреев, на уничтожение прежде всего евреев, – и как же мог Даин и сходно мыслящие остаться нейтральными? А русским, мол, так и так защищать свою землю?»

Я не знаю, чего здесь бол

ьше: невежества, интеллектуального жульничества, низкой бестактности (Даин, как сообщает Солженицын, погиб под Сталинградом), потери ощущения художественных пропорций, или просто – той самой старческой «метафизики»? Вот перед нами столь нехарактерная для тех советских лет фигура молодого сиониста. Но Солженицын берет его под увеличительное стекло. И создает многозначительно обобщающий образ («не один же Даин так думал») евреев, у которых не хватало этики разделить общероссийскую судьбу. Не мог он найти более убеждающий пример, что ли? Значит, видимо, не мог. Вдумаемся: ведь что этот Даин сделал? По пересказу других он сказал, что не пойдет добровольцем, а пойдет только по призыву. А потом не убежал в Ташкент, а пошел по призыву и – был убит под Сталинградом... Да ведь это человек истинной гражданской этики, если его личные убеждения говорили ему – оставаться вне схватки! Что же еще остается сделать, как не преклониться перед таким человеком?

Это один из тех, кто относится к сторонникам идеи «прозрения для восстановления Израиля» с такими же презрением и насмешкой, как к Солженицыну. Солженицын посвящает Даину и идее еврейского «двойного подданства» полторы страницы эмоционального и философствующего текста. И вкрапливает туда для баланса три мимолетные строчки (и я считать умею!) о тех, «кто в 1941-м мыслил прямо напротив Шулиму Даину, – те и сражались беззаветно». Но даже и тут по идеологической инерции текста – клевета: значит, надо понимать, Даин, хоть и сражался, но не беззаветно?!

У меня было такое ощущение, когда читал эти полторы страницы, будто вхожу в соприкосновение с одним из тех нездоровых людей, которые набрасываются на трупы и едят их внутренности – совершенное ощущение патологии и отрыва от реальности. И я вовсе не против сведения счетов с мертвыми (слишком ученик и последователь «Бобка» Достоевского для этого). Неприличие я понимаю и даже ценю, только – художественно оправданное неприличие. А тут – человек настолько одержим, что просто не понимает, что делает, кого берет, чтобы сотворить нужный ему образ. И это сильно действует.

Повторю, я не стал бы ни читать Солженицына, ни писать эту заметку, если бы не дискуссия в «Известиях» и не мой друг Чудакова там. Она говорит, что эта книга какая, мол, угодно, только «необидная» книга. Это – заявление человека с носорожьей кожей, а между тем, в других случаях кожа Мариэтты Омаровны бывает весьма чувствительна. Но тут все дело в мышлении так называемыми объективными категориями, и вот цитата из Чудаковой.

«Показано убедительно: после Октября – двадцать с лишним лет сращенности с советской властью (отсюда, кстати, надрывно-антиеврейские мотивы “Четвертой прозы” Мандельштама)».

«Надрывно-антиеврейские мотивы»? Ну и выпрениня фальшивка (и в таком тоне ведь – вся статья Чудаковой)! Из того, что Мандельштам выкрикивает в злобе и истерике про Горнфельда, что тот – «паралитический Дантес, дядя Моня с Бассейной, проповедующий нравственность и государственность», делается обобщающий на всех евреев вывод. И – кем же? Г-жой Чудаковой, которая потому так горячо занимается книгой Солженицына, что, как и он, проповедует нравственность и государственность в России и знать не знает более важного дела. По ее логике надо думать, что, когда в той же «Четвертой прозе» Мандельштам выкрикивает про Митьку Благого, лицейскую сволочь, разрешенного большевиками для пользы науки, это «надрывно-антирусский» мотив? Если так – о, выпрениня дешевка! Но – дешевка с ощущением важности своей миссии, вот что надо понять. Вот оно, несчастье подобного рода психологии...

Впрочем, я употребляю слово «несчастье» по-писательски, с той же фальшивой smileй – именно как красивое словцо. На самом деле, ну откуда мне знать, какого рода психология приносит своим обладателям счастье, а какая – несчастье? Это не им, а мне она приносит несчастье, потому что это я исполняю всякого рода негативных эмоций. А их – хлебом не корми, только дай порассуждать таким манером, и они полны самозначения, они счастливы.

И, если говорить о самом себе, то могу ли я четко объяснить: почему эта психология оскорбляет меня? Если как «еврея», то почему меня не оскорбляет патентованный антисемитизм покойного Евгения Харитоновна, моего самого любимого писателя из современных? Как сказал раньше, я плохо понимаю насчет того, что прилично, а что неприлично. И с теплой усмешкой читаю харитоновские рассуждения насчет евреев и русских: мол, евреям все время нужны изменения, они сами выдумывают законы и сами, когда приходит время,

их отменяют, а русским – мила недвижность, тишь да гладь, голубизна глаз и васильки в поле (пересказываю по памяти).

Я-то знаю, что Харитонов несет чушь. Ничего себе русская недвижность: Пушкин, Достоевский, Толстой, да и вся Россия XIX века?! Но я и знаю, что он имеет в виду, то есть, знаю его правду. Нет здесь никакой высокой озабоченности «любовью к народу», «болью за народ», а есть только измученный внутренним беспокойством талант, которому хочется хоть внешнего покоя. И слова-термины «еврей» и «русский» теряют в данном контексте плотность, удаляются в область Улыбки Чеширского Кота, начиная просвечивать парадоксом иных смыслов, как им то и положено.

Представляю, с какой насмешкой отнесся бы Харитонов к солженицынским калькуляциям! Скажи просто, как я говорю – не люблю евреев, и дело с концом, нечего изображать объективность и беспристрастность, все равно шит белыми нитками. Но Харитонов и сам в изрядной степени оболъщается объективностью, то есть якобы реальностью упомянутых терминов. По всей видимости, и у него они изображают некую конкретность. А мне этого недостаточно, мне нужно уловить момент, когда Улыбка Чеширского Кота растворяется в воздухе: еще мгновение и – полностью исчезнет.

Я вспоминаю такой момент и связанное с ним теплое чувство (с внутренней щекоткой: се человек!), которое испытал летом в начале девяностых к одному малому из общества «Память». Этот малый стоял в окружении своих единомышленников, заношенная майка на нем оттянулась до складок на поясице, и он канючил, изгаляясь: «Ну вот бы нам хоть маленькую победу одержать над евреями! Понимаете? Хотя бы вот такую малю-ю-усенькую!», показывая на пальцах, какую именно.

Тут-то я и проникся: этот человек говорил правду. Он вовсе не облекал свою страсть в реалии объективности, вовсе не требовал какой-то абстрактной справедливости, признания чьей-то вины и прочей самообманной бодяги. Он говорил о сути вещей как истинный писатель, как персонаж Достоевского, как человек, прочитавший Ницше или прошедший много времени на диванчике у психоаналитика. И потому я его понял, подошел к нему и пожал руку. Ухмыляясь, разумеется, пожал, но и он мне ответил такого же рода ухмылкой: мы поняли друг друга. В его фразе были саморефлексия и самоирония, а также, конечно, провокация. А я на эту провокацию ответил пониманием: чего еще ему нужно было? Вот у него слово «евреи» уже совсем не имело конкретности, как и у его соратников, которые – кто помнит – радостно скандировали в телевизионные камеры фамилию главного еврея, президента страны Эльцина.

Я почему-то уверен, что большинство из тех людей по-настоящему, то есть в каждодневном общении, и в глаза еврея не видели. И потому, как истинно свободные люди, без всякого стыда демонстрировали суть своей страсти. Мне с такого рода людьми всегда легче иметь дело: они наги, невинны и незащитны, даже если беззащитны и наглы. Им и в голову не приходит мысль о самозначительности: они знают, что анонимны точно так же, как и я знаю про себя, что анонимен. Конечно, из таких людей набирают чернорубашечников, но идею чернорубашечничества творят не они, а те, кто профессионально занимается вопросами «любви к своему народу». Кроме того – и тут одно с другим связано: в них есть потенция к мгновенному изменению, как вот в трогательной библейской легенде у разбойника на кресте, поверившего в умирающего Иисуса.

Но Солженицын-то давно уже не анонимен, о нет; его анонимное время зека давно ушло. И если в том же контексте думать о Солженицыне, то где ему найти место, как не в политически калькулирующем и озабоченном Сангедрине? Способность к живому, вне раз и навсегда усвоенных стереотипов мышлению у Солженицына так же вероятна, как у мертвецов из «Страшной мести», что вздымаются из могил, потрясая костями. И если в сегодняшней России этот хруст костей принимается за все-таки живое слово, – тогда дело российской культуры и смешно, и плохо.

ÊÀË ÝÒÏ ÁÛËÏ

Бенедикт Сарнов

О том, что именно написал Эренбург в своем письме Сталину, я долгое время не знал. Эренбург, как я уже сказал, не только в своих мемуарах упомянул об этом вскользь и весьма туманно, но даже в личном общении избегал разговоров на эту тему.

Впервые узнал я о том, что скрывалось за теми несколькими глухими строчками его мемуаров, от Ирины.

Имя Ирины – единственной дочери Ильи Григорьевича – уже не раз упоминалось мною на этих страницах. Но сейчас настало время сказать о ней чуть подробнее.

Я уже говорил, что с Ириной мы дружили тридцать лет, что она была очень близким нам человеком, одним из самых близких.

Когда-нибудь я, быть может, еще вернусь к рассказу о ней и нашей многолетней дружбе с нею. А пока ограничусь лишь несколькими короткими штрихами. К тому же, о том, что за человек была Ирина, я, наверное, все равно не смог бы сказать лучше, чем это сделала однажды (в 1995 году) она сама, коротко ответив на вопросы анкеты, присланной ей одним немецким журналом.

Приведу лишь некоторые из этих вопросов и ответов.

– **Что является для вас самым большим несчастьем?**

– Изгнанные собаки.

– **Что для вас совершенное земное счастье?**

– Это могла бы быть долгая жизнь с моим мужем.

– **Какие проступки вы прощаете скорее всего?**

– Все, кроме имеющих националистическую подоплеку.

– **Ваши любимые литературные герои?**

– Дон Кихот.

– **Ваши любимые женские образы в поэзии?**

– Татьяна в «Евгении Онегине» Пушкина.

– **Какие черты вы цените больше всего у мужчины?**

– Преданность и честность.

– **Какие черты Вы цените больше всего у женщины?**

– Те же, что у мужчины, плюс откровенность.

– **Ваша благодетельность?**

– Верность.

– **Что вы цените больше всего у ваших друзей?**

– Верность.

– **Ваша мечта о счастье?**

– Вечная молодость, особенно теперь, когда в России так интересно.

– **Что было бы для вас самым большим несчастьем?**

– Не мочь любить.

– **Ваши герои современности?**

– Сахаров и все, кто борется против фашизма.

– **Что вы ненавидите больше всего?**

– Трусость.

– **Какие исторические личности вы ненавидите больше всего?**

– Гитлера, Сталина, Муссолини.

– **Какую реформу вы считаете самой важной?**

– Отмену крепостного права.

– **Ваш девиз?**

– Доброта остается высочайшей целью.

При том, что вопросы ей тут задавались, как это бывает почти во всякой анкете, очень разные: и умные, и довольно глупые, и даже не слишком внятные (я, например, так и не понял, что означает вопрос «Ваша благодетельность?») Очевидно, это плохой перевод), – все ее ответы рисуют поразительно цельный человеческий характер. И – заметьте! – ключевое слово тут – верность. Верность провозглашается ею как главная ценность человеческой личности не только в тех ответах, где прямо произнесено это слово, но и в других: в ссылке на Татьяну Ларину как на самый любимый женский образ, в ответе на вопрос о том, что могло бы стать для нее высшим земным счастьем: долгая жизнь с мужем. (Муж Ирины, писатель Борис Лапин, погиб в 1941 году под Киевом, ей было тогда 30 лет, и она никогда больше не вышла замуж.)

Слово это было ключевым и в лексиконе ее отца.

***

Незадолго до смерти Эренбург написал поразительное по откровенности стихотворение. В стихах он и раньше бывал откровеннее, чем в мемуарах, – не говоря уже о публицистических статьях. А это было не просто стихотворение – одно из многих. Это была попытка подвести итог всей прожитой им жизни.

*Í í ðà í ðεçí à ò ù - òí ò ù àí ε,
 òí ò ù
 í εà - ù ý,
 Í í í ðí æ è è æ ε çí ù ý
 í í - ðí á à - ù è...
 Ò à ðí ε à è í á àí ðí ε, ò í ε ù è í á
 àí ðí ε
 Ñ à í þ á ò ð ð ò ε ç þ í í í í ðí ε
 Í á ç à í á à ð ð á ò - ç à í í á í ε
 Ñ ò á ð ð á ç æ ò ð í ò ù á í í ε í ε,
 È í á à è ò í á à ù á à è à ç è à ý,
 Β
 í í á à í á à è è à à ε á è à ý è...*

Казалось бы, степень его откровенности тут – предельна, и эта его автохарактеристика по саморазоблачительной сути своей – убийственна. Но стихотворение на этом не кончается. И по мере того как оно приближается к концу, все яснее становится, что все-таки не пафос саморазоблачения движет рукой автора, а пафос самооправдания. И даже – самоутверждения.

Оказывается, вот почему он прожил свою жизнь «по-собачьи»:

*Í á í í ò ð í ó ÷ ò í á ù è ý ç á ð ð á í,
 Á í í ò ð í ó ÷ ò í á ù è ý á ð ð á í -
 Í á è í í ò ð á, á à è í á í á è è á
 Í á á ð ð - ò í á í á ð ð ý - æ ð á à è è á,
 Í á á ð ð á è á í, í á è ð á ð á è á í á ð á è á í,
 Í á ç è ù í ð ò í ð í æ á à ù í ð í á à è á í,
 Á ò í ε ù è í í ε à ε - ó á ò à í í í á í á í á
 È ò à í è í ε, è à è á á á á, ð í è í í á*

Несколькими годами раньше он написал другое стихотворение, где ключевым было то же слово: верность.

*Æ ε ç í ù ç è ð í ε à è í á ð ð ð á
 Á á ð á - í - è è è ò í ð ù.
 Á á ð á á à è á á ð ð á ð ð ù.
 Β - ÷ æ í á à è, í á á ð á...
 Á è á à è, è à è è þ á è ð é á í è è,
 Á è á à è, è à è æ è è è á í á è è á
 Á è á à è - æ è á ð ð í ç à í è ý,
 Á è á à è ý í á á í á í á í è á -
 Á á ð á í á á ð þ ý.
 Ñ é á à ð í í? Ñ é á à è è, ÷ ò í ð é á à ð í í.
 Á á ð í í? Ñ é á à è è, ÷ ò í á á ð í í.
 Í á í í ò á à è ù í á í á í í è ù í á,
 Á á ð þ ò á á í è è ò ù Á á ð í í ð ò ù
 Á á è ó è þ á ý í, ð í á á í á
 Á í è è ò á ð í á ò ù á á ç ð é á ç è è,
 Ñ í ò í ð ý ò - í ð ý í í ò á á ò ù
 Á í è è ð ò í è á á á ç í í á ý ç è è, -
 Á á ð í í ð ò ù ò í á ð ð ð í ò á ð á ò ù*

Сейчас, переписывая эти строки, я подумал: интересно, когда он написал вот это : «Спросят – прямо ответь», вспомнил ли он, как ему весной 1949 года в Париже приходилось увертываться от вопросов о Маркише, Бергельсоне и других арестованных еврейских писателях?

Вот как туманно намекает он на это в своих мемуарах:

«... Луи и Эльза меня спрашивали по-русски: “Что это значит – “космополиты”? Почему раскрывают псевдонимы?” Это были свои люди, я знал их четверть века, но ответить не мог...

В номере гостиницы я быстро разделся, лег, погасил свет – мечтал уснуть, но вскоре понял, что это не удастся. Я повернулся с боку на бок, зажег свет, почему-то оделся, сел в кресло и начал маниакально фантазировать – что придумать, чтобы меня завтра отослали назад в Москву? Перебирал все варианты – заболеть, объяснить, что не смогу выступить, просто сказать: “Хочу домой”. Так я просидел до утра. Передо мной вставал Перец Маркиш таким, каким я его видел в последний раз. Я вспоминал фразы газетных статей и тупо повторял: “Домой!..”

Я сказал, что в этой главе хотел рассказать о самом тяжелом для меня времени, вряд ли это удалось, да и не знаю, можно ли про такое рассказать, добавлю одно – самой страшной была первая ночь в Париже, в длинном узком номере, когда я понял, какой ценой расплачивается человек за то, что он “верен людям, веку, судьбе”».

Верность он противопоставлял вере, как зрячьсть – слепоте. Но если бы в этих своих рассуждениях он дошел до конца, до последнего предела, он вынужден был бы признать, что неизменными атрибутами этой прославляемой им верности были те же «очки и шоры», которые отвратили его от слепой веры.

***

Да, представление о верности как о едва ли не главном качестве, определяющем ценность человеческой личности, Ирина унаследовала от отца. Но в контексте приведенных мною ее ответов на ту немецкую анкету (да и всего ее человеческого облика) это слово несет в себе не совсем тот смысл, каким оно было наполнено у Ильи Григорьевича.

Он упирал на то, что был верен родине («плачу в темном доме и теплой, как беда, соломе»), веку, судьбе. Для нее верность – это верность памяти погибшего мужа, верность дружбе, верность данному слову.

Не так уж мало было у меня в жизни верных друзей, тесные отношения с которыми оставались прочными на протяжении десятилетий. Но я не встречал более верного, более надежного человека, чем Ирина.

Друзья, даже самые близкие, не всегда бывали на высоте. Да иначе ведь и не бывает: у каждого своя жизнь, свои заботы, и нет ничего удивительного, что порой, когда ты нуждаешься в них, надеешься на их – если не помощь, то хотя бы сочувствие, теплый душевный отклик, – им не до тебя.

На Ирину можно было положиться всегда и во всем. Но ее верность никогда не была слепой. Даже верность памяти отца, которая наложила мощный отпечаток не только на ее сознание, но и подчинила себе весь бытовой уклад ее жизни.

Когда довольно скоро после смерти Ильи Григорьевича умерла его вдова Любовь Михайловна и стало ясно (это, впрочем, было ясно и раньше), что власти ни при какой погоде не захотят превратить эренбургскую квартиру на Тверской (тогда еще улице Горького) в мемориальный музей, Ирина – я уже упоминал об этом – решила сохранить нетронутым хотя бы кабинет отца. Она перевезла его в свою небольшую квартиру на Красноармейской улице, где жила вдвоем с внучкой – маленькой тогда Иришкой*.

Квартира была более чем скромная, в первом этаже. Наш друг – известный искусствовед Саша Каменский, побывав у Ирины впервые, возмущенно фыркнул:

– Дочь Эренбурга живет в дворницкой!

* Здесь необходимо небольшое уточнение. Борис Фрезинский недавно напомнил мне, что на каком-то этапе высокое московское начальство готово было сохранить квартиру Эренбурга в качестве музея, но при условии, что туда переедет Ирина, сдав свою кооперативную квартиру на Красноармейской Моссовету. Когда Ирина от этого варианта отказалась, он (Борис) искренне огорчился, о чем тут же ей и сказал. Она ответила: «Но не могу же я жить на кладбище!»

Это, конечно, была некоторая гиперболa, но первый этаж влек за собой множество неудобств и даже неприятностей. Однажды окно Ириной комнаты было разбито булыжником, брошенным с улицы, и пока мы все – друзья и соседи Ирины, – собравшись около этого разбитого окна, судили да рядили, какие действия надо немедленно предпринять (позвать милицию, написать заявление в правление кооператива), моя расторопная жена выскочила на улицу и быстро договорилась с работавшими рядом строителями, чтобы они – явочным порядком – замуровали это окно. При этом она, правда, сказала работягам, что «мы за ценой не постоим», за что Ирина слегка ее отругала. Как бы то ни было, окно было заложено кирпичами в тот же день, и порядок был восстановлен.

Нет, на дворницкую квартиру Ирины похожа все-таки не была. Но в ней были только две не очень большие комнаты, в одной из которых обитала маленькая Иришка, а в другой – Ирина.

И вот в эту свою комнату, где она и работала и спала, Ирина перевезла отцовский кабинет – письменный стол, кресло, стеллажи с книгами, раскладную лестницу для библиотеки, знаменитую коллекцию трубок, тьму всяких глиняных и деревянных безделушек, подаренных Эренбургу в разное время разными людьми, знаменитыми и незнаменитыми. Ну и, разумеется картины: Марке, Коро, Шагал, Фальк, Матисс, знаменитый рисунок Пикассо.

Комната Ирины была существенно меньше эренбургского кабинета на Тверской, поэтому весь этот «антиквариат» еле-еле в ней уместился. И, конечно, полностью вытеснил все личные Ирины вещи: от них от всех осталась только тахта, на которой она спала, придавленная к стене этими эренбургскими реликвиями.

Но ее верность отцу легко выдержала не только эти, но и гораздо более серьезные испытания. (О многом тут можно было бы рассказать.)

И все же, как я уже сказал, эта ее верность отцовской памяти никогда не была слепой. Для начала – одна маленькая деталь.

Сын Бориса Леонидовича Пастернака – Евгений Борисович, говоря об отце, неизменно называл его «папочка». Это было трогательно, но и немного комично: многие из нас, слыша это детское слово, произносимое взрослым – и даже пожилым – мужчиной, невольно прятали улыбки.

Ирина, говоря об отце, называла его «Илья». Это у них так «исторически сложилось».

Ирина была ребенком, когда ее мать ушла от Эренбурга к его другу Тихону Ивановичу Сорокину. «Ушла, – как рассказывает в своих воспоминаниях Ирина, – потому что мечтала создать семью, а с моим отцом это было невозможно».

Никто из взрослых не нашел нужным объяснить маленькой девочке не только причины, но и самую суть перемен, происшедших в ее семье. Поначалу она росла с матерью и отчимом, а отец взял ее к себе позже. Вот так и вышло, что всю жизнь она называла Сорокина папой, а Эренбурга – Ильей.

Все это я от Ирины слышал много раз и всю эту подоплеку такого – не совсем обычного – обращения ее к отцу хорошо знал. Но всякий раз, слыша, как, вспоминая об отце, она называет его «Илья», я невольно воспринимал это как знак совершенно особых ее с ним отношений. Отношений не отца с дочерью, а двух взрослых и равных друг другу людей.

Это слово – «Илья», – по каким бы там биографическим причинам ни установилось оно в их обращении друг к другу, очень точно выражало ее отношение к отцу: не снизу вверх, а на равных. А в чем-то даже, пожалуй, и сверху вниз, как у взрослого, умудренного опытом человека к наивному «большому ребенку».

Наивным ребенком Илья Григорьевич, конечно, не был. Но когда в декабре 1937 года он приехал из Мадрида в Москву, он попал в совершенно новый, незнакомый и непонятный ему мир. И первым гидом, первым его провожатым в этом поразившем его мире стала Ирина. Самые элементарные вещи она объясняла, втолковывала ему как маленькому:

«В лифте я увидел написанное рукой объявление, которое меня поразило: “Запрещается спускать книги в уборную. Виновные будут наказаны”».

“Что это значит?” – спросил я Ирину. Покосившись на лифтершу, Ирина ответила: “Я так рада, что вы приехали!..”

Когда мы вошли в квартиру, Ирина наклонилась ко мне и тихо спросила: “Ты что, ничего не знаешь?..”

Полночи она и Лапин рассказывали нам о событиях: лавина имен, и за каждым одно слово – “взяли”...

Я не мог успокоиться, при каждом имени спрашивал: “Но его-то почему?..”»

Он еще пытался понять: за что? почему? А Ирина уже знала, что берут ни за что и «нипочему».

В 1967 году, когда Эренбург умер, Ирине для утверждения ее в правах наследства понадобилась метрика. Никакой метрики у нее не было, и она написала в Ниццу, где должны были сохраниться какие-то документы.

Кое-что действительно сохранилось: из Ниццы пришла справка, подтверждающая, что в таком-то году ее мать, такая-то, действительно родила девочку Ирину. Но имя отца там указано не было. Повертев ненужную справку в руках, женщина-нотариус сказала, что Б-г с ней, с метрикой: «Вашей метрикой будут мемуары вашего отца».

В эренбургских мемуарах имя Ирины и в самом деле упоминается многократно. И если внимательно проглядеть все эти упоминания, можно установить не только факт их прямого родства (что только и было нужно нотариусу), но и характер их взаимоотношений.

Эренбург, вынужденный по обстоятельствам своей жизни долго жить за границей, действительно не знал – не мог знать! – многого. И Ирина нередко бывала его глазами, его ушами: поневоле оторванный от советской реальности, свое знание о ней он черпал из ее свидетельств, ее жизненных впечатлений:

«По поручению “Красной звезды” Ирина в марте поехала в Одессу – оттуда отправляли англичан, французов, бельгийцев, освобожденных Красной Армией. Тогда же прибыл из Марселя транспорт с нашими военнопленными, среди них были убежавшие из плена, боровшиеся в отрядах французских партизан. Ирина рассказывала, что их встретили как преступников, изолировали, говорят, будут отправлять в лагерь».

Отчасти именно эта роль, которую Ирина играла в его жизни, определила характер их отношений. Не только ее отношения к нему, но и его отношения к ней. Но было тут и другое. Ему и раньше, когда она была совсем маленькой девочкой, было свойственно вот это уважительное отношение к ней, отношение «на равных».

Когда Ирине было семь лет, мать крестила ее. Не то чтобы она была так уж сильно верующей, но – на всякий случай.

Эренбург в храм не вошел, ждал девочку у выхода из церкви. А когда обряд был совершен, повел ее в кондитерскую и сказал:

– Можешь съесть столько пирожных, сколько захочешь.

Он вел себя так, словно дочь подвергли какой-то неприятной медицинской процедуре. Поскольку это все-таки была не какая-нибудь там прививка или укол и больно ей не было (всего-то только помазали лоб водичкой и подарили крестик), Ирина так и не поняла, чем было вызвано это странное поведение отца. Почему не пошел вместе со всеми в церковь? Почему ждал у выхода? Почему решил угостить ее пирожными? Однажды она задала ему все эти вопросы. Он ответил:

– Я не люблю, когда подавляют личность.

Это уважительное отношение отца к ее человеческой личности Ирина ощущала с детства.

«Мне было 12 лет, – пишет она в своих воспоминаниях, – когда я снова познакомилась с отцом. Я не знала, что он поэт и писатель, успевший к тому времени выпустить сделавший его знаменитым роман

“Хулио Хуренито”. Он мне нравился, потому что относился ко мне с уважением и считался с моим мнением. Я его полюбила».

Вот, стало быть, как рано он начал считаться с ее мнением.

Конечно, она любила отца. И конечно, относилась к нему с уважением. И конечно, ей было обидно, если в ее присутствии кто-нибудь говорил о нем в неуважительном или даже оскорбительном тоне. Но обсуждать его слабости и ошибки и даже осуждать его за те – не всегда пристойные – поручения, которые ему приходилось выполнять, при ней можно было свободно. И даже классическую фразу Бабеля, нередко вспоминавшуюся кем-нибудь из нас в разговорах на эту тему («В номерах служить, подол заворотить»), она выслушивала – без удовольствия, конечно, – но, во всяком случае, с пониманием, не возражая.

Все это я рассказываю к тому, что говорить с Ириной об ее отце я мог с полной откровенностью. И говоря с ней о нем, мог не сомневаться: она тоже будет со мной откровенна – скажет все, что знает, ничего не утаив.

Так оно и случилось, когда я однажды спросил ее, что ей известно про то письмо, которое, как рассказывают, все именитые евреи подписали, и только он один не подписал. Было это – или не было? И если было, то – как? Что она помнит об этом?

Она помнила только, что ему позвонили и попросили приехать в редакцию «Правды». И что вернулся он оттуда совершенно мертвый. Не сказав никому ни слова, заперся у себя в кабинете и –пил. Таким пьяным, – сказала она, – я никогда его не видела – ни раньше, ни потом.

А наутро, уже на трезвую голову, он написал Сталину.

– И что же он ему написал? – осторожно спросил я.

Этого она не знала. На этом и кончился тогдашний наш разговор.

Этот рассказ Ирины, – особенно то, что, отказавшись поставить свою подпись под письмом именитых евреев в редакцию «Правды», И.Г. «ушел в запой» (по моим представлениям это было ему совсем несвойственно), произвел на меня такое сильное впечатление, что совсем заслонил все услышанное мною об этой истории раньше и даже вытеснил из сознания многое из того, что я узнал о ней потом.

***

А в действительности все было совсем не так, как представилось мне под впечатлением Ириного рассказа.

Вообще-то я мог бы сообразить это давным-давно, поскольку мой друг Борис Биргер в свое время довольно подробно записал рассказ Ильи Григорьевича о том, как все происходило. И этот записанный им рассказ я, конечно, читал. (Сейчас уже не помню, до или после того моего разговора с Ириной, но это не так уж важно, поскольку, как я уже сказал, рассказ Ирины надолго вытеснил из моего сознания не только все, что я знал об этом раньше, но даже и то, что узнал потом.)

Биргер познакомился с Ильей Григорьевичем, я думаю, раньше, чем я. И отношения у них были более тесные. В значительной степени так вышло потому, что к художникам И.Г. питал особую слабость. Работы Бориса пришлись Илье Григорьевичу по душе. Одну из них он у него купил, и этот приобретенный им когда-то ранний биргеровский натюрморт до сих пор занимает свое место в его «коллекции» – по соседству с Фальком, Тышлером, Пикассо и Матиссом. Купил он его, быть может, и не без намерения поддержать материально молодого талантливый живописца. Но, разумеется, не только поэтому. Плохую или даже просто не шибко нравящуюся ему картину рядом с Фальком и Тышлером он бы ни за что не повесил.

В моей жизни Борис Биргер сыграл особую, поистине исключительную роль. Во всяком случае, в то время, о котором я рассказываю, только два человека оказали такое огромное, можно сказать – решающее влияние на всю мою последующую жизнь. Одним из этих двух был писатель Михаил Булгаков, а другим – он, Борис Биргер.

***

В середине 60-х в «Новом мире» был опубликован «Театральный роман», а чуть позже в журнале «Москва» – «Мастер и Маргарита». Многих поразили тогда эти книги, явившиеся вдруг из небытия. Но еще больше, пожалуй, поразили сам факт торжества художника, его победы над временем и тупой, душившей все живое силой тоталитарной власти. В каком-то упоении как пароль, как знак надежды повторяли мы друг другу мгновенно ставшую расхожей булгаковскую формулу – «Рукописи не горят». Но на меня этот феномен Булгакова оказал не только моральное воздействие. Он прямо-таки физически подтолкнул меня, чтобы я перестал наконец оглядываться на внешние обстоятельства, мешающие мне писать то, что хочется, и не думая о последствиях, забыв о советской власти, ее верных церберах-редакторах, цензуре и прочих гадостях, целиком отдаться тому делу, которое я считал главным делом своей жизни.

Но одного этого – хотя и мощного – толчка, вероятно, было бы все-таки недостаточно. Чтобы решиться окончательно и бесповоротно вступить на этот путь, мне недоставало уверенности. Мешало более чем скромное представление о моих литературных возможностях. Охватившая все мое существо радостная энергия, возбужденная феноменом Булгакова, уперлась в отрезвляющее, обескураживающее: «Quod licet Jovi, non licet bovi»*. Что бы там ни было, – подмигивала и высовывала мне язык эта древняя поговорка, – но ты-то ведь не Булгаков!

И тут последовал второй толчок. Эту «вторую космическую скорость» мне сообщил Борис Биргер, с которым я познакомился примерно в то же время. И дело тут, – как и в случае с Булгаковым, – было не столько в биргеровских картинах (хотя и они произвели на меня сильное впечатление), сколько в самом феномене Биргера.

Феномен этот заключался в том, что, какая бы ни стояла на дворе погода, какие бы ни появились в тот день в газетах сообщения о неприятных, гнусных или даже роковых событиях, каково бы ни было его настроение и самочувствие, каждое утро Борис укладывал в свой объемистый потрепанный портфель плотно закрытые стеклянные банки с неприхотливым обедом (неприхотливым, но все-таки с непременно супом: как старый язвенник он не мог ни на один день позволить себе остаться без горячего супа) и отправлялся в долгий и утомительный путь (две пересадки на метро, только москвич знает, что это такое) на другой конец Москвы, в Измайлово, где находилась его маленькая мастерская. И – работал. Работал, выполняя свой каждодневный, самому себе заданный урок с таким тщанием и упорством, как если бы очередная его картина была уже заранее куплена Русским музеем или Третьяковской галереей. А закончив очередной портрет или пейзаж, тотчас же начинал грунтовать новый холст для следующей работы, словно даже один день вынужденного простоя или отдыха грозил ему смертельной опасностью.

В те времена такой образ жизни – естественный и, как я теперь понимаю, единственно возможный для подлинного художника, – многим представлялся какой-то дикой странностью. Ведь Биргер тогда уже давно – и не только по собственной воле – перестал участвовать в официальных выставках. Никаких заказов у него не было. Картины его не продавались. Да он и не хотел их продавать...

** - xòî îîçâîáîî Þîèòáð, òî íá äîçâîáîî áîüéó (èàò.).*

В часы работы не воспринимающий ничего, кроме своей модели и холста на мольберте, в остальное время своего повседневного бытия он и часа не мог прожить без друзей, без контакта с людьми, без дружеского застолья, без какой-нибудь азартной игры. И во многом именно благодаря этим свойствам его характера крохотная мастерская Биргера стала в те годы своего рода центром художественной и интеллектуальной жизни Москвы. Среди тех, кто постоянно собирался тогда у него в мастерской, а позже и в его московской квартире, были известные музыканты (Эдисон Денисов), актеры (Алла Демидова, Игорь Кваша), ученые (академики Андрей Сахаров и Израиль Гельфанд), писатели (Владимир Войнович, Фазиль Искандер, Василий Аксенов), поэты (Булат Окуджава, Олег Чухонцев). Они-то и бывали обычно первыми зрителями его картин. Показ новых работ был важной частью всех этих сборищ. Однако он неизменно завершался дружеским застольем, во время которого слышались не только звон бокалов и звяканье ножей и вилок, но и громкие голоса друзей, – большинство из них были отчаянными спорщиками. Спорили об искусстве, о поэзии, о смысле бытия, ну и, естественно, о политике. О политике, впрочем, не спорили, потому что тут все были единомышленниками. И все наши разговоры на эти (политические) темы неизменно кончались двумя традиционными тостами: «Чтоб они сдохли!» (надеюсь, не надо объяснять, кого мы при этом имели в виду) и – «За успех нашего безнадежного дела!»

Позже, когда дела у Биргера чуть-чуть поправились и он обзавелся довольно вместительной квартирой, сборища из мастерской переместились к нему домой, благо туда же переехали и некоторые его картины. В квартире собиралось до сорока, а иногда и до пятидесяти человек. Помимо семейных праздников (дни рождения самого Биргера и всех членов его семьи) здесь мы неизменно собирались под Новый год на традиционную биргеровскую елку. Празднество это – кроме обычного застолья и шуточной лотереи, где вам мог достаться какой-нибудь пустяковый блокнотик или дешевенькая зажигалка, а мог и бесценный рисунок, сделанный рукой самого хозяина, – непременно включало бал-маскарад. Все мы были тогда уже не очень молоды, и дурачиться в масках особой охоты ни у кого не было. Но азарт Биргера, его веселая энергия, его неиссякаемый напор постепенно заражал нас всех, и даже самые угрюмые и мрачные из нас в конце концов напяливали заранее изготовленные художником маски. И каждому предназначалась своя, уморительно-комичная, казалось, не имеющая ничего общего с оригиналом, но все же сохраняющая какие-то его черты, по которым сравнительно легко можно было его опознать. Лишь один человек из всей компании предстал однажды перед нами без маски. Это был Андрей Сахаров. Но он в ней и не нуждался, ибо для него Биргером был придуман специальный костюм, состоявший из белой простыни (тоги), в которую Андрей Дмитриевич элегантно закутывался, и из прикрывающего лысину лаврового венка. Остальное дополняла презрительно-высокомерная мина, которую Андрей Дмитриевич научился придавать своему лицу, что окончательно довершало его сходство с императором Нероном, как то и задумывалось художником и режиссером всего этого маскарадного действия.

Но вершиной, кульминацией всех празднеств был кукольный театр. Началось с того, что в один прекрасный день Биргер сделал несколько кукол, карикатурно изображающих его самого и нескольких его ближайших друзей. Постепенно труппа этого будущего кукольного театра увеличивалась. Довольно долгое время куклы безмолвствовали: нам просто демонстрировались их возможности при помощи какой-нибудь короткой пантомимы. Но вот настал торжественный день: юбилей художника. Биргеру, если не ошибаюсь, стукнуло тогда 60. И мы (группа ближайших друзей юбиляра) решили ознаменовать эту дату шуточным кукольным концертом. Каждой кукле была написана соответствующая роль: кому – юмористический монолог,

кому – куплеты, кому – романс... Концерт прошел с большим успехом. И вот тогда-то мы и подумали: а почему бы не сочинить для биргеровских кукол специальную пьесу и не разыграть на кукольной сцене настоящий спектакль?

На свою беду сочинить сценарий для будущего спектакля вызвался я. И с того дня это превратилось в мою постоянную обязанность. Помню, как-то накануне очередного новогоднего праздника приехал ко мне Биргер с замечательной нашей актрисой Аллой Демидовой. В самой категорической форме они потребовали:

– Через неделю, самое большее через десять дней, чтобы пьеса была готова! А то у нас совсем не останется времени на репетиции.

Я был занят тогда очень срочной и важной работой. Начал отнекиваться, стал подыскивать вместо себя другую кандидатуру. Но от Биргера не так-то просто было отвяжаться: он не желал слышать никаких возражений. А очаровательная Алла помогала ему, пуская в ход свое неотразимое обаяние. Короче говоря, я сдался. Но при этом все-таки не скрыл своего недовольства: «Вот, откладываю серьезное, важное дело. И ради чего? Ради ерунды! Ради пустой забавы!»

И тут Биргер сказал:

– Ах, друг мой! Откуда мы с тобой знаем, что в этой жизни важно, а что нет! Может быть, в конце концов окажется, что наш кукольный театр – это и есть самое важное и самое нужное из того, чем мы с тобою всю жизнь занимались!

Я вспомнил про Боккаччо, который всю жизнь писал какие-то скучные, ныне мало кому известные поэмы, а на досуге, забавляя друзей и приятелей, сочинил «Декамерон», принесший ему посмертную славу, вспомнил еще какие-то такие же курьезы из истории мировой литературы и невольно согласился с резонностью биргеровского замечания, подивившись его мудрости, скрывающейся под личиной беспечности и легкомыслия.

А потом, когда пьеса была уже сочинена, мы приступили к репетициям. И я, жалкий дилетант, участвовал в ее сценическом воплощении бок о бок с самыми прославленными артистами нашей страны – Аллой Демидовой, Игорем Квашой, Вениамином Смеховым. И поражался, как трепетно относились они к этой нашей шутилой затее. Как, когда все уже было готово и до сбора гостей оставались считанные минуты, требовали еще каких-то новых усовершенствований, прогонов и репетиций... Положа руку на сердце, могу сказать: это были самые счастливые, а может быть, – прав, прав оказался Биргер! – и самые наполненные духом истинного творчества минуты моей жизни.

***

Прошу прощения за это – неожиданно для меня получившееся таким длинным – отступление. Но для чего-то оно мне тут понадобилось. Может быть, чтобы восхититься тем, что только он, беспечный, легкомысленный Биргер – единственный из всех близких к Эренбургу людей – догадался записать рассказ Ильи Григорьевича об одной из самых темных и страшных страниц нашей истории. И сделал это скупой, ясно, с – казалось бы, совсем не свойственной его легкой и беспечной натуре – строгостью и точностью.

Читая в свое время его запись, я постеснялся его спросить, где он собирает ее хранить (интересоваться такими вещами у нас тогда было не принято). И совсем уж не пришло мне в голову сделать из этих его записок для себя какие-то выписки.

О том, чтобы приводить здесь эту его запись по памяти, разумеется, не могло быть и речи. А где она, куда подевалась, да и вообще сохранилась ли, – я не знал. Но оказалось, что этот биргеровский «мемуар» попал в хорошие руки. И как раз самые важные для нашей темы отрывки из него уже опубликованы. Опубликовал их мой коллега Б.Я. Фрезинский в специальной работе, одна из целей которой состояла в том, чтобы восстановить всю последовательность событий.

В ходе этого своего расследования он установил, что решение написать письмо Сталину возникло у Эренбурга во время ТРЕТЬЕЙ его встречи с «главноуговаривающими» – академиком Минцем и журналистом Марининым. В первый раз они приезжали к нему на дачу, и он просто не стал обсуждать с ними эту тему. В редакции «Правды» была, таким образом, уже вторая встреча (о ней – позже). А в этот – третий – раз они явились к нему домой.

Уговаривая Эренбурга подписать пресловутое письмо, Минц довольно прозрачно дал ему понять, что текст согласован со Сталиным. Но и этот аргумент не подействовал. «На сей раз, отказывая Минцу и Маринину в подписи, – пишет Фрезинский, – Эренбург заявил им, что напишет Сталину лично. С этими словами он удалился в кабинет, где в течение часа работал над текстом письма, оставив непрошенных гостей беседовать со своей женой».

И далее следует рассказ Ильи Григорьевича и Любови Михайловны, записанный Борисом Биргером.

Версий, а тем более слухов вокруг этого сюжета наворочено множество.

(К обсуждению некоторых из них я еще вернусь.) Но только вот эта запись рассказа Эренбурга, сделанная Биргером, – только она одна! – дает нам возможность с достаточной степенью достоверности представить себе, как все это было.

«И.Г. ушел в кабинет, а Минц начал запугивать Любовь Михайловну, весьма образно описывая, что с ними будет, если И.Г. не подпишет письмо. Любовь Михайловна рассказывала, что час, проведенный в обществе “этих двух иуд” (как она выразилась), был не только одним из самых страшных в ее жизни, но и самым омерзительным. Когда И.Г. вернулся с запечатанным письмом, достойная парочка снова было

приступила к уговорам, но И.Г. попросил передать его письмо Сталину и сказал, что больше беседовать на эту тему не собирается, и выпроводил их».

(Б.Я. Фрезинский. Власть и деятели советской культуры – проблема адекватного анализа. Исторические записки. М., 2002. № 5/123/. С. 312).

Передать эренбургское письмо Сталину Маринин и Минц, понятное дело, сами не могли: это было им не по чину. Они вручили его своему начальнику Д.Т. Шепилову. (Он был в то время главным редактором «Правды».) Но и Шепилов далеко не сразу решился передать письмо по адресу. Во всяком случае, прежде чем сделать это, он предпринял еще одну, личную попытку отговорить Эренбурга от его безумной затеи и с этой целью попросил его снова приехать в «Правду». Эренбург приехал. Снова был долгий, мучительный, изматывающий душу разговор. В записи Биргера он изложен (со слов Ильи Григорьевича) весьма кратко, можно сказать, конспективно. Но представление о сути и характере этого разговора биргеровский «мемуар» дает достаточно полное.

«Шепилов сказал, что письмо И.Г. к Сталину находится у него и что он его до сих пор не отправил дальше, так как очень хорошо относится к И.Г., а отправка письма с отказом от подписи коллективного письма в “Правду” равносильна приговору. Шепилов добавил, что не будет скрывать от И.Г., что письмо в “Правду” написано по инициативе Сталина и, как понял И.Г. из намеков Шепилова, Сталиным отредактировано, а возможно и сочинено. И.Г. ответил, что он настаивает на том, чтобы его письмо было передано Сталину, и только после личного ответа Сталина он вернется к обсуждению: подписывать или не подписывать письмо в “Правду”. Шепилов довольно ясно дал понять И.Г., что тот просто сошел с ума. Разговор продолжался около двух часов. Шепилов закончил его, сказав, что он сделал все, что мог для И.Г., и раз он так настаивает, то передаст письмо Сталину, а дальше пусть И.Г. пеняет на себя. И.Г. уехал от Шепилова в полной уверенности, что его в ближайшие дни арестуют...

Я спросил И.Г., что же он написал Сталину. И.Г. ответил мне, что он прекрасно понимал, что вслед за опубликованием письма избранных евреев с отказом от своего народа последуют массовые репрессии по отношению ко всем евреям, живущим в Советском Союзе, и поэтому, когда он писал свое письмо к Сталину, он старался прибегать только к тем доводам, которые могли бы оказать хоть какое-нибудь воздействие на Сталина. У И.Г. было слишком мало времени, чтобы как следует обдумать, так как в соседней комнате сидели эти два мерзавца и довели почти до обморочного состояния Любовь Михайловну. И.Г. пытался как можно убедительнее довести до сознания Сталина, что опубликование такого письма покончит с коммунистическими партиями Европы. Правда, добавил И.Г., он был уверен, что максимум – поредели бы ряды компартий Европы. Но других доводов, способных дойти до сознания Сталина, у него не было».

Из этого биргеровского пересказа содержания эренбургского письма Сталину ясно видно, что самого этого письма Борис не читал. Пожалуй, даже считал, что ни копия его, ни – тем более – оригинал уже никогда не оыщутся. (Потому и счел необходимым как можно точнее записать хотя бы вот это краткое его изложение.)

Похоже, что и Ирина, когда я расспрашивал ее о том, что было написано в том письме, тоже считала, что ничего сверх того, что мы знаем, нам уже никогда не узнать.

***

О том своем разговоре с Ириной я не то чтобы забыл, но больше не вспоминал: ну не знает – и не знает, что тут поделаешь. И вдруг однажды – прошло, наверное, лет шесть, а может быть, и восемь, она мне позвонила:

– Бен! Я нашла письмо Ильи Сталину.

Через пять минут я уже держал его в руках. Это был сложенный вчетверо ломкий листик тонкой – почти папиросной – французской бумаги (Илья Григорьевич пачками привозил ее из Парижа), с обеих сторон заполненный еле различимым машинописным текстом, испещренным карандашными поправками – немислимыми эренбургскими каракулями (почерк у него был чудовищный).

Большую часть эренбургских каракулей я разобрать так и не смог, а кроме того, трудность «расшифровки» усугублялась еще тем, что сквозь прозрачный листок проступали строки, напечатанные на оборотной его стороне, забывая текст первой страницы.

Тем не менее, бледные буквы портативной эренбургской машинки, хоть и с трудом, все же поддавались прочтению. Этот черновик сейчас лежит передо мною. И хотя листок папиросной бумаги стал за прошедшие годы еще более ветхим, а полустертые – особенно на сгибах – буквы еще менее различимыми, я все-таки заново разбираю и перепечатаваю его, чтобы как можно точнее восстановить в памяти все, что думал и чувствовал тогда, когда пытался прочесть его впервые.

«Дорогой Иосиф Виссарионович,

я решаюсь Вас побеспокоить только потому, что вопрос, который я не могу сам решить, представляется мне чрезвычайно важным.

Тов. Минц и тов. Маринин сегодня познакомили меня с текстом письма в редакцию “Правды” и предложили мне его подписать. Я считаю моим долгом поделиться с Вами моими сомнениями и попросить Вашего совета.

Мне кажется, что единственным радикальным решением (было “разрешением”, но приставка “раз” зачеркнута карандашом) еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная

ассимиляция (сверху, карандашом – “слияние”) людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут. Я боюсь, что выступление коллективное ряда деятелей советской русской культуры, объединенных только происхождением, может укрепить националистические тенденции. В тексте имеется определение “еврейский народ”, которое может ободрить тех советских граждан, которые еще не поняли, что еврейской нации нет, и тем самым облегчить националистическую пропаганду. (Конец фразы, начиная со слов “и тем самым”, зачеркнут.)

Особенно я озабочен влиянием такого “Письма в редакцию” с точки зрения расширения и укрепления движения за мир. (Перед словами “движения за мир” вставлено слово “мирового”.) Когда на различных комиссиях, пресс-конференциях ставился вопрос, почему в Советском Союзе больше нет школ на еврейском языке или газет, я неизменно отвечал, что после войны не осталось очагов бывшей “черты оседлости” и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование письма, подписанного учеными, писателями, композиторами (вставлено – “еврейского происхождения”), которые говорят о некоторой общности советских евреев (последние три слова зачеркнуты), может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую ведут теперь сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и т.д. нет понятия “еврей” как представитель национальности, там “еврей” понятие религиозной принадлежности и клеветники могут использовать “Письмо в редакцию” для своих низких целей.

Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток еврейского национализма (сверху, карандашом – “воскресить или насадить еврейский национализм”), который неизбежно приводит к измене. Мне казалось, что для этого необходимы, с одной стороны, разъяснительные статьи (в том числе людей еврейского происхождения), с другой стороны – разъяснение, исходящее от самой “Правды” и столь хорошо сформулированное в тексте “Письма”, – о том, что огромное большинство трудящихся еврейского происхождения глубоко преданы Советской Родине и русской культуре. Мне кажется, что такие статьи сильно помешали бы зарубежным клеветникам и дали бы хорошие доводы нашим друзьям, участникам движения за мир (последние четыре слова зачеркнуты и сверху карандашом написано – “во всем мире”).

Вы понимаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что я сам не могу решить эти вопросы и потому я осмелился написать Вам. Речь идет о важном политическом шаге (“шаге” зачеркнуто и сверху карандашом написано – “акте”), и я решаюсь Вас просить поручить кому-либо сообщить мне Ваше мнение о желательности моей подписи под таким документом. (Слова “Ваше мнение” зачеркнуты, и сверху, карандашом, вся фраза выправлена так: “... просить Вас поручить одному из руководящих товарищей сообщить мне – желательна ли опубликование такого документа и желательна ли под ним моя подпись”.)

Если руководящие товарищи передадут мне, что опубликование документа и моя подпись могут быть полезны для защиты Родины и для движения за мир, я, разумеется, тотчас подпишу “Письмо в редакцию”. (В этой фразе зачеркнуты слова “и моя подпись” и “разумеется”.)

С глубоким уважением
И. Эренбург».

Когда мне наконец удалось с грехом пополам расшифровать этот текст, я перепечатал его набело на своей машинке и дал прочитать жене.

Она презрительно фыркнула:
– Письмо лакея.

И хотя меня тоже коробил не только тон и стиль, но и самый смысл этого послания, я, как и в тот раз, когда мы с ней увидели на экране Эренбурга, произносившего свою речь на церемонии вручения ему премии, ответил ей:

– Ты ничего не понимаешь!

Смысл послания, весь набор приведенных Эренбургом доводов и аргументов и в самом деле выглядел какой-то дичью. Сперва у меня было такое ощущение, что, сочиняя это письмо, Илья Григорьевич вывалил и собрал в кучу все, что в тот момент пришло ему в голову, не слишком даже заботясь о том, чтобы одни аргументы хоть как-то состыковывались с другими.

Тут и французы, итальянцы, англичане, для которых слово «еврей» означает лишь религиозную принадлежность, и некоторые отсталые советские граждане, «которые еще не поняли, что еврейской нации нет» (это, как говорится, гвоздь от другой стенки), и «отвратительная пропаганда, которую ведут теперь сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины». (Особенно, помню, изумили меня тогда эти «бундовцы», существование которых представлялось мне ветхозаветной историей.)

И все это выражено словами и оборотами, о которых один мой приятель в тоне юмора говорил, что их «противно взять в рот»:

«Необходимо бороться против всяческих попыток еврейского национализма, который неизбежно приводит к измене...»

Но самым противным в этом письме был, конечно, его финал – эта заключающая его угодливая фраза, что, мол, если вы скажете, что я не прав и что это вредоносное «Письмо» надо подписать, то я, разумеется, тотчас же... и т.д.

Этот заключительный пассаж, видимо, и самому автору был особенно поперек души: недаром же слово «разумеется» он зачеркнул, хотя это уже мало что меняло.

Все эти тогдашние мои мысли и ощущения, казалось бы, должны были вынудить меня – если не вслух, то хотя бы в душе – согласиться с женой, с ее безапелляционным приговором.

Но, в отличие от нее, я ясно понимал, в каком – не только состоянии, но и положении – был тогда Эренбург, и какую цель он перед собой ставил.

***

Тут, наверно, имеет смысл вспомнить «антагониста» Ильи Григорьевича – Василия Семеновича Гроссмана (о том, что знаю об их непростых отношениях, я тоже еще расскажу).

В разговорах, когда ему случалось о нем упоминать, Илья Григорьевич называл Василия Семеновича максималистом. А в мемуарах вспоминает о нем так:

«О Ленине он говорил с благоговением. Большевики, вышедшие из подполья, для него были безупречными героями. Я был на пятнадцать лет старше его и некоторых людей, которыми он восхищался, встречал в эмиграции. Однажды я сказал: “Не понимаю, чем вы в товарищах восхищаетесь?” Василий Семенович сердито ответил: “Вы многого не понимаете...”»

В те времена, о которых он здесь вспоминает, «непонимающим» на самом деле был Гроссман, а не Эренбург. Но к февралю 1953-го Гроссман уже

далеко обогнал Эренбурга своим трезвым, беспощадным видением реальности.

И тем не менее Гроссман – при всем своем ясном понимании происходящего – все-таки подписал то постыдное письмо, под которым Эренбург – едва ли не единственный из всех, к кому тогда обратились, – так и не согласился поставить свою подпись.

Мучительный след этого поступка, тяготившего Василия Семеновича всю последующую его жизнь, остался в его романе «Жизнь и судьба». Там аналогичное письмо вынужден подписать один из главных его героев – Виктор Павлович Штрум.

Душевные терзания Штрума и все обстоятельства, связанные с этим его поступком, описаны с такой ужасающей конкретностью, что не возникает ни малейших сомнений: история эта автобиографична. Единственное отличие ситуации, описанной в романе, от той, что происходила с самим Гроссманом, состоит в том, что в романе она перенесена в другое, более раннее время. (Действие романа происходит во время войны, и ситуация, относящаяся к событиям 1953 года, естественно, описана в нем быть не могла.) Однако тема «врачей-убийц» там присутствует:

«Б-же мой, как было ужасно письмо, которое товарищи просили его подписать, каких ужасных вещей касалось оно.

Да не мог он поверить в то, что профессор Плетнев и доктор Левин убийцы великого писателя. Его мать, приезжая в Москву, бывала на приеме у Левина, Людмила Николаевна лечилась у него, он умный, тонкий, мягкий человек. Каким чудовищем надо быть, чтобы так страшно оклеветать двух врачей!

Средневековой тьмой дышали эти обвинения. Врачи-убийцы!.. Кому нужна эта кровавая клевета? Процессы ведьм, костры инквизиции, казни еретиков, дым, смрад, кипящая смола. Как связать все это с Левиным, со строительством социализма, с великой войной против фашизма?..

Он читал медленно. Буквы вдавливались в мозг, но не впитывались им, словно песок в яблоко.

Он прочел: “Беря под защиту вырожденков и извергов рода человеческого, Плетнева и Левина, запятнавших высокое звание врачей, вы льете воду на мельницу человеконенавистнической идеологии фашизма...”

Ковченко сказал:

– Мне говорили, что Иосиф Виссарионович знает об этом письме и одобряет инициативу наших ученых...

Тоска, отвращение, предчувствие своей покорности охватили его. Он ощущал ласковое дыхание великого государства, и у него не было силы броситься в ледяную тьму... Не было, не было сегодня в нем силы. Не страх сковывал его, совсем другое, томящее, покорное чувство...

Попробуй, отбрось всемогущую руку, которая гладит тебя по голове, похлопывает по плечу...

Отказаться подписать письмо? Значит, сочувствовать убийцам Горького! Нет, невозможно. Сомневаться в подлинности их признаний? Значит, заставили! А заставить честного и доброго интеллигентного человека признать себя наемным убийцей и тем заслужить смертную казнь и позорную память можно лишь пытками. Но ведь безумно высказать хоть малую тень такого подозрения.

Но тошно, тошно подписывать это подлое письмо. В голове возникали слова и ответы на них... “Товарищи, я болен, у меня спазм коронарных сосудов”. “Чепуха: бегство в болезнь, у вас отличный цвет лица...”

“Товарищи, скажу вам совершенно откровенно, мне некоторые формулировки кажутся не совсем удачными...”

“Пожалуйста, пожалуйста, Виктор Павлович, давайте ваши предложения, мы с удовольствием изменим кажущиеся вам неудачными формулировки...”

“Ну Б-же мой! Поймите, у меня есть совесть, мне больно, мне тяжело, да не обязан я, почему я должен подписывать, я так измучен, дайте мне право на свободную совесть”.

И тут же – бессилие, замагниченность, послушное чувство закормленной и забалованной скотины, страх перед новым разорением жизни, страх перед новым страхом...

“Товарищи, все это настолько серьезно, что я хотел бы подумать, разрешите отложить решение хотя бы до завтра”.

И тут он представил себе бессонную, мучительную ночь, колебания, нерешительность, внезапную решимость и страх перед решимостью, опять нерешительность, опять решение. Все это выматывает подобно злой, безжалостной малярии. И самому растянуть эту пытку на часы. Нет у него силы. Скорей, скорей, скорей.

Он вынул автоматическую ручку».

Эренбург, наверно, думал и чувствовал примерно то же. Но когда он прочел текст письма, которое должен был подписать, мозг его сразу заработал в другом направлении. (Тому есть документальное свидетельство, но об этом – позже.)

Гроссману даже в голову не могло взбрести, что он может обратиться с письмом к Сталину. Да и что он мог ему написать? Чтобы тот оставил его в покое? Дал ему право на свободную совесть?

Смешно!

Описывая терзания своего героя, Гроссман выпятил лишь одну сторону дела: чудовищную подлость, безнравственность того «компромисса», к которому его вынуждают. Штрума терзает, не дает ему покоя только одна мысль:

«Он совершил подлость! Он, человек, бросил камень в жалких, окровавленных, упавших в бессилии людей...»

Но в задуманной Сталиным акции, как я уже говорил, был еще и другой зловещий смысл.

Не знаю, как Гроссман, но Эренбург сразу понял, что опубликование на страницах «Правды» такого письма задумано, помимо всего прочего, как политическое и моральное оправдание другой, еще более грандиозной провокации, в результате которой со всеми «лицами еврейской национальности» будет поступлено так же, как раньше поступили с калмыками, крымскими татарами, чеченцами, балкарцами и другими народами, на которые Сталин, по слову Твардовского, «обрушил свой державный гнев». И не раздумывая, без колебаний, он предпринял отчаянную попытку остановить – ну, если не остановить, так хоть задержать исполнение этого сталинского приговора.

Весь смысл и вся стилистика эренбургского письма были подчинены только этой единственной цели. Он попытался объяснить Сталину на его, сталинском, языке, апеллируя к его, сталинской, логике, все издержки, все невыгоды, все неизбежные отрицательные последствия задуманного Сталиным плана. Меньше всего интересовало его в тот момент, как соотносятся стиль и логика этого его письма со стилем и логикой писателя Ильи Эренбурга.

Но неужели он всерьез надеялся, что ему удастся переубедить Сталина? Что, прочитав его письмо, Сталин откажется от своих замыслов?

Безумие, безумие!

Однако дальнейшее развитие событий показало, что эта – продиктованная отчаянием – безумная попытка повлиять на планы Сталина, в основе своей была не так уж безумна.

Вместе с нами были и студенты Московского университета. Жили мы в палатках, носили военную форму, каждый день уходили в лес на тактические занятия, на стрельбищах стреляли по мишеням и три раза в день строем шагали в столовую, обязательно с песнями.

В первые же дни замполит приказал создать редколлегию и немедленно начать выпуск стенгазеты. Кто-то вспомнил, что я этим занимаюсь в институте, и меня тут же назначили редактором. Быстро договорились, кто напишет заметки в первый номер, но когда стали обсуждать, каким должен быть уголок юмора, возник спор. Мне показалось, что писать фельетоны и рисовать карикатуры на своих ребят не стоит: зачем причинять им неприятности, тем более и сборы-то продлятся всего три недели.

– Давайте просто поместим в газете рисунки из журнала «Крокодил», все будут довольны, – предложил я.

Мне возразил студент МГУ Мильграм. Сказал, что моя позиция беспринципна, критики и самокритики нам опасаться нечего, иначе мы пойдем на поводу у лодырей и нарушителей дисциплины. Я вспыхнул.

– Ну и прекрасно, – сказал я, – тогда делайте газету без меня.

– Значит, ты отказываешься? – спросил Мильграм.

– Отказываюсь! – гордо сказал я.

– Ну что ж...

Мильграм тут же подошел к замполиту и, показав на меня, доложил:

– Он отказывается делать газету.

Замполит с интересом посмотрел на меня.

– Отчего же? – спросил он.

Надо было срочно придумать какое-нибудь веское объяснение, и я придумал:

– К сожалению, – сказал я, – я не знаю специфики армейской печати.

– Да? – спросил замполит. – А если Родина прикажет и вам дадут оружие, вы тоже скажете, что не знаете армейской специфики?

– Если меня призовут, – важно ответил я, – я, конечно, возьму оружие и пойду служить. Я говорю про специфику армейской печати.

Замполит просто ел меня глазами.

– А если Родина прикажет вам стать офицером? Там придется всем заниматься и стенгазетами тоже.

– Профессиональным военным я не собираюсь быть, – обстоятельно объяснил я. – Государство тратит деньги, чтобы я стал юристом.

Я был горд собой, мне казалось, что я нашел очень удачный ответ и прекрасно вышел из дурацкого положения. Но не тут-то было. Назавтра состоялось комсомольское собрание сборов. Замполит проинформировал собравшихся, что студент такой-то отказывается служить в советской армии. Выступил Мильграм, рассказал, как студенты возмутились отщепенцем, попытавшимся взять под защиту лодырей и нарушителей. Его поддержали еще несколько человек, главным образом, студенты МГУ, но к ним присоединился и кое-кто из наших. Выступавшие говорили, что я позорю честь института и высокое звание советского студента. Решено было передать мое персональное дело на рассмотрение комсомольской организации юридического института.

Сборы между тем продолжались. Я ходил вместе со всеми на тактические занятия, стрелял по мишеням и с маршевыми песнями шагал строем в столовую. Постепенно мне стало казаться, что тучи обошли стороной: нельзя же всерьез принимать вздорные обвинения этого дурака-замполита.

Но буря, оказывается, только приближалась.

Осенью, когда начались занятия, на доске объявлений появилось сообщение, что такого-то состоится открытое комсомольское собрание института. Шел пятидесятый год, разоблачение еврея с его антипатриотическими настроениями пришлось как нельзя кстати.

Дома был траур. Мама ходила вся в слезах и все время повторяла:

– Я знаю, тебя исключат из комсомола и из института.

Папа молчал.

На собрании на меня нашло какое-то оцепенение. Я знал, что сейчас рухнет вся моя жизнь, но по-настоящему в тот момент это еще до меня не доходило. Что-то говорили про меня выступавшие, разоблачали, клеймили, выводили на чистую воду, а я сидел весь заторможенный, не в состоянии ни на что реагировать. Только удивился, когда при голосовании за мое исключение трое воздержались, – по правилам полагалось единогласное решение.

Спустя несколько дней меня исключили и из института.

Я торчал дома, изнывая от безделья. Время от времени ко мне заходили однокурсники, те самые, кто голосовал на собрании за мое исключение. Я спрашивал себя: а как бы сам поступил на их месте? Если бы исключали кого-то другого и от меня потребовали поднять руку, разве бы я ее – не поднял?

Ребята долго у меня не засиживались, говорить нам, в сущности, было не о чем. Я понимал: так навещают безнадежно больного, которого утешать трудно, а не прийти нельзя.

Чтобы чем-то себя занять, я попытался было читать книги, но чтение не шло. Глаза скользили по тексту, а думал я в это время совсем о другом. Занялся кроссвордами. Решал их пачками с утра до вечера. С тех пор кроссворды видеть не могу, никогда не беру их в руки.

Из военкомата прислали повестку, и меня направили на медицинскую комиссию. Но тут-то выяснилось, что в армии я не могу служить из-за зрения. Постановили: «Годеи к нестроевой в военное время». А в мирное – вообще ни на что не годен. Получалось: меня исключили за отказ служить в армии, а я не смог бы стать в строй даже при всем желании. Нелепость?

Я подал апелляцию в горком комсомола. Не знаю, восстановили бы меня, несмотря на весь абсурд ситуации. Логика тогда мало что значила. Однако помог случай.

В школе до девятого класса я учился с прекрасным, добрейшим парнем Женей Гнатовским. Потом он перескочил класс, сдал за десятый экстерном и на год раньше меня поступил в технический вуз. Женя был замечательным товарищем. В день, когда ему предстояло сдать очередной институтский экзамен в весеннюю сессию, у меня как раз должен был быть экзамен по химии на аттестат зрелости. Но химию я не знал совершенно. Женя сказал, выход есть один: он наплюет на свой экзамен в институте, потом пересдаст, и за сутки расскажет мне всю химию, неорганическую и органическую. На один день я запомню. Так и сделали. Рассказывал он мне все двадцать четыре часа подряд. Поливали головы холодной водой и шли дальше. Назавтра я химию сдал. Получил, правда, только четверку. Нужно было налить в пробирку какой-то реактив, он отчего-то не лился, члены комиссии с любопытством наблюдали за моими манипуляциями, пока кто-то из них не заметил, что жидкость из сосуда никогда не выльется, если не открыть пробку.

О грозящем мне исключении из комсомола Женя сразу же рассказал своему отцу, Семену Осиповичу, члену партии с дореволюционным стажем.

– Ты уверен, что Саша рассказывает тебе правду? – спросил он. – Хорошо, я приду на их собрание.

Присутствие незнакомого старого большевика, надо сказать, несколько озадачило институтских комсомольских вожakov: во всяком случае, они настойчиво допытывались у меня, кого я привел. Но на решении это не отразилось. Комсомольский билет в райком у меня отобрали.

Однако перед подачей апелляции к секретарю горкома Давыдову приехал Семен Осипович. Он Давыдова знал. В свое время преподавал ему курс в институте цветных металлов и золота. И в результате в комсомоле меня восстановили. Дали всего-навсего «строгача» – за «политическую незрелость». А затем восстановили и в институте.

Много позже я узнал, что еще на армейских сборах материалы обо мне были переданы военному следователю, но он, рассмотрев их, отказался возбудить уголовное дело. Человек, имени которого я не знаю, сохранил мне жизнь.

Отец мой любил повторять замечательную еврейскую молитву: «Г-споди Б-же, пугай меня сколько хочешь, но только не наказывай».

А вот судьба самого секретаря горкома Давыдова сложилась неблагоприятно. Через несколько лет, уже при Хрущеве, будучи на партийной работе, он слетел с должности за то, что восстановил в партии кого-то из членов «антипартийной группы».

«À èàè ì îñà yò ìã ÿ áóóó æè òù?»

Юра Бразильский поступил на первый курс Московского юридического института в сентябре 1948 года, на год позже меня. А подружилась мы с ним еще во время войны, в омском доме пионеров: он тоже жил там в эвакуации. Я посещал драмкружок, а он – шахматный. В драмкружке ставили небольшие одноактные пьесы и к октябрьским праздникам готовили торжественную программу. В день 7 ноября мы должны были прочесть со сцены областного театра стихи, написанные каким-то известным московским поэтом, тоже эвакуированным в Омск.

**À äáí ü äáíäüèí ú 25-é,
Èíäüà á äáóó èèí èò äíéí à
È é Áíéää äááóíÿ äääí ðíééÿòúé,
Í àè äáí ìò äüñéóáé, ñò äáí à
Óääá äáñéàæáí ì ú ì æéçí é
Àáñéí é ì ñéí é äáó äí ðü...**

Но еще в начале лета 1942 года нас с мамой постигла огромная беда. Когда началась война, отца перевели в Сталинград директором цементного завода, выпускавшего какие-то особые бомбы, поражающие живую силу противника. Письма от него приходили более или менее регулярно, и вдруг он замолчал. Мама послала телеграмму по адресу, который он нам оставил, и получила официальный ответ: «Ваш муж арестован органами НКВД».

Как? Почему? За что? – спрашивать было бесполезно. Все ночи напролет мама рыдала, это был конец, конец всем – и отцу, и нам с ней. Мы жили в Сибири у чужих людей в холодной маленькой комнатухе, где не было даже своей печки, обогревалась она теплом, еле поступающим из кухни. Думали, мечтали: вот кончится война, и мы вернемся домой. А что теперь? Гибель?

Мама строго приказала мне о сообщении из Сталинграда никому не рассказывать – ни единой живой душе. Когда узнают – тогда и узнают. А пока мы как все. И я молчал. Но одному человеку я все-таки открылся – Юре Бразильскому. Я должен был посоветоваться с ним, имею ли я теперь право выступать со

сцены областного театра в день 25-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции? Или, может, лучше притвориться, будто я заболел?

Юра сказал, что я обязательно должен выступить. Во-первых, как известно, сын за отца не отвечает. А во-вторых, ответ из Сталинграда ни о чем еще не говорит: может, отец мой послан на какую-нибудь очень секретную работу, о которой нельзя никому рассказывать. Бывает же такое? И я охотно согласился: да, конечно, бывает.

Но осенью, почти перед самыми праздниками, мы получили от отца телеграмму из Чкалова, куда, оказывается, эвакуировали завод: «Выздоровел, письмом подробно».

Лишь много позже мы с мамой узнали, как все было. Арестовали его по доносу одного из сослуживцев: отец неосторожно сказал ему, что у трофейных немецких машин, которые он видел во время командировки в Москву, замечательная резина, гораздо лучше нашей. Особое совещание сочло это пораженческой пропагандой в военное время, отца уже посадили в камеру смертников. Но тут на его счастье по каким-то своим делам в Сталинград приехал один из членов Государственного Комитета Обороны, который по работе хорошо знал отца. Выяснив ситуацию, он немедленно отправился к секретарю обкома (хотя отец был беспартийным). Какой уж у них в обкоме произошел разговор, неизвестно. Но отца срочно вызвали к следователю, напоили крепким чаем, побрились, повязали чей-то галстук и отвезли в обком.

Но тогда в телеграмме было только одно великолепное, спасительное, прекрасное слово: «выздоровел».

Я тут же побежал к Юре Бразильскому. На всю жизнь запомнил я его сияющие глаза и победный крик:

– А что я тебе говорил!

И вот через шесть лет мы снова совершенно неожиданно встретились в стенах Московского юридического института.

Когда разразилось мое персональное дело, Юру вызвали в партком. И там растолковали: как комсомолец и мой друг он обязан на собрании выступить и потребовать моего исключения из комсомола. Этим он докажет свою высокую политическую зрелость. А иначе, если увильнет и не придет на собрание, при будущем распределении его гнилая примиренческая позиция несомненно сослужит ему дурную службу.

От этого распределения зависела судьба всей его семьи: отец был тяжело болен раком, мать выбивалась из сил, чтобы хоть что-то заработать. Уезжать из Москвы Юре нельзя было никак.

– Ты не можешь рисковать, – сказал я. – Все равно твое выступление на собрании ничего уже не изменит. Скажи все, что они от тебя требуют, и пускай подавятся.

– А как после этого я буду жить? – спросил он.

После института Юру оставили без распределения. Но юридическая профессия его не слишком и манила. Всю жизнь любовью его оставались шахматы. Только за победы на шахматной доске он не очень и боролся. То ли знал свой потолок, то ли тщеславия не хватало. Устроился в шахматный журнал и, кажется, был этим вполне доволен.

Очень часто приезжал ко мне в подмосковное Кратово, где на даче мы проводили каждое лето. По соседству жила его однокурсница Нели Микш, чешка по отцу, в которую он был тихо влюблен. Его чувства ей явно льстили, она с удовольствием встречала его, мило с ним кокетничала, но дальше этого дело не шло. Он был хорош собой, любил, насколько позволяли средства, красиво, даже франтовато одеваться, но решительности, напористости, уверенности в себе ему всегда не хватало. Его губила природная сдержанность и деликатность. Однажды кто-то сказал о нем: «Он до того порядочный, что даже немножко ограниченный». Сказал не осуждая, а скорее – сочувствуя: мол, слишком уж закрепощен, надо бы ему хоть немножко раскрепоститься. Но о степени своей порядочности Юра, наверное, никогда не задумывался. Да и имеет ли она степени? Академик Леонтович заметил однажды: «Очень подлым человек может быть, но очень порядочным – нет. Он или порядочный, или непорядочный».

В конце концов Юра женился, был редким мужем, безропотно занимался домашним хозяйством. О юношеской влюбленности в Нели Микш вспоминал с улыбкой и легкой грустью. Она вышла замуж, переехала в Ленинград и работала диктором на ленинградском телевидении. О Юре она вряд ли часто вспоминала.

Но когда через много лет, приехав в Ленинград, я нашел ее телефон и позвонил сказать, что Юра Бразильский умер, в трубке я услышал горькие рыдания.

Я держал трубку, слушал, как рыдает красавица Нели Микш, и очень жалел, что рыданий этих не услышит Юра Бразильский.

Ôäëäôîííüé çâííê

В год, когда Юра умер, я уже работал в «Литературной газете». Помню, мы – Евгений Богат, Аркадий Ваксберг, я – собрались в нашей 433-й комнате в здании «Литгазетъ» на Цветном бульваре. Обсуждалось что-то крайне важное и интересное, мы были с головой поглощены очередной увлекательной газетной идеей. Все, что как-то отвлекало – кто-то заглянул в комнату, раздался телефонный звонок, – нас невероятно раздражало.

Зазвонил телефон. Я поднял трубку. Звонил Юра Бразильский.

– Юрочка, – сказал я, – прости ради Б-га, если у тебя ничего срочного, позвони через полчаса. Мы в дикой запарке.

– Да, да, – сказал он. – Конечно, извини...

Он не позвонил, а я тоже забыл ему перезвонить. Это была пятница, из редакции я поехал на дачу. Там кто-то мне сказал, что Юру сегодня положили в больницу.

Я подумал: как нехорошо. Видимо, он звонил сообщить мне. Решил, что в понедельник непременно его навещу. А в понедельник узнал, что в ночь с субботы на воскресенье Юра умер. Ночью он вышел из палаты в уборную, но не дошел. Ему, наверное, стало плохо, и он сел на стул в коридоре. Здесь его утром и нашли – мертвого.

Я не знаю, что он хотел сказать, позвонив мне в тот день. Может быть, просто объяснить, что в больницу его берут в пятницу, потому что в конце недели освобождаются места. Пошутить – в трудные минуты он всегда старался гордо шутить. Попросить не рваться к нему, он не собирается долго залеживаться в больнице. А я его не дослушал. Очередная статья в газете казалась мне в тот момент важнее всего на свете.

Уже потом, когда он умер, я подумал, что Юра в последнее время стал звонить мне реже, чем прежде. Наверное, сами того не замечая, работая в «Литературной газете», игравшей тогда особую роль в нашем обществе, мы, «литгазетчики», ощущали свою некоторую избранность. Свою силу, если угодно. Другим нельзя, а нам можно. Пусть говорим не всю правду, пусть полуправду, но в тогдашней атмосфере глухоты и недомолвок и она звучала на всю страну.

Юра без сомнения ощущал эту мою высокую самооценку. Не спорил, не возражал, – он вообще был на редкость терпимым человеком. Но она была ему чужда. Ему вообще была чужда всякая исключительность в людях. Он просто тихо, молча ее сторонился.

А тут вдруг взял и позвонил. Значит, ему было очень нужно в тот день мне позвонить. А я не откликнулся. Не по злой воле. Не от равнодушия. Важные дела вершились. Товарищ подождет.

Не дождал. Ушел.

Сколько лет прошло, но до сих пор болит сердце.

101-é èèèì àòò

Московский юридический институт я закончил в 1951 году. Лето, как я уже сказал, мы с родителями проводили на даче в Кратове, по Казанской дороге. Вторую половину дачи занимала семья Веры Горностаевой, ставшей в будущем известной пианисткой. Жили весело. До одури катались на велосипедах. Уезжали подальше, на Егорьевское шоссе, покупали у крестьян парное молоко и, завалившись на скирдах соломы, всласть тянули его из маленьких бутылок. По вечерам ставили пьесу собственного сочинения «Приподнятая целина». Там был танец маленьких блох, они плясали и пели: «Нам не страшен ДДТ, ДДТ...»

Как-то поздно вечером, родители уже легли, двери были заперты, я услышал внизу стук, и рядом залаяла соседская собака. Я спустился.

– Кто тут?

– Открой.

На пороге стоял мой сокурсник Игорь Крацер. Несмотря на конец лета на нем почему-то было теплое пальто.

– К тебе можно?

Я увидел сразу: он сам не свой. Мы прошли на террасу. Он налил из чайника стакан воды и жадно, залпом выпил.

– Твой здесь, на даче? – тихо спросил он.

– Да, уже легли.

Из-за стенки взволнованно спросила мама:

– Кто пришел?

– Спи, – сказал я. – Это Игорь Крацер.

– Что-нибудь случилось?

Я вопросительно посмотрел на Игоря. Он молчал.

– Ничего не случилось, – сказал я. – Спи, мама. Игорь опоздал на электричку.

– Постели ему на террасе, – сказала мама.

– Хорошо, – ответил я.

Игорь сидел, не снимая пальто, опустив руки и глядя в пол.

Я ждал.

– Вчера арестовали отца, – сказал он. – Наверное, по делу врачей. По-моему, слежки за мной не было, ты не волнуйся.

– А я и не волнуюсь, – сказал я.

И тут же подумал о своих родителях. Месяца за три до этого у нас дома, в Москве, произошел случай, после которого мать целую неделю болела. Ее брат, мой дядя, после десятилетней отсидки получил так называемый «101-й километр»: жить ему разрешалось не ближе чем за 101 километр от Москвы и, разумеется, никаких приездов в столицу. Он выбрал Тулу, работал там в газете художником. Звали его Яном Левенштейном, но подписывался он: «рисунки Яноша». В смысле: «Ша! Тихо, молчите!»

Однажды он все-таки рискнул приехать к нам в Москву. Очень соскучился, да и надо было подкупить каких-то красок.

Ночью, часа в три, раздался настойчивый звонок в дверь. Мы замерли. Ян побелел, я никогда прежде не видел, чтобы человек был таким белым. Через минуту звонок повторился. Длинный, требовательный. Отец в пижаме вышел в переднюю, спросил:

– Кто?

Из-за двери ответили:

– Откройте, милиция!

Делать нечего, отец открыл. Вошли двое. Один из них, оглядевшись, спросил:

– Кто проживает в этой квартире?

– Мы с женой и наш сын, – ответил отец.

– И все?

– Еще живет соседка, но сейчас она на даче.

– Ключ от ее комнаты у вас есть?

– Лежит здесь под ковриком.

– Откройте!

Отец поднял ключ, открыл дверь и вместе с милиционерами вошел в комнату соседки. И с великим изумлением увидел, как, сидя на корточках, незнакомый оборванец жадно уплетает из банки варенье.

Оказалось, что постовой милиционер случайно заметил, как какой-то человек залез в окно, выходящее на крышу соседнего дома. Это и было окно нашей соседки. Увидев милиционеров, оборванец продолжал жадно доедать из банки варенье, – видимо, он был зверски голоден. Его увели. К нам милиционеры так и не заглянули. Господи Б-же, пугай сколько хочешь...

Когда отец вернулся в нашу комнату, с Яном случилась истерика. Больше в Москву он не приезжал. Через месяц он умер в Туле.

Игорь Крацер сидел, не произнося ни слова.

– Мать тоже забрали? – спросил я.

– В ту же ночь ее положили в больницу с инфарктом, – ответил он.

– Знаешь что, – сказал я, – моим родителям ты ничего не говори. Скажем, что я пригласил тебя пожить у нас на даче.

– А что дальше? – спросил он. – Меня могут искать.

– Не обязательно, – сказала я. – К делу врачей ты отношения не имеешь.

– Тут нет логики, – возразил он. – Лучше всего мне уехать из Москвы.

– Куда?

– Куда-нибудь... Можно, я лягу, я очень устал...

Я ему постелил. Утром, когда я встал, Крацера на даче уже не было. Никакой записки он не оставил. Позже я узнал, что он завербовался в какую-то геологическую партию.

Î àò àðéí ñáÿ éí ò óéöéÿ

Сегодня трудно представить наше тогдашнее душевное состояние. Мы прекрасно понимали, в какой обстановке живем, ощущали гадливость, раскрывая каждый раз свежую газету и слушая ежедневную восторженную ложь радиодикторов, испытывали непреходящий страх за себя и своих близких. Но все-таки в полной мере не воспринимали весь бред нашего тогдашнего существования. Спустя много лет, уже в шестидесятых, ко мне приехал из Праги мой приятель, журналист Олджих Ендрулек. Я водил его по Москве, он изумленно осматривал все кругом и то и дело повторял:

– Саша, это – ненормально! Но – естественно.

Вот с таким чувством мы тогда, в пятидесятых, и существовали. Да, жуть, дьявольщина, весь мир нас чурается, но что делать, для нас здесь естественно. Мы тут родились. Мы тут живем. Другой жизни, другой молодости, других радостей, других увлечений, даже веселья другого у нас уже никогда не будет. Значит, остается вот так жить и вот так предаваться земным радостям. А что? Ничего. Свыклись ведь. Живем.

Как-то на первомайский праздник меня пригласили мои друзья, одна супружеская пара. Ее отец был очень крупным ученым, насколько я знал, связанным с атомной бомбой. В их квартире, кроме членов семьи, постоянно проживал охранник, звали его Иваном Ивановичем. Когда раздавался звонок и в прихожей появлялся кто-то из гостей, Иван Иванович выходил из своей комнаты, молча оглядывал пришедших и, вежливо поздоровавшись, удалялся.

Отправляясь в тот день к друзьям, я уже купил бутылку вина и сговорился о встрече с девушкой, за которой в ту пору волочился. Но тут вмешалась моя мама. Она никогда особенно не интересовалась, с кем я общаюсь. Однако на этот раз на нее что-то нашло. Со слезами на глазах она повторяла:

– Не ходи к ним сегодня, я тебя прошу, умоляю. Ради меня, ради нас с отцом, не ходи.

– Да почему?! – слова ее мне показались полнейшей дикостью и нелепицей. – Почему не ходить? Я же дружу с ними, у них бываю.

– А сегодня не ходи. Тебя посадят.

– Да за что?! – я расхохотался.

– Не знаю. Ты еврей, а там охрана. Военные секреты. В чем-нибудь обвинят. Я тебя умоляю. Хочешь, встану на колени?

– Ты сама не понимаешь, что говоришь, – возмутился я. – Какое-то сумасшествие! Нельзя же потакать своим психозам.

Но тут вмешался отец.

– Тебя мать просит, – сказал он. – Права она или неправа, – но просит мать. Этого мало?

К друзьям я в тот вечер не пошел. Позвонил им, что-то наврал, наплел с три короба своей девушке, где-то распил с ней купленную бутылку вина. И был безумно раздражен собственной матерью.

– Имей в виду, – предупредил я, – в следующий раз потакать твоим нелепыми фантазиям я не стану. Даже не проси.

А через несколько дней я узнал, что двух человек, посетивших в тот первомайский вечер квартиру ученого-атомщика, действительно арестовали.

Что это – материнская интуиция?

Ne'ûmâ àûèà èî ì í á àîáà

Не знаю, существует ли на самом деле та еврейская молитва, которую часто повторял мой отец. Он был человек не слишком религиозный, Талмуд не читал, возможно, кто-то когда-то ему сказал о той молитве, он проникся и запомнил. Но в его и моей судьбе счастливо оправдывалась она не раз.

Мы жили в страшное время. Скольких людей оно в пыль растоптало кованым сапогом. А меня, моих близких оно, выходит, только пугало? Пугало тогда, когда отец мог не выйти из камеры смертников там, в военном Сталинграде. И когда меня ожидали тюремные нары после армейских сборов или, уж в лучшем случае, – волчий билет. И когда милиция гналась за голодным жуликом, а не за моим дядей – «врагом народа». И когда – чудом! – я прислушался к материнской интуиции, казавшейся мне полным вздором.

Конечно, жизнь моя еще не закончена, что уготовано человеку, знать ему не дано. А потому могу говорить только о прошлом, благодарить судьбу за то, что была ко мне добра. И снова и снова повторять: «Г-споди Б-же, пугай меня, сколько хочешь...»

КОГОТОК УВЯЗ

Ἐὰν εἶ Ἐβραῖον

Глубокоуважаемый господин главный редактор!

В № 5 журнала «Лехаим» за 2003 год Вы опубликовали письмо Н. Коржавина, в котором он просил Вас оградить его от злобной клеветы, которая якобы была допущена мною по отношению к автору письма. В связи с тем, что письмо это менее всего касается моего личного отношения к творчеству означенного автора, но связано с утверждениями об отсутствии у него текстов, которые я имел в виду в своей рецензии на второй том трактата А. Солженицына о русско-еврейских отношениях (я назвал ее «После двух томов “вместе”»), прошу Вас опубликовать мой ответ Н. Коржавину. Автор письма в редакцию «Лехаима» настаивает на том, чтобы я опирался на его тексты; охотно это делаю.

Вот мои слова, возмущившие Н. Коржавина: «Солженицын ... настойчиво повторяет высказывания самых разных евреев, по большей части крещеных, о вине евреев перед неевреями. В списке последних мы находим, например, имя Н. Коржавина, которому приходила в голову идея считать евреев, погибших в Бабьем Яру от рук немецких и украинских убийц, платой за участие евреев в коллективизации. И не смутило Н. Мандела, что погибшие в Яру – жертвы тех же самых процессов». К протестам Коржавина мы еще вернемся. Они сами по себе документ замечательный. Однако прежде всего приведем тексты, существование которых отвергается автором письма.

И начнем мы не с Бабьего Яра, а с коллективизации. Н. Коржавин в своем письме любезно указал нам номера журнала «Новый мир», где его мемуары и опубликованы; правда, не потрудился указать соответствующие страницы. И это не случайно. Почему – станет ясно, как только, следуя воле Коржавина, мы обратимся к его текстам. В № 7 за 1992 год на 176-й странице читаем: «... В подворотне прямо на бульжниках лежала, скрючившись, опухшая и ко всему безучастная женщина неопределенного возраста, в грязных лохмотьях. (...) Кто-то в толпе сказал, что она, видимо, еврейка и по-русски не понимает (в те времена далеко не все евреи говорили по-русски). Отец перешел на идиш. Она открыла глаза, но тут же в бессилье закрыла их опять».

К этому месту автор дает примечание, в котором его «идеология» начинает проступать с неожиданной ясностью: «Из того, что женщина, умершая от голода в нашей подворотне, оказалась еврейкой, не следует, что удар Сталина по Украине был в существенной части направлен и против евреев». Это лукавое «и», выделенное нами, может поразить само по себе, но мысль автора еще далеко не закончена: «Конечно, резкое снижение уровня жизни касалось всех, в том числе и евреев. Но своим острием этот удар был направлен против украинского крестьянства и ставил целью обескровить его. Подавляющее число людей, умиравших от голода на улицах Киева, были украинские крестьяне».

Исторические оценки и концепции автора примитивны, но верны. Нас же сейчас интересуют не жертвы жуткого Голодомора. О них написано и пишется. И дай Б-г тем, кто делает это честно, вспомнить и зафиксировать все, что возможно. Нас сейчас интересует лично Коржавин и его позиция по отношению к евреям в те жуткие годы. А позиция такова: «Евреев он (голод. – Л.К.) задевал только случайно, рикошетом». Пусть так, однако верится с трудом. Ведь в следующей фразе читаем у того же сочинителя: «Хотя голод накрыл и еврейские местечки, в принципе у евреев было больше возможностей увернуться от этого удара». У тонкого стилиста противительность – и та играет существенную роль. Только не заметил Коржавин, что, напиши он эту фразу до предыдущей, она стала бы вообще невозможной и бессмысленной. Но перед нами не сбой логики, а позиция: «Исторически и в силу своего положения им (евреям. – Л.К.) было проще (но совсем не просто) (так! – Л.К.) срываться с места в поисках спасения, чем украинскому крестьянину, привыкшему кормиться от земли (знаменитая подмосковная Малаховка, по-видимому, населилась евреями именно в это время)».

Казалось бы, достаточно. Но Коржавину не удается, и он вновь возвращается к национальности погибшей женщины на следующей странице.

«То, что женщина, умершая в нашей подворотне, оказалась еврейкой, – чистая случайность, может быть, даже исключение». (Там же, с. 177). Это настойчивое вытеснение, похоже, истинного переживания пока лишь удивляет. Добавим сюда и рассуждения на с. 193 о том, что во дворе дома, где жил Коржавин, оказалось достаточное количество «крестьян, которые вышли в города» и которые создавали, по мнению мемуариста, «малопривлекательную картину». И тут без евреев не обошлось, ибо свою неприязнь к жертвам Голодомора мемуарист выразил так: «Помню слова одного из друзей моего детства: “Самая худшая часть населения – это крестьяне, вышедшие в города”. Думаю, что какой-нибудь московский или питерский интеллигент (отнюдь не антисемит) в начале двадцатых мог так выразиться и о евреях. И, действительно, в обоих случаях в устоявшийся быт хлынула орда, не знающая ни местных норм общежития, ни обычаев. Почему она хлынула, как-то и не думается, а раздражать раздражает».

Забавно, что Коржавин не догадывается ни о миллионах евреев, насильно выселенных из родных мест «за шпионаж» в пользу Германии в начале 1915 года, ни о жертвах красных, белых, зеленых и серо-буромалиновых еврейских погромов гражданской войны и т.д. Его все лишь «раздражает». Пусть. Однако этот абзац прямо противоречит предыдущему.

Впрочем, разбираться в вязком и путаном тексте Коржавина мы будем чуть позже. Пока же приведем пример, так сказать, авторской иронии уже по поводу Бабьего Яра и предоставим читателю в

преддверии главных событий оценить уместность этого стилистического приема: «Став “ремесленником”, он опять оказался среди сверстников. Дела его пошли на лад. Но пришли немцы, и он вместе со своей матерью был расстрелян в Бабьем Яру – в качестве, надо полагать, потенциального участника всемирного еврейского заговора и отчасти претендента на мировое господство. История, особенно в XX веке, занимается отнюдь не только теми, кто занимается ею».

Понять это иначе чем так, что «ремесленник» стал жертвой Бабьего Яра за тех, кто, в отличие от него, не занимавшегося всемирным заговором, претендовал на мировое господство, невозможно. Но будем снисходительны и отнесем это лишь к стилистической неряшливости Коржавина.

Теперь, познакомившись с автором по первой части его «Соблазнов кровавой эпохи», переходим к конкретному предмету спора: был или не был создан Наумом Коржавиным тот текст, о котором я говорил в статье о Солженицыне в придаточном предложении без кавычек. Иначе говоря, что позволило мне сформулировать позицию Коржавина так, а не иначе? Вот этот текст уже из №8 «Нового мира» за 1992 год, касающийся некоего Якова Гальперина, скрывавшегося во время оккупации Киева немцами у украинских националистов и писавшего для их коллаборационистской газеты. Читаем Коржавина: «Известно, что Яша познакомился с редактором украинской газеты Штепой, довоенным ректором Киевского университета, по специальности ученым-марксистом. Известно, что он говорил о Яше: “Гальперин – умный человек. Он хоть и сам еврей, понимает историческую необходимость уничтожения еврейского народа”. Какие основания дал Яша для этого глубокомысленного утверждения? Поддакнул ли к месту (! – Л.К.), понимая, что потерять расположение этого человека – значит потерять жизнь? Или просто был деморализован всем, что открылось, не смог противостоять пропагандистскому напору? Это навсегда останется тайной».

Невдомек Коржавину, что еврей-антисемит, скрывающийся у украинских фашистов и печатающийся в их фашистских газетах, сам был пропагандистским рупором, для того и скрывали его еврейское происхождение под славянским псевдонимом Яків Галич. Это уже не просто коллаборационизм – это коллаборационизм в квадрате. Читаем реконструкции Коржавина, который не был в то время в оккупированном Киеве, дальше: «По-видимому, эти слова были сказаны после Бабьего Яра и отражают стремление Штепы и близких к нему людей приспособиться к психологии и действиям “дорогого союзника” в борьбе за независимость Украины».

Умри, лучше не скажешь! Впрочем, это только так кажется. Мысль Коржавина развивается по нарастающей: «До Бабьего Яра тотального уничтожения еще никто не представлял. Могли доходить сведения о расправах в отдельных городах и местечках, но их можно было по старой памяти отнести к эксцессам. Они еще могли не ставить перед идеологами (идеологами чего: фашизма, нацизма, украинского национализма? – Л.К.) вопроса о принятии или непринятии “окончательного решения”. Теперь он встал перед ними».

Догадаться, что даже перед относительно вменяемыми людьми вопрос об «окончательном решении» и его принятии никогда не ставится вообще, еврею, адвокату украинских фашистов-самостийников, не под силу. Под силу же ему искать все новые аргументы для оправдания того же Штепы. Причем, подчеркнем это еще раз, перед нами не мемуары. Штепы киевского периода Коржавин не знал. Этот кусок весь относится к области его собственного мировоззрения и идеологии. За коржавинскую реконструкцию штепы ответственности не несут. А вот Коржавин почему-то отказывается сегодня нести за нее ответственность. Однако идем дальше.

«Я не был знаком с г-ном Штепой ни в Киеве, ни за границей. Помню, что киевских интеллигентов удивляла происшедшая с ним метаморфоза. От него, видимо, этого не ждали. Не ждали не только этих страшных слов, а просто сотрудничества с нацистами».

Обратим внимание: фраза самого Гальперина, вложенная в его уста Штепой, Коржавина не удивила. Знает, наверное, с кем имеет дело. А вот для Штепы находит все то же самое оправдание: «Но в слова эти стоит вдуматься, за ними встает нечто иное, чем видится. Прежде всего, я не согласен (с кем, позвольте узнать? – Л.К.), что эти слова – инерция одной только привычной фразеологии экс-преподавателя марксизма». Похоже, Коржавин всерьез полагает, что понятие «историческая необходимость» исключительно марксистское... Он также верит, что бывает такая «инерция»... После этого не удивит уже и следующее высказывание (а цитируем мы все подряд!): «Я вообще не убежден, что Штепа был таким ненавистником еврейского народа. Яшу он, во всяком случае, покрывал. Почему? Иногда антисемиты делают исключение для своих старых друзей, действуют старые сантименты. Но никаких общих сантиментальных воспоминаний у этих двоих не было, до войны они были вряд ли знакомы. Тогда почему он это делал? Ценил Яшин ум? Но для расиста это не довод – тем хуже. Если умный».

Вновь придется остановиться и перевести дух. Раз Штепа не был ненавистником евреев, то при чем здесь расизм?

Мысль Коржавина все еще не окончена, и я вынужден, чтобы избежать его очередных отказов от самого себя образца 1992 года, продолжить: «Следует помнить, что, несмотря на эти свои слова, Бабий Яр устраивал не Штепа, что по этому поводу с ним не советовались, он так же был поставлен перед фактом, как и все человечество (да и факт этот, сколько удавалось, отрицался)».

Неужели Коржавин не знает, что история редко с кем-либо советуется? Что именно поэтому, собственно, и существует проблема нравственного выбора? Выбора, который Штепа сделал (как пишет сам Коржавин) уже после Бабьего Яра, факт которого от Штепы никто не скрывал. Наоборот, развешивали

объявления с обращениями соответствующего содержания на стенах киевских домов. Их Коржавин, наверное, не видел. Его же не было тогда в Киеве...

Итак, от несчастного «не ненавистника евреев» Штепы «... требовалось только (! – Л.К.) одобрение и оправдание чудовищной акции властей. Что он мастерски и проделывал, ибо дело это для него было профессиональное и не новое. К той добродетели “понимания исторической необходимости”, которую он видел и ценил (! – Л.К.) в Яше, он приобщился задолго до сорок первого года. Еще в 1933 году. Я не знаю, что он тогда делал, но ясно одно – что историческую необходимость геноцида украинских крестьян он осознал и обосновал тогда (или чуть позже, но сделал это, раз сделал карьеру) не менее глубоко, чем теперь историческую необходимость уничтожения еврейского народа. Первая “необходимость” ничуть не моральней второй. Или возмущайтесь глубже (о, стиль поэта! – Л.К.), но тогда не только им. А вот Яшу он не выдавал. И мало сказать не выдавал – покрывал». (Новый мир. 1992. №8. с. 178,179.)

Где ты, Институт Катастрофы Яд ва-Шем, вот тебе очердной украинский «кандидат» на звание «Праведника народов мира»! До чего же надо было дойти Коржавину, чтобы так опозлить подвиг тех, кто скрывал евреев, не будучи расистами, нацистами, редакторами антисемитских газет в оккупированном Киеве, не будучи и тем, кто прятал в укывищах хорошо известных нам по истории «полезных евреев» рейха. Именно таким «полезным евреем» и был отвратительный ренегат Яков Гальперин. Однако о «полезных евреях» Коржавин ничего не слышал, поэтому через пару абзацев сообщает читателю следующее: «Я думаю, что Яша вообще был искренен, что, кроме естественной жажды спастись, им тут руководила еще жажда отделиться от сталинских бесчинств, от тех, кто их творил, от всего, что теперь открылось и впервые предстало перед ним не в виде нетипичных издержек большого пути, а во всей своей целостности, масштабности и отвратительности».

Итак, Яша, видимо, от Штепы-марксиста узнал все о геноциде и перешел к тем, кто пропагандистски обеспечивал Бабий Яр. Только Штепе не пришлось брать себе псевдоним Гальперин, а вот еврею-антисемиту псевдоним понадобился. Причем, заметим, тогдашний Коржавин был фанатичным сталинистом. Поэтому его сегодня, задним числом, восхищают те, кто все понимал уже тогда. Только зачем выдумывать мысли и чувства за Гальперина и за Штепу? Права на это ему они не давали.

И тут мы переходим к самому главному: «Принципиальность, конечно, хорошая вещь, но из принципиальности защищать, допустим, сталинский геноцид украинского крестьянства, да еще глядя в глаза его жертвам, может быть и мужественно, но вряд ли достойно. А героическая гибель за это – нелепа».

Вновь не догадывается Коржавин, что могут быть и абсолютные ценности. Такие, например, как необходимость уничтожения фашизма, – при том, что коммунизм ничуть не лучше. Но фашизму нельзя позволить захватить мир, даже если сталинизм плох. Исторический черед сталинизма пришел сегодня. И это – «историческая необходимость», хотя такое понятие и может отдавать марксизмом.

А вот чудовищные слова, написанные Коржавиным дальше, могут вообще войти в историю: «Куда достойней, если все равно погибать, став, как многие, одной из неотличимых жертв другого геноцида – расистского, погибнуть, отрекшись от Сталина. Другими словами, лучше было сделать так, как это сделал Яша».

Коржавин почему-то не заметил, что его любимого Яшу расстреляли бы и красные после освобождения Киева, причем, вполне заслуженно. Теперь о том, как понял этот текст Коржавина еще в 1992 году обозреватель газеты «Московские новости» М. Золотонос. Текст, который я сейчас приведу, избавляет от необходимости дальнейших комментариев. В статье под великолепным названием «Казус Мандель» есть раздел «Мечь. Вина. Грех». Читаем: «Исторически институт мести возник как самопомощь в условиях, когда государство отсутствовало и не брало на себя функций защиты граждан и правовой регуляции. Наказание не по закону, а в порядке “частной инициативы” и есть мечь. В размышлениях Коржавина эта категория проявляется в логической связке с антинародной сущностью сталинского государства и охватывает в основном отношения между украинскими крестьянами, жертвами голодного мора, и евреями.

Украинские крестьяне, считавшие виновниками голода в основном евреев (как можно понять Коржавина), отомстили им во время гитлеровской оккупации. Реконструируя мысли друга молодости Гальперина, волею обстоятельств оказавшегося в оккупированном Киеве, автор пишет, что Яша должен был ощущать себя виновным перед людьми, теперь пытавшимися отомстить.

“Их тоже надо было опасаться, против них надо было принимать меры предосторожности, но ... безусловной правды перед ними... Яша чувствовать не мог”. Почему не мог? Да потому, что некие евреи участвовали в организации голода. Яша Гальперин, как и Эма Мандель, которому тогда было восемь лет, несут поэтому групповую ответственность. Манипулируя понятием вины (в юридическом смысле) и греха (в теологическом), Коржавин пытается посадить евреев на скамью подсудимых, делая их, если не виновными, то греховными. Но задача автора, пытавшегося объяснить читателю, почему часть (наверное, меньшая) украинского населения помогала в 1941 году гитлеровцам уничтожать еврейское население, значительно упростилась бы, если бы Коржавин вспомнил то, о чем старательно умалчивает: о традиции антисемитизма в Киеве, установившейся еще при династии Романовых (и ранее. – Л.К.). Однако соблазн “народничества” и рассуждений о вине-грехе евреев оказались так велики, что Коржавин отказался от очевидного в пользу выгодного.

Кровавые эпохи кончаются, но соблазны остаются».

Коржавин полагает, что мне кто-то что-то о нем (как и ему кто-то и что-то о Штепе и Гальперине) «болтанул». Это не совсем так. В одном московском доме, близком автору мемуаров, том самом, где он оставил книгу своих стихов с надписью типа «Такой-то, которая и так все это знает», мне предложили познакомиться с Коржавиным. Я отказался, мотивируя это тем же, что написано выше и в моей статье, возмущившей поэта. Тогда Юрий Айхенвальд, человек честный и принципиальный, попросил меня дать ему журналы «Новый мир» с мемуарами Коржавина. Ю. Айхенвальд сказал мне, что вся мемуарная часть ему известна уже десятилетия, а вот комментарий к ней он не знает. Журналы были принесены. Прочитаны и возвращены мне молча. Я спросил: «Претензии ко мне есть?» Претензий не оказалось. В 1993 году Ю. Айхенвальд скончался. На вечере его памяти в Литературном музее я не считал возможным сесть с мемуаристом за один (чайный) стол. Тогда Коржавин этого знать не мог. Пусть знает теперь.

Что же касается того, что мне кто-то что-то наболтал, то мне действительно известны люди (и они еще живы), которые помнят обсуждение проблемы Бабьего Яра в терминах Коржавина. Тогда, на рубеже 1970-х, такие разговоры действительно вела выкрестившаяся еврейская тусовка. Но эти люди, по крайней мере, молчат и не рекламируют своих взглядов.

У Коржавина же хватает смелости кл

яться родственниками-евреями, погибшими в Бабьем Яру. Родственниками, о которых он сам говорит, что они в коллективизации не участвовали. А раз это так, то вина евреев оказывается не персональной, а коллективной. Той самой, которую и пытается обосновать Коржавин. Поэтому, что бы ни говорил этот человек и что бы он ни писал, – я вновь повторяю: «Коржавину приходила в голову идея считать евреев, погибших в Бабьем Яру от рук немецких и украинских убийц, платой за участие евреев в коллективизации». А опускаться до полемики на тему: участвовали или нет украинские фашисты в уничтожении евреев в Бабьем Яру? – я не буду. Все и так ясно. Если же Коржавин на место «Бабьего Яра», написанного когда-то Анатолием Кузнецовым, хочет поставить свой «Анти-Бабий Яр», то я предоставляю читателю самому назвать то политическое течение, которое противостоит антифашизму.

Î Î Î Â Û Ö Ý À Ð Å Î Ï Ä Å Ò Ð Î Ñ Ñ È È Ñ È Î Î Î À È À È À È Ñ È Î Î Î Î À Û À Ñ Ò À À Ð À Ñ Ñ È À Ç Û À À À Ò À Î À Ð À È À Ð À Ò Î Î À

Ю.Д.: Расскажите, пожалуйста, о проекте перевода книг Библии на русский язык. Кто его готовит?

А.Г.: Это проект Российского Библейского Общества. Я тоже работаю над этим проектом, над той его частью, что связана с Ветхим Заветом. У нас уже вышли книги Бытия, Исхода, Притчей, Экклезиаста, Иова, Даниила и Иисуса Навина. Скоро появятся Эсфирь и Судьи. В течение нескольких лет планируется закончить Ветхий Завет. Новый Завет уже вышел в переводе Валентины Кузнецовой.

Ю.Д.: А кто участники?

А.Г.: Ну, прежде всего наш главный редактор, Михаил Селезнев. И конечно, ряд переводчиков. Я редактирую большую часть переводов, выходящих в свет. Кроме того, я перевел Экклезиаста и пророков Иоила и Исайю.

Ю.Д.: А между Синодальным переводом книги Экклезиаста и вашим есть что-то общее?

А.Г.: Существует целый ряд переводов Экклезиаста. Какие Библии у нас есть? Во-первых, есть Синодальная Библия. Существует еще одна Библия из двух Заветов на русском языке, подписанная загадочной организацией «Всемирный Библейский Переводческий Центр». Варварское издание, но следует упомянуть и его.

Теперь о Танахе. Есть Венская Библия – два тома, параллельный текст (иврит и русский). Она вышла в 1898 году в Вене, ее стиль схож со стилем Синодальной Библии. Далее. Имеется вышедший в Израиле перевод Танаха под редакцией Иосифона. Все названные переводы нельзя признать художественными уже потому, что они передают весь Танах прозой, хотя как минимум половина танахических текстов – это стихи.

Что касается Экклезиаста, то есть еще замечательный перевод Дьяконова в томе «Библиотеки Всемирной Литературы». Дьяконов, крупнейший русский гебраист XX века, был к тому же и талантливым переводчиком. Наконец, мой перевод. Я особенно стремился к лаконизму, стремился передать смысл оригинала минимальным количеством русского текста.

Книгу Экклезиаста перевел и Вардван Варжапетян, в свое время выпускавший еврейско-армянский вестник «Ной». Кстати, очень хороший был журнал.

Ю.Д.: А существуют какие-либо теории перевода?

А.Г.: Называть это «теориями» я не люблю. Вообще в отношении перевода слово «теория» – своего рода оксюморон. Трудно себе представить более практическое занятие, чем перевод. Разумеется, есть различные подходы к переводу текстов Священного Писания, различные проблемы. Первая – это, конечно, проблема буквализма. Существует традиция библейских переводов, кстати, древнейшая из переводческих традиций вообще. У ее истоков стоит Септуагинта – перевод Танаха на древнегреческий. Роль Септуагинты в истории мировой литературы, в истории перевода трудно переоценить. Это, может быть, первый художественный перевод. До того как в III веке до н. э. в птолемеевском Египте, согласно преданию, семьдесят два старца перевели Тору, художественного перевода не существовало. Аккадский «Гильгамеш» – не перевод с шумерского, а самостоятельный текст.

Итак, перевод вообще, не только библейский, начинается с Септуагинты. Септуагинта – бесценный памятник. Это достаточно буквальный перевод. В принципе, буквалистский подход – наиболее естественный. Начинаящий переводчик неизбежно калькирует. Если это плохой переводчик, то калькирование продолжается всю жизнь, если хороший – он обретает бо́льшую свободу по отношению к переводимому тексту. Так что вопрос перевода вообще – это вопрос свободы. С одной стороны, переводить – это значит уважать и любить иноязычный текст. С другой стороны, мы должны также любить родной язык и создавать на нем хорошие переводные тексты. В крайнем случае я делаю выбор в пользу своего языка, в какой-то степени жертвую смыслом оригинала.

Та же проблема стоит и перед переводчиками Библии. Как ее решили семьдесят толковников? Септуагинта – это неплохой греческий язык, довольно разумный перевод, который заложил традиции. Затем были другие переводы, арамейские Таргумы. Высокую художественную ценность имеет Вульгата, латинский перевод, который появился на рубеже IV – V веков н. э. Вульгате суждено было на долгие века стать главной книгой Европы.

Если говорить о еврейских переводах Танаха, то во II веке новой эры были созданы еще несколько переводов Торы на греческий, например перевод Аквилы. Аквила, ученик рабби Акивы, достиг такого буквализма в переводе, который мало кому удавался. К примеру, в Септуагинте первое слово Торы – «Берешит» («В начале») – переведено на хороший греческий («Эн архэ»). Аквиле этого кажется мало. Поскольку корень «Берешит» – «рош», то есть «голова», Аквила пишет: «эн кефалайо» («в заглавии»). Такой буквализм вполне объясним. Степень обожествления текста возрастала, а стало быть, возрастало и стремление передавать священный текст точно, вплоть до семантики корней.

Очень важен перевод Лютера. Это крайне интересный и осмысленный текст, хорошо сочетающий свободу перевода с научностью. На основе этой немецкой Библии были созданы последующие протестантские Библии, включая английскую Библию короля Иакова.

ЛЮБОВЬ И НАРКОТИКИ

Ἰ ἐὲτ ἑὰν Ἀεὲί ἐτῶ

Ἰ ἀδὲί ἡβὺαί ἰεὲ.

Ἢὶ αἱ.

Ἰ . : Ἐί ἡὸ δαί ἐα, 2002 — 319 ἡ

Ἰ ἀὸ δ Ἐδῶί ἰοεἱ

«Наркосвященник». Так переведено название авантюрного романа Николаса Блинкоу «The dope priest». Кто он – главный герой? Наркоман, для которого сворачивание «косяков» – священнодействие? Или наркоман обыкновенный, но притворившийся священником? И то и другое соответствует истине. Но как он вошел в эту роль!

Судьба героя едва ли завидна. Свадьба расстроилась, семья прокляла его. Но приезд в Израиль и тамошние приключения резко изменили его существование.

За судьбой Дэвида читатель следит с напряжением и интересом. Сколько раз его жизнь висела на волоске: в тель-авивском аэропорту, на блок-постах... Везде мог наступить час расплаты за прошлое.

Этот роман чем-то напоминает боевик, но автор не рисует героя суперменом, побеждающим всех и вся. Дэвид далеко не каждый раз проявляет решительность. Он не растерялся и бросился на священника, чтобы воспользоваться его облачением. Но решил не вмешиваться, когда во время вечеринки у русских друзей в Иерусалиме в дом ворвался сосед с ножом, когда Юрий, один из русских его знакомых, погиб, выброшенный с балкона. Впервые прибыв в Израиль, он не знает, куда деться от страха при виде представителя службы безопасности Сэмми Бен-Найма. Зато впоследствии спокойно может его отmaterить.

Дэвид – натура непростая. Он действительно авантюрист, но ведь как равнодушен бывает к судьбе других людей! Встретив на улице Лондона девушку по имени София (разумеется, еще не подозревая о том, какие отношения свяжут их через пятнадцать лет), он понимает, что не в силах отвергнуть ее просьбу об исповеди, хотя, казалось бы, думать ему надо только о том, как спасти свою шкуру. Судьба, однако, оказалась милостива – ему удалось избежать тюрьмы. Что же заставило его покончить с прошлым? Невозможность продолжать наркобизнес из-за оккупации Ливана? Но Дэвид достаточно состоятелен, чтобы возобновить прежнее занятие в какой-нибудь другой стране, пережив потерю партии наркотиков в Сабре. Возможно, сыграло свою роль проклятие семьи. А, может быть, взяла верх усталость от постоянного ощущения затравленности, желание в конце концов обрести покой...

Но дух авантюризма у героя слишком силен. Понимая это, автор ниспослал ему серьезные потрясения: сначала войска оцепила церковь, где происходила его свадьба, затем раздался взрыв гранаты со слезоточивым газом в такси. Эти обстоятельства и свели его с Софией.

Итак, в тюрьму Дэвид не сел, от взрыва гранаты не погиб, служба безопасности его не трогала, хотя он и числился в Интерполе. Наконец, все приключения Дэвида заканчиваются получением израильского гражданства и доказательств его еврейского происхождения. Он и не знал, что его предки – из далекого Пинска. Но чужая земля стала ему своей.

Несмотря на то что Дэвид – главное действующее лицо романа, внимание читателя не концентрируется только на его судьбе. В книге изображены события, связанные с палестино-израильским конфликтом на рубеже двух веков, правдоподобно показаны обстоятельства, при которых люди определенного сорта могут наживаться на неразберихе, царящей в эпоху долгого противостояния враждующих сторон.

Переводчик превосходно передал своеобразный (несколько приклатненный) язык общения героев друг с другом. Правда, допустил отдельные лексические ошибки. Но они не могут испортить общего доброжелательного впечатления от романа со столь захватывающим сюжетом.

ДЕМОКРАТИЯ КАК ДОЧЕРНЕЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ДЕМАГОГИИ

*Yōdāei Ēēōīī.
Ēēīā ā ēōōōōī ēēā
Ī . : Ī īnō ū ēēōōōōōī ;
Jerusalem : Gesharim, 2002 — 272 ū*

Āī ēōōēē Ī ōīēīōīā

Это сейчас Эфраим Кишон – признанная звезда израильского литературного «мейнстрима», лауреат Национальной премии в области литературы и заодно премии Союза экспортеров Израиля, поскольку его книги оказались выгодным экспортным товаром. А сорок лет назад, когда им была написана повесть «Лиса в курятнике», он был литературным власовцем и врагом народа. Потому что тогда у власти в Израиле стояли левые демократы, традиционно воспринимающие литературу по-ленински, как «коллективного организатора и пропагандиста», причем исключительно в свою пользу.

А Эфраим Кишон левых демократов никогда не жаловал и не считал нужным это скрывать. И, будучи с самого начала писателем не для элиты, а для таксистов, официантов и строительных рабочих – имея свыше трех десятилетий стажа фельетониста в ежедневной газете, – «коллективно пропагандировал» не в пользу левых, а против них.

На самом деле «пропагандировать» Кишон вовсе не собирался – просто как всякий писатель-сатирик он отыскивал в окружающем мире абсурд и искренне ему дивился. А левый культурный истеблишмент напрочь теряет чувство юмора, едва услышав такие слова, как «партия», «выборы», «демократия» и т.д. Поэтому он неизменно воспринимал произведения Кишона как покушение на основы, а самого писателя – как злодея, который, нагло хохоча, осквернил священный алтарь. Среди израильских литературоведов прочно утвердилось мнение, что Эфраим Кишон – политический обскурант и сугубый очернитель.

Кстати, первое впечатление читателя «Лисы в курятнике» вполне может быть сходным. Какую-то уж совсем несусветную действительность изображает писатель, словно поставил себе задачу создать злую и несправедливую пародию на еврейское государство. Видный социалистический деятель Амиц Дольникер попадает на отдых и лечение в глухую деревню где-то в Галилее и строит там общество демократии и плюрализма настолько успешно, что очень скоро крестьяне перессорились друг с другом на политической почве. И вот народные избранники украли все, что можно было украсть, все вместе перестали работать – и в результате деревня оказалась полностью разрушена при прорыве плотины, а видный деятель уплыл в направлении Тель-Авива...

Нет, конечно, политиков таких в Израиле всегда было в достатке, даже и не только социалистических. Определение политика, предложенное Кишоном, представляется абсолютно универсальным: «Политик – это тот, кто умеет говорить о том, что другие делают. Говорить как патефон, часами, подобно крану, опьяненному собственным капаньем! Говорить без всякого смысла, без содержания, как в насмешку. Пошлость на пошлости, банальность на банальности!» Выступления Амица Дольникера настолько похожи на речи М. С. Горбачева, что, по-моему, я их даже переводил, когда работал на московском радио в период перестройки и гласности. А если читатель даст себе труд прочитать хотя бы страницу из выступлений Ширака (больше не требую – я не же садист!..), так Дольникер выглядит чуть ли не ангелом.

Но вот представление о деревне Эйн-Камоним как об израильском обществе – пусть в кривом зеркале сатиры, пусть даже речь идет о временах почти полувековой давности – выглядит явно несправедливым и даже нечестным. Ну где, спрашивается, в Израиле можно было когда-нибудь найти такую деревню, в которой заезжему демократу специально пришлось бы создавать внутриобщественные противоречия, чтобы потом можно было реализовать программу партии путем разрешения этих самых противоречий?! Израильская деревня без партячек, общих собраний и того, что в свое время у нас называли «активной жизненной позицией»?! Воля ваша, дамы и господа, не было такого, нет, и не будет до прихода Мошиаха. Мошиах придет – и застанет партячейки...

Поэтому для того, чтобы лучше воспринять настоящий message повести «Лиса в курятнике», предлагаю читателю некоторую аберрацию. Пусть это будет не сатирическое описание израильской жизни конца 50-х годов, а пророческое видение 90-х годов в России. Недаром жители нарисованной Кишоном глухой деревни Эйн-Камоним ходили в подозрительно русском платье, и писали ивритские слова... русскими буквами!

Так вот – к абсолютно диким «нам» приезжает из цивилизованного мира этакий Амиц (что в переводе с иврита означает «бравый») и, увидев всю бездну нашей дикости, берется наладить демократические институты. Сначала его благие рекомендации не воспринимаются аборигенами, поскольку те со старых времен имеют устойчивую идиосинкразию к партиям, а общественная работа представляется им – опять же учитывая опыт прошлых лет – занятием просто-таки непорядочным. Однако постепенно демократические нормы становятся нормой (простите за дурной каламбур, но уж что есть...), и тут выясняется, что эта «норма» – от совсем другого писателя: от печально известного г-на Сорокина (кто имел несчастье читать, тот знает, что

«норма» по Сорокину – это ежедневная пайка дерьма, которой власти пичкают благонамеренных обывателей). Всякий, попадающий демократическим путем во власть, немедленно крадет все, что плохо и хорошо лежит, ревизоры и следственные комиссии неизменно пасуют перед презумпцией невиновности, а те, кто во власть не попал, перестали работать и погрязли в предвыборной борьбе... (далее см. выше).

В сущности, у цивилизованного Амица были хорошие побуждения, он хотел «как лучше». Когда же увидел, что получается «как всегда», бедняга пришел в ужас. Впервые столкнувшись с «черным пиаром» двух созданных им же демократических политиков, цирюльника и сапожника, он заявляет трагическим тоном: «Товарищи! В битве за сердца масс у них нет никаких тормозов». Это, как вы понимаете, вовсе не об Израиле 50 – 60-х годов – «черный пиар» до еврейского государства дошел только сейчас, во многом благодаря демократическим неопитам из бывшего СССР. А впереди предстоят еще драки, заказные убийства и даже похищение самого консультанта из цивилизованного общества.

О, как страшно он угадал, Эфраим Кишон! Настоящий Мастер...

А вот еще про нашу систему льгот – всех этих субсидий по квартплате, бесплатных поездках в метро и т.д., называемых «заботой о малообеспеченных слоях»:

«Жители деревни, имеющие детей, получили письменный приказ из секретариата старосты по вопросу сдачи двух стаканов молока каждое утро резнику у него в доме. Там Яков Сфаради проверял кошерность несущей жизнь жидкости, а затем 11 курьеров совета носились по деревне вдоль и поперек с деревянными подносами, уставленными стаканами с молоком, распределяя их из расчета один стакан на одного ребенка».

Сами понимаете, сдавать нужно было по два стакана, «потому что при перевозке молоко может расплескаться».

К сожалению, перевод книги местами оставляет впечатление крайней небрежности. Такое впечатление, что переводчика очень сильно торопили, не дав возможности даже просмотреть гранки. Иначе не появились бы на страницах книги такие бросающиеся в глаза «ляпы», как «ты хочешь украсть мои мысли» (буквальный перевод ивритского выражения, означающего «обмануть, создать ложное впечатление»), «болезнь рта и копыт» (по-русски это называется «сап»), и т.д. Да и стиль переводчик бы наверняка почистил, если бы ему дали побольше времени.

Впрочем, Эфраим Кишон не Б-г ведь какой стилист, так что шероховатости перевода можно пережить. Как книга для поездок в транспорте или чтения на даче «Лиса в курятнике» в любом случае предпочтительнее всего того, что у нас продается в мягких обложках с лотков.

ÊÎËÛÖÏ

Êçðàÿéüü Çàí ãæëëë

Когда Илья Голденберг, главный закройщик у Белковича, обручился с Фанни Фершт, самой хорошенькой портнихой, все гетто благословило этот союз за исключением, конечно, Шугармана, шадхена* (который терпеть не мог свадьбы по любви), и родственников Голденберга (которые считали Фанни тряпичницей и вертихвосткой).

– Этой твоей Фанни стать бы женой богача, – твердила Голденбергу тетя, тряся благочестивым париком.

– Тот, кто женится на Фанни, – уже богач, – возражал Илья.

– Всяк сверчок таки должен знать свой шесток, – не сдавалась тетя.

Что же до свата, чьими услугами пренебрегли, он предъявлял Голденбергу свои претензии не меньше родственников.

– Зачем мне нужен ваш брак по расчету? – протестовал Илья.

– А что? Я брак по любви не мог тебе устроить? – ужасно обижался Шугарман.

Но Илья был вполне доволен тем, как сам все устроил, ибо от взгляда Фанни он таял и чуть не терял сознание, когда она касалась его своею ручкой. Чтобы украсить эту ручку обручальным кольцом, он бестрепетно расстался с месячным жалованьем, но как прелестно она посверкивала его бриллиантом! Как озарял он унылую мастерскую обетованием блаженства! Даже сам Белкович, склонясь над утюгом, иной раз забывал сделать Фанни выговор за болтовню.

Курс истинной любви, кажется, вел напрямик к свадебному балдахину – Фанни уже работала над жениховским талесом, – как вдруг грянула буря. Первая тучка была размером не более мужской руки – собственно говоря, мужская рука это и была. Илья ее застучал, когда она кралась к ручке Фанни по укромной полосе между двумя машинами. Когда Фанни затрепетала пальчиками ей навстречу, второй ручкой преспокойно ведя ткань под стучащую иглу, Илье показалось, что эта самая игла втыкается и опять втыкается ему прямо в сердце. Пальчик, украшенный его кольцом, лежал на чужой лапине – бесплатно!

Бесстыдная распутница! Ой, правы были родственники! Он дико щелкнул ножницами, как челюстью дракона.

– Фанни, что ты делаешь? – задохнулся он на идише.

Лицо у Фанни вспыхнуло, отпрянули виновные пальчики.

– Я думала, ты и не видишь, – прошептала она.

Илья только фыркнул с недоверием.

Едва Шугарман узнал о расторжении помолвки, он полетел к Илье. Фалды сюртука развевались на бегу, и синий носовой платок реял ему вслед.

– Обратился бы ты ко мне, – заорал он, – так я бы тебе нашел кое-что понадежней. Но, слава Б-гу, еще не все потеряно. Мужчина ты красивый, ты неплохо зарабатываешь, и почему бы тебе, скажем, не посвататься, например, к дочке зеленщика?

– Глаза мои больше не хотят даже смотреть на женщину, – простонал Илья.

– Штус!* – сказал великий шадхен. – Через три дня после покаянного поста приходит Суккос.

Всевышний, спасибо ему большое, создал свет, как и тьму, и порядочных женщин, как и шлюх. – Он с чувством высморкался в свой синий платок.

– Да. Но она же не хочет мне возвращать кольцо, – посетовал Илья.

– Как! – Шугарман даже рот раскрыл. – Значит, она считает, что все еще с тобой помолвлена.

– Ах, оставьте. Просто она смеется мне в лицо.

– Но слово твое она тебе вернула?

– Слово – да. Кольцо – нет.

– Но на каком же основании?

– Заявляет, что я его ей подарил.

Шугарман пощелкал языком.

– Те-те-те! Таки лучше было, когда мы следовали обычаю и кольцо носил на пальце мужчина, а не женщина!

– В мастерской, – продолжал несчастный Илья, – так и сверкает кольцом прямо мне в глаза. Всем на посмешище. О, Иезавель!**

– Значит, я призову ее к порядку!

– Это мне только дорожке встанет. Разве я ей таки не подарил кольцо?

Шугарман утер пот со лба. Его обширный опыт в данном случае был бесполезен. Чтобы невеста отказалась вернуть кольцо клиенту? Швырнуть в фальшивые зубы ухажеру – такое да, бывало.

– Вот они, ваши сговоры по любви! – воскликнул он сурово. – Нет, в следующий раз уже будет настоящий контракт.

– В следующий раз! – откликнулся Илья. – Интересно, как я теперь вам осилю второе кольцо – Эта Фанни меня буквально разорила на чашках шоколада и на билетах в Павильон-театр!

– Я бы уже снизил гонорар! – сказал Шугарман.

Илья пожал плечами:

– Если только вы принесете мне кольцо.

– Я специалист не по старым кольцам, а по свежим девицам, – поставил его на место Шугарман. – Однако, если ты мой клиент...– и крикнув: Пять процентов за дочь зеленщика, – он кинулся прочь, так что Илья даже не успел отменить сделку.

Облаченный в котиковую куртку, дабы навести на Фертов трепет, Шугарман вскарабкался по темной лестнице до их квартиры. Семейство – увы! – так и не увидело его наряда, ибо Фанни сама открыла дверь.

– Мир вам, – крикнул Шугарман. – Я пришел от Ильи Голденберга.

– Зря старались. Он мне не нужен, – и она собралась захлопнуть дверь ему в лицо. Ее ошибка, притворная или нет, поколебала всю заготовленную дипломатию Шугармана. – Он вас не хочет, он хочет свое кольцо! – крикнул он поскорей.

Фанни неприлично приставила пальчик к носу. Издевательски сверкнул бриллиант. И она, хихикая, показала ему спину.

– Хотя бы глянули на эту фотографию! – пыхтя молил Шугарман затворяющуюся дверь.

От неожиданности, из любопытства Фанни повернулась. И уставилась на глупые черты незнакомца в сюртуке.

– Четыре фунта в неделю круглый год, главный закройщик у Кона, – спешил Шугарман воспользоваться этим преимуществом. – Старая хорошая английская фамилия, Бенджамин Беккенштейн его зовут, и он спит и видит, как бы ему занять место Ильи.

– Пусть он проснется! – и Фанни щелкнула по фотографии сверкнувшим пальчиком так, что та упала на пол.

– Но зачем зря пропадать обручальному кольцу, – урезонивал ее Шугарман, наклоняясь, чтоб подобрать поклонника.

– Ничего себе придумали! Нет уж, новый мужчина, новое кольцо! – и Фанни хлопнула дверью.

– Нахалка! Ювелирную лавку ей захотелось! – заорал через дверь обескураженный шадхен.

Он вернулся к Илье мрачнее тучи.

– Ну, – спросил Илья.

– Ох уж эти мне ваши сговоры по любви! – Шугарман их отпихнул обеими дрожащими руками.

– Так она не хочет...

– Да, она не хочет. Ах, твое большое счастье, что ты избавишься от этого исчадия Сатаны! Дочь зеленщика – вот это...

– Не говорите мне больше про женитьбы. Я больше не могу рисковать кольцами.

– Я мог бы устроить тебе как-нибудь заимообразно.

– Девицу?

– Не распускай свой язык! Кольцо конечно.

Илья затряс упрямой головой.

– Нет. Я должен получить обратно мое кольцо.

– Это невозможно – разве что ты на ней женишься. Постой! Почему бы мне тебе это не устроить?

– Оставьте меня в покое! Небо открыло мне глаза!

– Но ты только посмотри, какая она экономная! – не сдавался Шугарман. – Девушка, которая так держится за свое кольцо, и тобой не станет разбрасываться.

– Вы не видели, как она заглатывает эклеры, – ответил Илья печально. – Все, кончайте! Я с ней разделался.

– Нет! Тут стоит еще немного поработать головой, – и Шугарман глянул настоящим Сфинксом. – Ты можешь вернуть свое кольцо.

– Как?

– Но, конечно, потом оно поступит в мое распоряжение?

– Да, да. Ну говорите же.

– Завтра в мастерской притворись, что все время украдкой бросаешь на нее любовные взгляды, пока она не смотрит. Когда она тебя застукнет...

– Но она же не будет смотреть!

– Можешь не беспокоиться, она посмотрит. Когда она тебя застукнет, ты должен покраснеть.

– Но как я вам покраснею по заказу! – упирался Илья.

– Да, конечно, это нелегко. Ну хорошо, выгляди как идиот. Это тебе будет легче.

– С какой стати я буду выглядеть как идиот?

– Чтобы она подумала, что ты все еще в нее влюблен.

– Тогда бы я, действительно, выглядел как идиот.

– Ну! Так в том-то вся идея. Когда она пойдет из мастерской после работы, иди за ней, и когда вы будете проходить мимо кондитерской, ты вздохни и спроси ее, может быть, ей хочется эклер, чтобы расстаться как друзья.

– Не захочет она.

– Почему? Она все еще любит.
– Эклеры – да, – заметил Илья цинично.
– И тебя тоже.

Илья без затруднения покраснел.

– Откуда вам известно?

– Я ей предлагал другого мужчину, так она захлопнула у меня перед носом дверь.

– Вы...вы ей предлагали... – Илья чуть не потерял дар речи.

– Только чтобы ее проверить, – успокоил его Шугарман.

Он продолжал:

– Ну так слушай меня внимательно: она съедает пирожное, и чашку шоколада пусть она тоже выпьет (скупиться не приходится, когда на кону такое кольцо), и потом ты идешь с нею рядом, а когда вы доходите до темного угла, хватаешь ее за руку и говоришь «мое сокровище», «мой ангел», ну что там говорит своей девице современная молодежь, я знаю? – (Ты, между прочим, сам видишь результат.) И когда она заглатывает это все, как новую чашку шоколада, а ты держишь ее за пальчики, ты тянешь – р-р-раз, и дело в шляпе!

Илья смотрел на него с обожанием.

– Вы хитроумны, как наш праотец Иаков!

– Не всем небо отказывает в мозгах, – скромно ответил Шугарман. – Только смотри, хватай исключительно за левую руку.

Восхищенный Илья следовал плану от и до.

Даже румянец, за который он так опасался, аккуратно вспыхивал на его щеках, как только его влюбленный взгляд встречался со взглядом Фанни. Он так удивлялся, что у него горит физиономия, что вдобавок выглядел как идиот.

Они долго волынили в кондитерской, Илья все набирался храбрости для последнего рывка. О, уж он потянет ее за палец. Будьте уверены.

А тем временем они чокались чашками шоколада, улыбались, глядя в глаза друг дружке.

– Негодяйка! – думал Илья в сердцах. – Она так же будет строить глазки первому встречному мужчине!

И он все кормил ее, кормил, и с каждым эклером росло его нервное напряжение. Эти белые зубки преспокойно надкусывали пирожное, а Илью так и подмывало шлепнуть по этой розовой щечке. Наконец, сладкое приелось Фанни, и она пошла к выходу. Илья пошел за ней, волнуясь и весело болтая. Вот он ее догнал.

Они свернули в безлюдный Рыбный переулок, тускло освещенный единственным газовым фонарем. У Илья дрожали руки-ноги перед решающей минутой. Он чувствовал себя как какой-то уличный грабитель. Оглянулся туда-сюда – ни живой души. Да, но он с той стороны? «Та – это только левая», – говорил он себе и старался улыбаться, а сердце колотилось, и в вихре чувств и мыслей он уже не разбирал, где право, а где лево. К счастью, он увидел в полутьме блеск бриллианта и тотчас стиснул его воровской рукой.

Но вот он ощутил в ответ нежное пожатие милых пальчиков, и знакомый сладкий трепет пронизал каждую его жилку. Идиот! Как можно было сомневаться в этой дивной ручке! И она же носит до сих пор это кольцо, не хочет с ним расстаться! О, идиот неблагодарный!

– Мое сокровище! Мой ангел! – пролепетал он сам не свой от счастья.

Ī ādīāā Ā. Nōdōō

* Āēōīīōē (ēāēō).

** Ī ādīī āē Cā Ī ēāīēy, āīēīūāīēā cēā Ēī ū nōāēī ī ādēōōōāēūū ūī.

Оз все же присоединился к центристскому блоку «Маарах», главной политической силой в котором является Партия труда Израиля – преобразованная в 1968 году Рабочая партия Израиля.

После очередных выборов в кнессет в 1984 году существенного парламентского перевеса не получил ни один из двух ведущих политических блоков Израиля – ни «Маарах», ни правоцентристский «Ликуд» – «Сплочение». И Оз стал одним из инициаторов призыва группы израильских писателей – таких, как Хаим Гури, Самэх Изхар, Алеф Бет Еошуа, – создать правительство национального единства. Однако в июне 1992 года накануне очередных выборов в кнессет левые политические взгляды Оза в очередной раз возобладали. И он, как и еще некоторые из известных израильских писателей, например А.Б. Еошуа, вышел из Партии труда и заявил о своей поддержке блока левых партий «Мэрец» («Энергия»).

Любопытно, что летом 1994 года, когда в израильском руководстве рассматривался вопрос о назначении нового посла в Москву, упоминалась и кандидатура А. Оза.

Ī à-àēī

...B í è ó í è b á y ū, í ò ñ ì, ÷ à ñ í í è ō ñ ò y ò è ÷ ò í í í è à ò ì à p ò, è í ò ñ ì, ÷ ò í í í è à ò ì à p ò, ÷ ò í í í è y ò í ñ ō ñ ò y ò.

À Īç

Свои первые рассказы А.Оз опубликовал в 1961 – 1963 годах в журнале «Кэшет» («Радуга»), основанном известным поэтом и переводчиком Аароном Амиром для популяризации произведений молодых одаренных литераторов. Журнал заявил себя «выразителем неконформизма и поиска новых путей» в социально-художественной жизни израильского общества. Вскоре Оз был признан одним из самых ярких талантов «Новой волны» – литературного течения, воплощавшего процесс «амортизации» идеалов сионизма в ходе их осуществления, а также переоценку традиционных ценностей в израильском обществе.

В творчестве израильских писателей, именуемых «Поколение государства», образ героя-бойца, первостроителя Государства Израиль (то есть центральный образ в романах, повестях и рассказах литераторов предшествовавшего поколения – «Поколения Пальмаха») вытесняется образом антигероя. Так, вскоре после окончания Шестидневной войны Оз написал: «Я не умею писать ни о крови, ни об огне. Если я когда-нибудь и напишу что-нибудь о войне, то напишу о блевотине, о гное, о моче, о поте...» В дальнейшем так и было. Например, в новелле «Пути ветра» Оз развенчивает внешнюю, парадно-показную героиню армейской службы. Автор описывает нелепую гибель молодого десантника во время показательных прыжков с парашютом, случившуюся на глазах родителей юноши и членов кибуца, в котором он вырос.

В 1965 году вышла в свет первая книга Оза – сборник рассказов «Земли шакала», встреченная читающей публикой с большим интересом. В ней обозначились манера, тематика и мировосприятие автора, широко проявившиеся в последующих произведениях. В 70-е годы сборник переиздали. Рассказы несколько переработаны автором, к ним добавилась новелла «На этой недоброй земле».

Жизнь для писателя – постоянное и повсеместное противостояние конфликтующих начал: нация и человечество, общество и личность, светлые аспекты бытия и темные силы природы, созидательная деятельность и разрушительные инстинкты. По мнению Оза, эти коллизии в обществе и душе человека должны обязательно завершаться компромиссом, так как абсолютная победа одной из сторон чревата катастрофой.

Часто в произведениях Оза ареной столкновения становится кибуц. Это – уникальная израильская попытка создать идеальную ячейку общества, где отдельная личность жила бы в гармонии с окружением как социальным, так и природным. Однако одиночество и проблемы настигают человека и здесь. Примером таких коллизий стал роман «Другое место» (1966), в котором автор с явной симпатией, хотя и не без выявления разрыва между идеалом и реальностью, ярко изображает кибуц. Парадоксальное одиночество и отчужденность человека в тесном коллективе кибуца с его открытым образом жизни рисует Оз и в повести «Элиша Померанц».

Позднее в романе «Истинное успокоение» (1982), написанном в традиционно реалистической манере, А. Оз, как и многие его коллеги, исследует конфликт поколений в кибуце. Это взаимное непонимание и почти противостояние отцов-основателей сельскохозяйственной коммуны и их детей, современных молодых израильтян, является драматическим конфликтом общества. Молодежь не видит смысла в осуществлении романтического идеала отцов, стремится к динамичной жизни в городах. На их место приходит новый герой, собирательный образ которого воплощает еврей из голуса, ребенком переживший Катастрофу в одной из европейских стран. Энергичный мастер на все руки, автомеханик, музыкант, шахматист, любимец женщин, человек, которого жизнь научила находить выход из любого положения, – может быть, он и ему подобные откроют новую страницу в истории кибуца? Могут ли они заменить «неотесанного уроженца кибуца, хоть и закаленного в боях и привыкшего к тяжелому сельскохозяйственному труду, но избалованного заботами коллектива, который пестовал его как носителя светлого будущего всего еврейского народа»?

Отмечает Оз и такую огорчительную для ветеранов кибуцного движения тенденцию, как стремление некоторых руководителей и идеологов кибуца избежать тяжелой и грязной работы, которой всегда там хватает. Так, в уже упоминавшейся новелле «Пути ветра» главный герой-кибуцник с глубоким осуждением констатирует: «Некоторые из вождей рабочего движения увязли в общественной деятельности и как бы между прочим начисто устранились от физической работы».

В 1968 году был опубликован роман «Мой Михаэль», и поныне он – один из самых известных произведений Оза. Основная коллизия его – взаимное внутреннее противостояние мужа-труженика,

радио и лекциями перед задремывающими пожилыми кибуцниками где-то в глухой провинции. «Сердце у меня защемило. Отчаяние охватило душу, безысходное отчаяние – каждый о своем и каждый только для себя... И каждый в одиночку...»

Приемы сюрреалистического изложения в еще большей мере использованы Озом в романе «Тронуть воду, тронуть ветер» (1973). Там на историческом фоне событий 30–60-х годов XX века разворачиваются судьбы евреев в Польше, России и Палестине.

Настоящим историко-социологическим исследованием отношений народов России и еврейского народа, России и Израиля за последние сто лет стало небольшое эссе Оза «Опаленные Россией» (1994). «Связь наша с Россией, – пишет автор, – фундаментальная, глубокая, духовная, культурно-литературная, обусловленная среди прочего и сходством темпераментов, – связь нашего общества и нашей культуры не вписывается в простую формулу: они дали, а мы взяли». Оз справедливо отмечает: евреи «всегда были для России “проклятым братом”, тем братом, которого держат на задворках».

Массовые антиеврейские погромы 1881-1882 годов, погром 1903 года в Кишиневе, а также погромы периода первой русской революции 1905-1907 годов показали еврейской интеллигенции, что не только власть не заступится за евреев. Не заступятся за них и просвещенные круги российского общества, за исключением единиц, таких, как например В.Г. Короленко. Эта «элита» не вознегодовала, не возвысила единодушно свой голос протеста против антигуманизма, бесчинств толпы и неприкрытой национальной ненависти. В еврейской среде воцарились глубокое разочарование и потрясение. Именно тогда взгляды евреев обратились к Сиону, к тогдашней Палестине. Именно тогда многие и многие сотни тысяч российских евреев поднялись со своих обжитых мест и оставили Россию. Но куда бы они ни пришли, подчеркивает писатель, везде была с ними Россия, которую они привозили с собой, фатально будучи не в силах с ней расстаться.

Затем Оз говорит о «странном, с

юрреалистическом периоде, когда часть еврейского населения Эрец-Исраэль была влюблена в Россию времен Сталина». Причинами тому было и разочарование в британцах, и согласие Сталина разрешить еврейским беженцам из Польши укрыться в СССР после начала второй мировой войны, и главное – Сталин один стоял против Гитлера, который мог прийти и в Палестину. К тому же в 1947 году представитель Советского Союза в ООН проголосовал за создание еврейского государства... «О, наивные евреи! – с горькой иронией резюмирует Оз. – Они думали, что все это происходит потому, что созданы кибуцы, построен социализм и в России наконец-то поняли, что мы принадлежим к одной семье...» Однако, когда в Советском Союзе развернулась политика государственного антисемитизма, а на внешней арене он открыто выступил в поддержку арабских государств, наступило очередное отрезвление...

Но и в последние годы ситуация в Израиле не менее запутанная и парадоксальная, признает публицист: «Еврей, уроженец России, чувствует себя евреем среди русских, но стоит ему попасть в среду евреев – выходцев из Северной Африки, к примеру, – и он тут же почувствует свою “русскость” так остро, как он и предположить не мог...» Однако, завершает Оз свое эссе от имени сограждан, «отныне мы больше не живем в тени России», выражая этим объективную истину: Израиль стал самодостаточным фактором независимого еврейского национального существования.

Î îđîœîî – áóóóúàî ó

...Отношение к истории не как к нагромождению фактов, но как к полю, богатому знаниями, уроками и толкованиями. Только так прошлое послужит нам для построения будущего.

À Îç

Неоднократно на протяжении многих лет литературного творчества обращался Оз к истории своего народа разных периодов.

Одним из наиболее интересных произведений писателя в этой области является небольшая повесть «На этой недоброй земле». Время действия – эпоха Судей, всего лишь столетие после исхода евреев из Египта и за столетие до образования Израильского царства. Время, когда израильские племена, поселившиеся в древней Палестине, еще вели с соседями вооруженную борьбу за обладание Землей Обетованной. В этих беспрестанных войнах складывались временные племенные союзы, во главе которых стояли избираемые народом харизматические вожди – судьи. Увидеть события тех лет так, как их видел такой вождь, понять его поиски себя и его душевные конфликты, бремя жертв, принятых им на свои плечи во имя движения по тернистому пути к созданию национального государства, – вот задача исторической новеллы Оза.

Благодаря стилистическому мастерству автора и тонкому пониманию им психологии своих героев читатель смотрит на описываемые события глазами персонажей, оказывается почти участником происходящего. Живущим во второй половине XX века становятся понятны как вечно странствующие воинственные кочевники, так и противостоящие им оседлые земледельцы: и те, и другие – дети своего сурового и очень далекого от нас времени. «Ночью они проникали сквозь изгороди и забирались внутрь – неслышно и мягко, как злые духи. Встретив смерть, умирали беззвучно; убив, беззвучно растворялись во мгле. Приходили с ножами и дротиками. Несли огонь. Утром только головни шипели и дымились на месте цветущих владений на краю Аммона или Израиля».

Очевидные параллели между древними и современными событиями – рождением нации и возрождением национального государства – убеждают читателей в исторической значимости современных событий, их чреватости будущим. В этом – одна из главных ценностей повести.

В другом месте и в другое время происходят события еще одного произведения Оза о еврейской истории – небольшого романа «До смерти» (1971 год, в русском переводе – «До самой смерти»).

Как и многие другие в Западной Европе, «благородный сеньор Гийом де Торон» выступил по призыву папы римского Урбана II в конце XI века «в военный поход, дабы освободить Святую Землю из рук неверных и страданиями на долгом пути искупить грехи, ибо венец страданий – радость духовная». Преисполненный такими благими намерениями сеньор и его спутники идут по своей стране, уже здесь сея смерть, насилие и ужас. Нарочито бесстрастно описывает автор бесчеловечные деяния потенциальных «освободителей гроба господня» еще в Европе. Это – грабеж крестьян, естественное для того крестоносного сброда насилие и надругательство над женщинами. И главное – как само собой разумеющееся! – уничтожение, выжигание и вырезание евреев, не успевших спрятаться от этих ревнителей веры христианской. Последние очень сожалеют, например, о том, что «в природе этих евреев – гореть в огне лишь однажды» и нельзя сжечь еврея еще и еще раз.

Еврейские деревни сжигали, добро забирали, а если его не отдавали сразу, то с упрямыми поступали, например, следующим образом: «Еврея начали бичевать в полдень. Вечеру жгли каленым железом. Затем окунули в соленую воду... Вытащив из соленой воды, оскопили... и напоили той же соленой водой, в которую окунали его прежде. Позже занялись они пальцами на руках... К закату выкололи ему глаза... Пронзили копьем исстрадавшееся тело: ударили в спину, а из груди вышло. Но еврей, истекая кровью, продолжал сослепу ползать в разные стороны, бормоча при этом. Тогда стукнули его по голове топоричем и сказали: “Умер”. Еврей, однако, не умер, он надсадно дышал, из пробитых легких вырывались большие розовые пузыри, лопааясь в воздухе. Тогда его снова ударили копьем в грудь, да, видно, промахнулись, не попав прямо в сердце. Этот изуродованный остаток человека неистово дергал ногой, поднятой к небу».

Вот на этом и исчерпался весь благочестивый запал отряда благородных рыцарей и их слуг: «И случилось так, что Иерусалим уже не виделся желанной целью, ареной славных подвигов». Застигнутые продолжительной непогодой в заброшенной церкви, несостоявшиеся освободители святого града оскотинились, осквернили храм своей веры, превратились в полулюдей. Немногие оставшиеся в живых после пьяных драк и дурных болезней бессмысленно бредут по заснеженному полю в никуда...

Антисемитизм, любая ненависть, вызванная принадлежностью к другой вере или национальности, – ужасны, античеловечны, противны природе нормальных, здоровых душой и телом людей, говорит своим романом Оз.

В Иерусалиме периода британского мандата разворачивается действие повести «Гора дурного совета» (1976), герои которой вовлечены в поиски разрядки сложных, донельзя напряженных отношений между евреями, арабами и англичанами.

Nĩ ãdãĩ áĩ í eé Èçdãeëy
Ñ õĩãĩ ã ã ããĩ ù Áãĩ-Ãõdãĩã
ã çãdãĩ Èããe Yõdãeã, Èçdãeëũ íeĩĩ -ãdãeũũ í ãdãõĩ eé íã í õdũũ ðããdãũãĩ eë
ã ãdãĩ ããdãĩ íã ãã ããdãdãõ ãã ãããã ãã ãdãõ ãã eë ã ðãdãõ õũãe õãĩ ãã õeãe
e ãĩ ãdãeãĩ eçãdãeë.

À Íç

Событием в литературной жизни Израила стала публикация в 1987 году романа Оза «Черный ящик». Писатель обращается к традиционной форме эпистолярного романа и пытается вскрыть противоречия между представителями разных этнических и религиозно-культурных еврейских общин, живущими в Израиле. Помимо этого автор касается извечных проблем любого общества – взаимного непонимания между поколениями отцов и детей, а также сложных, эмоционально острых взаимоотношений между бывшими супругами. Повествование ведется в письмах, которыми обмениваются главные герои – бывшие жена и муж Илана Бернштаттер и Алекс Гидеон.

Сюжет романа достаточно сложен: сабра Алекс, дослужившийся до высокого чина в израильской армии, поехал учиться в Европу, где сделал позднее блестящую научную карьеру. А его эксцентричная бывшая жена Илана вышла вторично замуж за религиозного еврея – выходца из Марокко. Последний посвятил себя содействию заселения занятых Израилем территорий. Новый муж Иланы пытается вынудить Гидеона взять на себя материальные затраты по воспитанию их сына – подростка со сложной, травмированной психикой. Столь нетривиальные жизненные ситуации почти неизбежно приводят к трагическому концу – смерти Алекса. А его образ, в свою очередь, в художественно-идейном строе романа символизирует, по замыслу автора, завершение целой эпохи в истории еврейства и Государства Израиль. Но он в то же время и предвещает преобразование сионизма и еврейского государства на базе новых понятий и ценностей. Ощущается, что сам Оз во многом их не принимает. Однако будучи честным и объективным бытописателем, не решается игнорировать их как объективный фактор в возможном развитии национальной истории.

Форма «романа в письмах» выбрана автором не случайно – именно она позволяет персонажам открыто выражать мысли и чувства. Илана не только описывает свою жизнь шаг за шагом, делится с бывшим мужем маленькими горестями и радостями, – она в то же время предается воспоминаниям о совместной жизни, которые до сих пор, после стольких лет, прожитых вдали друг от друга, не оставляют ее, не дают душевного покоя.

Не забыта в романе и «русская тема». Прежде всего она представлена колоритной личностью Володи Чудонского (обратим внимание на фамилию), отца главного героя. Этот могучий во всех своих проявлениях персонаж – «царь», «казак», уроженец Российской империи – выписан автором рельефно и ярко. При знакомстве с ним у читателя неизбежно возникают ассоциации с аналогичным типом героев у Достоевского, Чехова и Толстого. Язык романа удивительно красочный и сочный. Писатель использует много сравнений, чтобы читатель имел бо́льшую возможность осознать все проблемы, с такой остротой вставшие перед героями, а вместе с ними – перед всем израильским обществом.

А вот в романе «Познать женщину» (1989) Оз намеренно прибегает к помощи лишенного литературной образности языка и строит тривиальную ретроспективу судьбы своего героя, который всю жизнь посвятил патриотической карьере сотрудника Мосада – управления внешней разведки Израиля. И в конце пути оказался в том же положении, с которого начал, только ни душевных, ни физических сил, толкавших его вперед все эти годы, у него не осталось.

Вообще в творчестве этого прозаика необыкновенно значим философский аспект. Не случайно он, литератор, помимо литературы читал также университетский курс по философии. Напомню: в молодые годы Оз был активен в социально-политической деятельности, но позднее стал больше внимания уделять изложению своих взглядов в публицистических работах. «Я занимался политикой, но не отдавался безоглядно сочинению воззваний, плоских назиданий и упрощенных политических аллегорий», – пишет он.

Литератор не боялся открыто выражать мнения, не только не совпадавшие с официальной позицией израильского правительства, но зачастую шедшие вразрез с господствовавшей в обществе позицией. Так, после полной победы Израиля в Шестидневной войне в обществе воцарились настроения эйфории, самонадеянности и самоуверенности порой с откровенно шовинистическими проявлениями. А. Оз выступил тогда с серией статей, прозвучавших диссонансом в обстановке всеобщего опьянения победой. Писатель отмечал, что для него сионизм – это гуманистическое национально-освободительное движение, ставящее своей целью строительство дома для еврейского народа. Существенно, однако, не изгонять при этом из своих домов других и не терять собственного лица, – подчеркивал Оз.

В 1983 году писатель издал серию очерков, совмещавших в себе черты публицистики и художественной прозы. Книга вышла под общим названием «По Стране Израиля». В ней Оз стремится объективно воспроизвести представления различных слоев израильского общества и высказываемые ими взгляды. Писатель не скрывал свой страх перед усиливающимися в израильском обществе тенденциями шовинизма, с одной стороны, и перед ростом безыдейного прагматизма и карьеризма, с другой.

Утрата духовных ценностей гуманистического сионизма вызывает у него тревогу за будущее Государства Израиль. «Осажденное врагами, разочаровавшееся в иллюзии интернациональной солидарности, сотрясаемое нескончаемыми войнами, разъяренное мелкобуржуазными, религиозными и шовинистическими настроениями, израильское общество тем не менее продолжает хранить свою скрытую мечту. В его недрах все еще скрывается “спящая красавица”».

Тогда же в 1983 году Оз высказал свое мнение об идеологии еврейского государства: «...Несмотря на все, что произошло, сионизм – это самая честная, самая удачная и целесообразная идея, возникшая в уме еврейского народа... за последние тысячелетия. Но что-то было сломано на пути ее осуществления...» В том же году он издал сборник опубликованных в 1982 – 1986 годах в газете «А-арэц» собственных статей «С ливанских склонов». Большая часть публикаций – отклики писателя на вторжение израильской армии в Ливан летом 1982 года.

Следует отметить, что несмотря на большой творческий и общественный авторитет Оза среди израильтян, левые миротворческие взгляды его, призывы к мирному решению палестинской проблемы, к территориальным уступкам в обмен на мир неоднократно вызвали резкую, порой некорректную критику со стороны представителей правого националистического лагеря. Так, например, даже либеральная англоязычная газета «Джерузалем пост» могла поместить на своих страницах статью «Кровавый навет Амоса Оза, усугубленный клеветой»: там по его адресу употреблены выражения типа «клевета в большевистских масштабах...», которую привычно было бы ожидать от кремлевских пропагандистов, а не от израильского писателя», «отвратительные, злобные, демагогические разглагольствования Оза».

Аналогичные инциденты случаются и за пределами Израиля. Так, в 1992 году Ассоциация немецких книгоиздателей присудила Озу престижную премию «За выдающийся вклад в реализацию идеи мира». Накануне открытия международной книжной ярмарки во Франкфурте, на которую был приглашен Оз для получения премии, уже германские крайне левые, не скрывающие симпатий к палестинским боевикам, развернули против писателя и Израиля крикливую пропагандистскую кампанию.

Ἰνὴ οἰεῖται ἐν τῷ ἀνθρώπῳ

...Ἰὺ ἰαῖαῖ ἰὸ ἀὰνὸν ἀαῖ ἰῖνὸν ἰαὸ ἐ ἰνὴ οἰεῖται - ἀρεὰ οἰεῖται. ...Ἀἰαῖαῖ ἰῖα ἰαδὰ ἰεὰ ἰῖ ἰῖαῖ ἰ ἰδὰ δὰ οὐ ἐδὰν ἰῖ ἰεῖα ἰ ἰδὸν ἐὰ, ἰ ἀνὸν ὄα - ἰ ὄαδὲ ἐ ἰδὸν ἀεὰ - ἰ ὄαεῖ ἐὰ

À. ἸϚ

Литературные герои Оза произведений последних лет еще активнее стремятся осмыслить происходящее вокруг, найти для себя пути искупления и примирения с самим собой и с окружающим миром, порой даже практически изолируясь от него.

Так, Йоэль Равив из упоминавшегося романа «Познать женщину», сын христианки и иудея, разочаровавшись во всех религиях, до одержимости увлечен уходом за своим садом. Он обретает себя, пойдя добровольцем на тяжелую работу в больнице.

Высочайшей степени психологизма достигает автор в романе «Третье состояние» (1991), ставшем заметным явлением в литературно-художественной жизни Израиля начала 90-х годов. Израильские критики практически единодушно назвали тогда это произведение лучшим в творчестве Оза. Роман, разворачиваясь в двух плоскостях – реальной и метафизической, – может быть понят, с одной стороны, как банальное жизнеописание типичного иерусалимского интеллигента и с другой – как произведение символическое и даже пророческое.

Главный герой романа Эфраим (Фима) Нисан-Норберг в реальной, видимой плоскости – типичный неудачник, стареющий (ему за пятьдесят) холостяк. Этаким бывший вундеркинд, не реализовавший ни одну из жизненных возможностей, он наделен множеством талантов, но ничего не добился в жизни, – классический, подчас гротесковый образец потерянных надежд и попусту растроченных сил. Сказанное сближает его с героями Чехова. Однако одновременно Фима – человек, которому вдруг открывается скрытая сторона предметов и явлений, событий, пейзажа. Он способен воспринять солнечный луч, мелькнувший на сером зимнем небе, как некий высший знак. И в этом он подобен еврейским мистикам и кабалистам, толкующим события внешней жизни как символы высшей правды.

Образ главного персонажа – несомненная удача автора. Фима Нисан-Номберг – самый реалистический, самый живой, теплый из всех созданных на тот момент героев писателя. Он может быть вашим соседом по дому или жить на соседней улице. Образ Нисана нарисован Озом с точностью почти физиологической. Но тот же сверхреальный Фима будет принят и теми из читателей, чей взор устремлен в глубину человеческой души, для кого наружность – только оболочка, временное вместилище бессмертной души.

Две стороны одной личности – прозаическая и поэтическая, физическая и духовная – подчеркивают, как хрупка грань между реальным и потусторонним, между успехом и неудачей, между талантом реализованным и беспечно растроченным. Неудачник Фима, быть может, оборотная сторона удачливого писателя Амоса Оза, предполагали тогда некоторые израильские критики.

Именно этого нелепого, вроде бы никчемного человека одолевает смутное, но непреодолимое желание примирить всех вокруг. Он чувствует вину за все зло на свете, и в какой-то переломный момент ему суждено пережить Третье Состояние. Фиме грезится человек, который поселится в его квартире через сто лет, даже имя у него есть – Иоэзер, и окружать Иоэзера будут рациональные, логично мыслящие люди, не такие, как сам Фима. Если героя на протяжении всего повествования два раза называют Евгением Онегиным, нужно принимать это всерьез. Этот иерусалимский дворянин тоже получает наследство – в конце романа и под конец жизни. В момент, когда он меньше всего этого ожидает, Фима становится владельцем крупной парфюмерной фабрики отца. При этом у читателя уже сложилось устойчивое впечатление, что Фима – кто угодно, но только не фабрикант. Однако на последних 25 страницах романа с героем происходит решительная метаморфоза: Фима становится энергичным, целеустремленным и уверенным. Он охотно вступает во владение обширным наследством, строит далеко идущие планы по развитию производства.

В день смерти отца, в корне перевернувшей его жизнь, у Фимы вдруг отключают телефон – за неуплату. Он оказался отрезанным от друзей, от обязательных политических споров, как бы в социальном вакууме, духовно и эмоционально незагружен. Вроде бы появилась наконец-то хорошая возможность спокойно оглянуться! – и тут вступает в дело знаменитое иерусалимское освещение... «По склонам холмов, словно благородный металл, разливался зимний свет... Свет касался горных кряжей, соскальзывал в овраги, пробуждая в каждом камне и дереве его истинную, сверкающую сущность, обычно скрытую в серых, мертвящих буднях.

...Он решил, что состояний даже не два, а три – сон, бодрствование и этот свет, заливающий все изнутри и снаружи. Подходящего обозначения Фима не нашел и назвал то, что чувствовал, Третьим Состоянием. Он ощущал, что свет излучают не только горы, но и он сам, и так рождается Третье Состояние, одинаково близкое к полному бодрствованию и самому глубокому сну, но, вместе с тем, отличающееся от обоих». Просветленный и душевно очистившийся Фима понятия не имеет, что делать с открывшейся ему истиной, которую он не в силах передать словами. Сумбурная попытка растолковать что-либо бывшей жене оканчивается крахом, он выходит от нее в состоянии какой-то странной эйфории. Фима идет пешком домой через Иерусалим, готовящийся к встрече субботы. Перемещение в пространстве сопровождается путешествием во времени – по дороге Фима вспоминает детство, исчезнувший ресторанчик, куда всей семьей ходили обедать, и его хозяев – немецких евреев. Добравшись до дома, он узнает, что отец умер вскоре после того как сам пережил Третье Состояние.

Конец романа достаточно символичен. Поздно вечером герой выходит из дома, беспечно гуляет по улицам и заходит в кинотеатр. Фильм – не тот, на который Фима хотел попасть, но он слишком устал, чтобы встать и уйти; он засыпает в кресле...

Подобно пушкинскому прототипу, роман Оза о современном иерусалимце, сыне харьковчанина, его друзьях и подругах – структура принципиально открытая и незавершенная, допускающая неограниченное число толкований.

«*Ī āāēpāāp ē iēōō*»

×ōī ŷ āāēāp? Āīēūōōf -āñōūāēēē ē ŷ Ī āāēpāāp ē iēōō Ī āāēpāāp ē iēōō..

Ā. Īē

В 90-е годы раскрылась еще одна грань творческой одаренности этого писателя – незаурядная способность заниматься глубокими литературоведческими исследованиями. Так, в 1993 году вышла в свет книга Оза «Молчание небес. Агнон поражается Б-гу». Эта работа, внешне простая и даже кажущаяся прямолинейной, в то же время достаточно сложна и многозначна. Произведение одновременно является литературно-художественным исследованием и своего рода автобиографией. В нем автор говорит о своей многолетней любви к Ш-Й. Агнону и его творчеству. Но, признавая себя учеником патриарха новой ивритской литературы, готовым перенять весь опыт учителя, преклониться перед ним, Оз утверждает свою художественно-этическую концепцию творчества. «Молчание небес» – книга, представляющая нам собственные, зачастую отличные от традиционных и устоявшихся, интерпретации Озом некоторых произведений Агнона.

В конце 1996 году писатель выпустил сборник литературно-критических эссе «Начинаем рассказ». Там он исследует одну из важнейших проблем литературного творчества: что является исходным посылом для художественного произведения и как его можно начать? Рассматривая произведения Гоголя, Маркеса, Кафки, Чехова, а также Агнона, Изхара, Шабтая и некоторых других, Оз концентрирует внимание на первых словах, предложениях и главах их произведений, анализируя, как в начале любого творения проявляется его содержание и последующее развитие.

Следует вспомнить, что еще в 1990 году за выдающийся вклад в дело развития словесности на языке иврит Оз избран действительным членом Академии языка иврит в Иерусалиме. Писатель с большой ответственностью относится к языку как средству и важнейшему инструменту художественного творчества: «...Писатели прежде всего специалисты по выбору слов, они – те, кто располагает слова в определенном порядке. Я считаю, что подбор слов и их расположение – это в какой-то степени проблема морального выбора».

Оз давно и постоянно занимается проблемами языка и стиля изложения, реализуя свои взгляды на практике в той или иной форме через художественные произведения. Так, еще в конце 70-х годов в статье «Об израильской культуре» он отмечал: «Динамизм и мобильность нашего общества столь драматичны, что язык перестает обозначать, определять существующие явления, он сам претерпевает быстрые изменения, и это оказывает болезненное влияние на развитие нашей культуры». И ниже: «...Язык опаснейший из всех музыкальных инструментов. Порча языка может быть предвестником страшных событий».

Ясно, что под понятием «борьба за язык» Оз подразумевает весь гуманистический процесс литературно-художественного творчества – главную миссию литератора: «Защита языка – это мой единственный способ поддержания мира: борьба против порчи слов, против распространения стереотипов, против расизма, нетерпимости и прославления насилия».

Литературный иврит Оза богат и красочен, в текстах произведений достаточно часто можно встретить остроумные афоризмы и элегантно выраженные глубокомысленные утверждения. Во многих произведениях звучит ирония, порой достигающая остроты сатиры. Вот почему работа в Академии языка иврит для писателя – это не только почетная, но и одновременно реальная и ответственная научно-популяризаторская миссия, которой удостаиваются далеко не многие даже известные и авторитетные израильские литераторы.

В начале 1994 года вышла в свет очередная книга Оза «Не говори: “Ночь”», быстро разошедшаяся в десятках тысяч экземпляров. Роман рассказывает о жизни мужчины и женщины в маленьком городке на юге Израиля. Автор так охарактеризовал сюжет своего произведения: «Это рассказ о непростой любви, о ребенке, о прошедшей любви, о жизни людей в маленьком местечке...» Книга написана в спокойной, камерной манере, подчеркнута далекой от напряженного и стремительного ритма жизни в крупных городах современного Израиля.

В конце 1995 года был опубликован роман для детей и юношества «Пантера в подвале», традиционно на несколько недель занявший первое место в списке бестселлеров в Израиле. Создавая произведение для юных читателей, Оз остался верен себе – он поднимает глубокие общечеловеческие проблемы, заставляет читателя задуматься об актуальных в любом возрасте философских вопросах – зачем я и все мы? Вот почему книги Оза для детей вызывают большой интерес и у взрослых читателей. Кстати, первой книжкой Оза для детей стала повесть «Сумхи», написанная в 80-е годы. Характеризуя ее, сам писатель говорил, что она адресована «детям от двенадцати до девяноста девяти лет».

Вместе с тем, несмотря на традиционный для Оза «тиражный» успех его книг середины 90-х годов, некоторые специалисты и литературные критики в Израиле уже не первый год осторожно говорили о снижении яркости и мощи творчества писателя, о повторяемости ситуаций и образов героев. Так, по мнению известного литературоведа Авнера Хольцмана, роман «Не говори: “Ночь”» – «пустой и безликий, являющий собой лишь слабое эхо той мощи и экспрессии, благодаря которым Оз занял свое видное место в ивритской литературе 60-х и 70-х годов».

Весьма плодотворным стал для писателя год полувекового юбилея Государства Израиль. В начале 1998 года Оз был удостоен Государственной премии Израиля. Весной писатель опубликовал сборник публицистических статей под названием «Все надежды: Мысли об израильской идентификации». В этой работе

Оз, по праву считающийся главным в Израиле выразителем культурно-общественных и политических настроений, царящих в обществе, собрал свои публицистические статьи за последнее десятилетие.

Осенью 1998 года Оз выпустил в свет роман «То же море». Эта книга стала очередным успехом автора: «Ничего подобного Оз не писал до настоящего времени», – эмоционально оценил это произведение израильский литературовед Хаим Пэсах. Уже упоминавшийся А. Хольцман также высказался однозначно положительно: «Большая и волнующая неожиданность – таково первое впечатление от новой книги Амоса Оза. ...Роман “То же море” – глубокое и трогательное за сердце произведение – означает начало процесса драматического обновления в творчестве Амоса Оза накануне его шестидесятилетия».

В 2002 году писатель вновь удивил своих читателей, после пятилетнего перерыва опубликовав новый для него по жанру автобиографический роман «Рассказ о любви и темноте». Эта книга – свидетельство еще одной грани литературного дара Оза, который увлекает читателя в практически скрытый до последнего времени мир своей семьи. Автор с немалым мужеством рассказывает о родителях и своем детстве, возвращается к домашним коллизиям – вплоть до откровений о трагической кончине матери, вспоминает также и о начале своего литературного творческого пути.

*«È òàéíàùì, àèáíí,
íñòáí òíí»
...В àáòþ á òí,
÷òí ÿíòíé èèòááàòòáà
ì íàéáò èçì áí èòííæéçíí
ì ííñò èþááé.*

À.Ìç

Анализируя творчество Амоса Оза, постоянно сталкиваешься с несколькими основными жизненно-насущными проблемами, пронизывающими все произведения писателя на двух главных уровнях – философском и морально-этическом. Сам Оз в одном из своих выступлений в 1986 году в Нью-Йорке на очередном всемирном конгрессе Пен-клуба так сформулировал морально-гуманистическую сверхзадачу гражданина и литератора в современном мире: «Как остаться человечным – то есть сомневающимся, способным различать оттенки моральных оценок – в процессе борьбы со злом? Как со всем пылом противостоять фанатизму? Можно ли воевать, не превращаясь в воителей? Как сражаться со злом, не заражаясь им? Можно ли “творить историю”, не поддавшись ее тлетворному влиянию?»

Писатель находится сейчас, вероятно, в расцвете своего зрелого творчества. Достигнув виртуозности в искусстве повествования, Оз мастерски развивает обычно несложный сюжет своих произведений и увлекает читателя драматическими ситуациями. Вместе с тем, следует отметить, что прозаик постоянно эволюционирует в своей творческой манере. Так, в романах последнего десятилетия он реже прибегает к острому драматическим коллизиям, достигая напряженности и захватывая читателя усилением внутреннего психологизма событий.

Однако, уже длительное время являясь бесспорно выдающейся общественной фигурой и одной из культурно-духовных фигур национального масштаба, Амос Оз, по его собственным словам, продолжал все эти годы оставаться «чужаком». Даже приезжая в Иерусалим – город, где он родился и где прошло его детство, писатель чувствует себя чужим. Вероятно, корни этого чувства уходят в то самое иерусалимское детство, в трудные и опасные 1948-1949 годы, когда город был окружен врагами, переживал арабскую блокаду, был под обстрелом орудий иорданского Арабского легиона, а затем оказался разделенным на восточную и западную части. Позднее, уже в молодости приехав в воссоединенный после войны 1967 года Иерусалим, Оз чувствовал себя чужим для него. И именно тогда он понял, что в городе своего рождения он «всегда принадлежал к меньшинству, к осажденным, к обреченным на гибель». «...Я – незванный пришелец, я проклятый чужак, ...я ходил по улицам Восточного Иерусалима как человек, вторгшийся в запретную для него зону. Чужак в чужом городе».

Эти ощущения от трехдневного пребывания в только что освобожденном Восточном Иерусалиме укрепили начинающего тогда литератора во мнении, что, очевидно, ему суждено быть внимательным, но как бы сторонним наблюдателем и описателем духовно-общественной жизни всего общества и конкретных израильских типажей в отдельности.

И жизнь, судя по всему, подтвердила верность выбора позиции и тогдашней самоидентификации Клаузнера-Оза. Спустя 31 год после поездки в освобожденный Иерусалим, в декабре 1998 года писатель в обширном откровенном интервью повторил осознанную им в молодости свою истину: «Я – чужак, я чужд окружающим по своим чувствам, социально и политически. Я не одинокий человек, но я совершенно определенно своего рода аутист. Я все еще чужак и таковым, видно, останусь...»

«I ñòeñeãñeíá áæí» çáíeí áàò ñáàðòáíí ññáíá í áñòí á ðýáò áàðeñeëò ððáááeé XIX ñòíeáòeý. «Áæí» ýòí íí ðáðeðáðò è í áñòðáááí íá ýáýeí, í ðááá, áeý ñáíáá áðáí áíe ÷áá-òí, eç ðýáá áíí áñòíáýááá, í ðáeáðóááá áííáðeáíeá, ññááíí áñeé ó-áñòó áá áeááííeó-íúe eññíá ðáí íáí áíáá ííí íáðeí íáðí íóð íííeýðííñòó áí áñò ñeýò ááðeñðáá è ññeáeíñí eçðáeáííeé ðáí íe íáðíáííá ðáíð-áñòáá. ððááí íáçááòó áíá íáíí ññáíðeá ðáð áðáí áí, eí ðíðíá áúeí áú ðáe eçðeðáeáíí eááíááí è è ñeáçáíeýí è. Í ðe-eíá, íááí ííeááñòó á ðíí, ÷òí ýòá, íí áíáeíáí ó áeáó, íáí-áííóe áñááðóááýñý ðóí íáý eññíðeý íáíeá á íááá áeááí úá ÷áðóó ðíe eéáññe-áñeíe «ááðeñeíe ððáááeé ñ ðíðíeí eííóíí», eí ðíðáý íá ðáç ííáòíðýeáñí á æeçíe íáeáá íáðíáá è á íñí íáá eí ðíðíe eáæeð áeáeáññeé ñðeáò, ñáýçáííúe ñ ííáííí è ííðááááí. Á «I ñòeñeãñeíí áæe», íðááá, íá áúeí Ýñòeðe, è íí áí ðeáðeðíáeé á áeáá «eíeéáeðeáííá eéðá», çàòí ðáí íáíáúeííáííí ñeéñíí ñeáçeéñíí áððeá ýeáí áí ðóó eáíííe-áñeíe áðáí ú: íáíæeááí íáý, íá íí-áá ýáííe íáíðáñeííó, ðáçðáçeáeáýñý áñçá, çáñòóííe-áñòáí ñáí ííðááðeáííá ááðáý eç «íðeáeéæáííó» íðáeðáeý è, á çáeçð-áíeá eáe áííóáíç - ííeííá ðíðeáñòáí íðáááú íáá eíæúð è çéíí, íòí áíá ñòðíáíá eáçá, áíçáeé-áíeá ííñòðáááeéð è ííñíáí eáíeá eð áðááá ðáeáeðáeéñíí eé, ÷òí ááðeñeáý íáñí, eññííeáííáý áíáíeýíe, eçí ó-áííáý íáñeéáí, æááíí ðááòááòñý çá ññáíðeý, ñeááòáeýñóáðóeá ÷òí «íá áðáí eáò è íá ñeð ððáíeðáeé Ýçðáeéý»?

Из легенд о «Мстиславском деле»

Ñ. Áí-ñeé

Евреи, разумеется, видят в «Мстиславском деле» повторение «истории Эсфири», и это легко заключить по тому, как народное творчество старается дополнить «Мстиславское дело» деталями, которые в нем отсутствуют, чтобы аналогия с библейской драмой была полной. Так, например, фольклор вводит в «Мстиславское дело» отсутствовавшую там женщину, которая будто бы сыграла роль Эсфири в спасении мстиславской общины. По одной легенде, «мстиславский Мордехай», реб Ицеле Монастырщинер, действовал через фрейлину, к которой Николай I был равнодушен и которая по секрету упросила царя пересмотреть «дело» (при этом р. Ицеле будто бы стоял за портьерой и все слышал). Другая легенда еще настойчивее утверждает сходство мстиславской «Эсфири» с библейской тем, что первая была якобы воспитанницей р. Ицеле.

С.М. Дубнов, столь выразительно описавший «Мстиславское дело», отмечает, что в еврейском документе («Чудесное событие, случившееся в 1844 г.»), на основании которого он составил свою «Хронику», «автор особенно подражал стилю библейской книги Эсфирь». Далее он говорит, что реб Ицеле Монастырщинер «по образцу библейских Эсфири и Мордехая советовал мстиславцам назначить в ближайший день общественный пост» и что когда мстиславский Оман, Бибиков, решил заключить заподозренных в «бунте» евреев в тюрьму, «это распоряжение было не без коварного умысла объявлено евреям в день праздника Пурима». Наконец, подчеркивает он характерно, что «для увековечения в памяти потомства необыкновенного события 1844 г. мстиславское еврейское общество постановило: ежегодно, накануне дня новомесячья адара (в день получения указа о чрезвычайной рекрутчине), все взрослые евреи Мстиславля должны соблюдать пост и читать в синагогах молитвы покаяния; в день же 3 кислева, когда получился указ об оправдании евреев, совершается ежегодно общественное торжество с чтением благодарственных молитв в синагогах». Опять-таки аналогия с Пуримом и предшествующим ему «постом Эсфири».

Еще в ранней юности мне привелось слышать рассказы об «амчиславской гзейре» от моей бабушки, на сестре которой был женат реб Ицхок Зеликин (реб Ицеле Монастырщинер), главный ходатай за мстиславских евреев. Гораздо позже, в конце 80-х годов, случилось мне слышать легенды об этом же деле и от посторонних реб Ицеле лиц. Приведу здесь одну из них, слышанную в Витебске от старика-еврея.

«Реб Ицеле Монастырщинер — да будет благословенна память праведника, — был самым обыкновенным евреем. Он даже не был особым ламданом (ученым). Он вел очень большие дела, держал казенные подряды и имел несметные богатства. Его состояние оценивалось в пять раз четыреста тысяч рублей ассигнациями (около миллиона рублей на теперешние деньги). Имя реб Ицеле гремело во всей округе, в десяти губерниях, на сотни миль кругом. И приобрел реб Ицеле такой почет и имя не богатством, даже не своей щедростью, а только своей готовностью идти на “месирас нефеш” (самопожертвование) за своих братьев-евреев. Где бы ни случились несчастье, напраслина, напасть, — бежали прежде всего к реб Ицеле; и он никогда никому не отказывал в своей помощи и защите. Особенно сильно сказала самоотверженность его при “амчиславской гзейре”, когда он дошел до самого царя, чтобы спасти общину от верной гибели.

Когда случилась эта история, реб Ицэле жил в Смоленске. Он был уже тогда очень богат и жил магнатом. В доме у него были десятки слуг, сотни приказчиков – “посланцев” и людей без определенных занятий, которые просто терлись возле богача. Реб Ицэле вел широкий образ жизни, швырял деньги направо и налево. В доме у него все подавалось на серебре и на золоте. Говорили даже, что у него были помойницы серебряные. Имел он, конечно, и богатый выезд, лошадей, кареты и все прочее, как у самых первых магнатов.

Однажды, в глухую полночь, когда все в доме спали, раздался стук у ворот, такой сильный, что все в доме проснулись и в испуге схватились с мест. Думали, что случился пожар или произошло другое какое-нибудь несчастье. Главный слуга выбежал из дома. У ворот он увидел высокого старика с длинной седой бородой, в большой “штраймл” (меховой круглой шапке) и в длинном, до пят, капоте. Едва только слуга открыл ворота, как старик заговорил с большим жаром:

– Разбудите сию минуту реб Ицэле! Мне необходимо его видеть! Дело идет о жизни и смерти целой еврейской общины! Слышите! Не теряйте ни минуты!

Услышав такие речи от старого и очень почтенного на вид еврея, слуга, конечно, понял, что дело нешуточное. Он ввел старика в дом, а сам побежал в спальню реб Ицэле, разбудил его и рассказал о случившемся. Реб Ицэле встал, поспешно оделся и вышел к старику. После обычного приветствия “шолом-алейхем” он спросил его, в чем дело. Старик рассказал ему следующее:

Я раввин города Амчислава и приехал к вам, чтобы вы спасли нашу еврейскую общину от ужасного несчастья, которое на нее обрушилось... Недели две тому назад произошла на базаре какая-то ссора между солдатом и еврейкой-торговкой. Затем началась драка. Сбежались другие солдаты (в местечке целый полк стоит), сбежались и евреи, и началось побоище. И вдруг, неизвестно откуда, раздался выстрел и один солдат упал убитым. Всех охватил ужас. Евреи в испуге разбежались, попрятались, где могли. Разбежались и солдаты. Началось следствие, допросы. Ну, конечно, всю вину взвалили на евреев, и начальство послало “стафет” в Петербург к самому царю с донесением, что евреи напали на солдат, стали их бить и одного забили насмерть. Короче, было выставлено, что евреи подняли нечто воде мятежа, Г-споди, сохрани и помилуй! И вот вчера получился обратно от самого царя “стафет” со следующим указом: выстроить на базаре всех евреев от детей до стариков и затем каждого десятого сдать в солдаты, хоть бы ему было 80 лет или 3 года; каждого пятого тут же, на базаре, наказывать нещадно розгами. И затем поставить на полгода во всех еврейских домах самый тяжелый солдатами постой... Короче – ужас, позор и разорение для всей еврейской общины! Евреи, конечно, прежде всего побежали в синагоги, на кладбища, подняли плач и вопль, назначили посты. Но одними слезами и постом такому делу не поможешь. Собрали наскоро “асифе” (совещание). Несколько самых почтенных хозяев, имеющих связи с начальством, взяли на себя добиться, чтобы выполнение приговора было отложено на некоторое время. И затем всё “асифе”, как один человек, решило послать меня тотчас же к вам с просьбой, чтоб вы стали в нашу защиту. После Б-га только вы можете нам помочь. При ваших связях в “высоких окнах” вы все можете сделать! И вот я приехал к вам, реб Ицэле! Спасите нашу общину от гибели и Царь Царей вам зачтет эту великую услугу!

Так рассказывал раввин. Он говорил тихо, но голос его дрожал и из его глаз ручьями текли слезы.

Реб Ицэле слушал его молча, и когда раввин кончил, он спросил его:

– Рабби! А вы уверены, что все это напраслина? Что евреи совершенно неповинны в крови солдата?

– Я уверен, реб Ицэле! Ведь, помимо всего, как могли евреи стрелять? Где у них ружья?

– А все-таки я хотел бы, чтоб вы мне дали клятву, что на евреях нет крови солдата.

Раввин поднялся и молча оглянулся. Реб Ицэле понял, чего он ищет, и повел его в комнату, где была устроена домашняя молельня. Там раввин вынул из кивота свитки Завета и на них поклялся, что евреи неповинны в убийстве солдата.

Больше реб Ицэле уже ничего не спрашивал. Позвал он слугу, велел сейчас запречь четверку лучших лошадей в лучшую карету и потом сказал раввину:

– Рабби, мы едем в Петербург.

И они тою же ночью уехали.

От Смоленска до Петербурга расстояние более чем 600 верст. И это расстояние они проехали в три дня. Не ехали, а летели, как стрела из лука.

Реб Ицэле ехал в Петербург не так себе, не на ветер. Он знал, куда он едет и зачем. Кроме того, что он имел доступ к самым важным особам, он был очень дружен с самим Кукриным, с первым министром при царе. Кукрин души не чаял в реб Ицэле, называл его не иначе, как “мой Ицка”, отдавал ему все казенные подряды и настолько почитал его, что иногда даже советовался с ним о государственных делах. Прибыв в Петербург, реб Ицэле заехал на постоялый двор, оставил там раввина, а сам отправился к Кукрину. Кукрин, конечно, принял его с почетом, повел в самый лучший зал, усадил и спросил, что ему надо. Реб Ицэле рассказал ему всю историю от начала до конца и попросил, чтоб он оказал свою помощь.

Кукрин выслушал его, сильно нахмурил лоб и ответил:

– Слушай, Ицка! Ты знаешь, что для тебя я все готов сделать. Но в этом деле даже я совершенно не в силах чем-нибудь помочь вам. Государь пылает гневом. Он ничего слышать не хочет; с ним нельзя даже заговорить об этом деле...

Но реб Ицэле не был ребенком. Он не смутился таким ответом. Он знал, как надо говорить с магнатом, и сказал:

– Властелин мой Кукрин! Это для меня не ответ. Ты должен спасти амчиславскую общину. Если ты захочешь, ты найдешь средство это сделать! И если ты это сделаешь, то помни, что я твой вечный должник на многие поколения... Понимаешь?

Когда Кукрин услышал такие слова, он начал ходить по комнате и думать. Долго думал он, потом и говорит:

– Единственно, кто мог бы чем-нибудь помочь тут, это наследник. Он один может решиться подступить к государю. Я попытаюсь поговорить с наследником. Может быть, он заступится. Он любит евреев. Завтра я дам тебе ответ.

С этим реб Ицеле ушел от Кукрина.

Вечером того же дня, едва реб Ицеле окончил молитву “маарив”, приезжает на постоялый двор сам Кукрин и говорит:

– Ну, Ицка, вы имеете великого Б-га! Наследник согласился поговорить с государем. Но он раньше хочет видеть тебя и раввина. Завтра в три часа дня придите ко мне, я повезу вас во дворец.

Можно себе представить, что пережили реб Ицеле и раввин в эту ночь. Они, конечно, глаз не сомкнули и всю ночь провели в слезах и молитве. На следующий день они решили поститься. После утренней молитвы, они отправились к “микве” (совершили омовение), надели чистое белье – короче, приготовились.

К назначенному часу приехали они к Кукрину, и тот повез их в царский дворец, а по дороге дал наставление, как надо вести себя пред ликом наследника.

Привез он их во дворец, ввел в огромный зал, украшенный золотом и драгоценными камнями, поставил их на место и велел ждать. А сам уехал.

Остались реб Ицеле и раввин в зале, а зал полон министрами и генералами, сенаторами и графами. И все стоят молча, навтыжку и ждут. А у дверей стоят два солдата с обнаженными саблями. И напал на реб Ицеле великий страх и трепет.

Оглянулся реб Ицеле на раввина – и видит: совсем другим стал раввин. Прежде он был сгорбленный, озабоченный, а тут стоит он прямой, высокий, и борода у него как будто длиннее стала, а лицо бледное, как смерть, но спокойное и как будто радостное, восторженное, точно он совсем отрешился от мира. А уста его что-то тихо шепчут. Еще более жутко стало реб Ицеле, и он шепотом спросил раввина:

– Рабби! Вы читаете “видуй”?

Раввин утвердительно кивнул головой. Начал и реб Ицеле читать “видуй”. И едва он кончил исповедь, как дверь сразу открылась. И за этой дверью, против нее, в следующей комнате, открылась другая дверь, затем дальше – третья, четвертая. И так открылись одна за другой двадцать дверей. И у каждой двери стоят по два солдата с обнаженными саблями. И, когда двадцатая дверь открылась, в ней показался сам наследник. Он был одет с головы до ног в золотое платье, на голове его была корона, и он весь сиял.

И наследник медленными шагами пошел по длинному-длинному ряду комнат, приближаясь к зале, где стояли реб Ицеле и раввин. Он сперва казался небольшим, но по мере того, как приближался, он становился все больше, все выше, все грознее.

– Реб Ицеле! Он не касается земли... – услышал вдруг реб Ицеле шепот раввина. И он сам тоже увидел, что наследник идет, не касаясь ногами земли. Сердце у реб Ицеле замерло, в глазах потемнело. А наследник подвигался все ближе, ближе, ближе...

– “Благословен Ты, Г-сподь наш, Владыка мира, уделивший из Своего величия смертному”, – прошептал реб Ицеле обязательную при виде особ царской крови молитву и... упал в обморок.

Когда реб Ицеле очнулся, он увидел себя в кровати, в богатой и роскошной комнате, а вокруг него стояли самые великие доктора с лекарствами. Вспомнил реб Ицеле, что случилось, и страшно испугался. Шутка ли, пред лицом самого наследника упасть в обморок! Больше всего мучило реб Ицеле, что он не успел изложить наследнику своей просьбы; и из-за этого теперь может погибнуть еврейская община. Горько стало у него на душе, и он заплакал. В это время входит Кукрин и говорить:

– Нечего тебе, Ицка, плакать! Ваш Бог опять заступился за вас! Все вышло к лучшему. Наследник не только не рассердился, но еще был очень тронут тем, что ты упал в обморок. Он рассказал обо всем этом государю, а государь сказал: “Человек, который падает в обморок при виде царского лика, не станет лгать. Приведите его ко мне”. И вот как только ты поправишься, я тебя представлю самому государю и ты ему лично все расскажешь.

Целых три дня пролежал реб Ицеле в кровати, и в это время доктора давали ему различные капли, чтобы укрепить ему сердце. И только на третий день он с Кукриным отправились к государю... Что касается раввина, то его реб Ицеле отправил на своих лошадях домой: встреча с наследником так повлияла на старика, что он совершенно расхворался и стал проситься, чтобы его отправили на родину.

Как рассказывал потом реб Ицеле, государя он испугался гораздо больше, чем наследника. Особенно испугался он его строгого взгляда. Ведь говорили, что у императора Николая был такой взгляд, от которого самые сильные люди падали в обморок, а у женщин бывали выкидыши. Только благодаря укрепляющим каплям мог реб Ицеле устоять перед императором Николаем.

Как только царь увидал реб Ицеле, он тотчас же гневно крикнул:

– Как вы, жида, осмелились убить моего солдата?!

Тогда реб Ицеле глубоко-глубоко поклонился ему и ответил:

– Властелин мой, государь! Евреи неповинны в крови твоего солдата. На них возвели напраслину.

– Но мои чиновники написали мне, что евреи убили солдата. Я моим чиновникам верю!

– Властелин мой, государь! – ответил опять ему реб Ицэле. – Твои чиновники люди и могли ошибиться. Пошли от себя высшего генерала, чтоб он на месте исследовал дело, – и правда выяснится.

Царь немного помолчал, расхаживая с опущенной головой по комнате, как бы что-то обдумывая. Вдруг он остановился перед реб Ицэле, взглянул ему прямо в глаза так, что у того вся кровь застыла в жилах, и спросил:

– Ну, а что будет, если генерал, которого я пошлю, тоже подтвердит, что евреи убили солдата? Чем ты тогда ответишь за то, что обманул меня, своего государя?

– Властелин мой, государь! – ответил ему на это реб Ицэле. – Чем я, ничтожный червь, могу отвечать перед тобою, великим государем? Но, если ты спрашиваешь, я должен отвечать. Если окажется, что я обманул тебя, то я сам налагаю на себя следующее наказание: у меня имеется состояние в пять раз четыреста тысяч рублей. Так все это состояние пусть будет взято в казну; у меня есть семеро сыновей, – пусть они все будут сданы в солдаты. А меня самого вели заковать в кандалы и сослать на каторгу.

Этот ответ, как видно, понравился государю. Он опять молча прошелся по комнате, потом подошел к реб Ицэле, положил ему руку на плечо и мягко сказал:

– Поезжай домой. Сегодня же поедет в Амчислав генерал исследовать все дело. И если окажется, что евреи не виноваты, будь уверен, что они не будут наказаны. В мое царствование еще ни один невинный не пострадал и не пострадает.

Ну, что долго рассказывать дальше? Реб Ицэле в тот же день поехал домой. В тот же день выехал в Амчислав и важный генерал, которому было строго-настрого приказано выяснить всю правду. Три недели продолжалось следствие, и выяснилось, что у одного из солдат нечаянно выстрелило ружье и другой солдат был убит. Наказание было снято с евреев, и они учредили в память этого дня местный праздник, который празднуется ежегодно в местечке до сих пор. Кстати, этот день совпадает и с годовщиной смерти раввина. Приехав домой, он протянул еще с месяц и умер. Во время болезни он плакал и огорчался, что не умер во дворце, перед ликом наследника. “Тогда моя смерть была бы для прославления имени Г-сподня”, – повторял он с горечью»...

Приведу здесь вкратце и другую легенду, сообщенную мне д-ром Б. Д. Мосинзоном.

«У реб Ицэле была воспитанница, полька, оставшаяся сиротою после того, как ее отец-повстанец был расстрелян в 1831 г.

Когда эта девушка выросла, она поступила компаньонкой к жене графа Татищева, приближенного Николая I. Когда случилось мстиславское дело, реб Ицэле прежде всего кинулся к своей воспитаннице, чтобы та упросила Татищева заступиться за евреев. Но воспитанница ответила, что она ничего не может сделать, так как граф Татищев ярый враг евреев. “Единственно, через кого можно повлиять на графа, – сказала она, – это через его жену, которая очень любит драгоценные украшения”. Тогда реб Ицэле переоделся купцом, взял пару бриллиантовых серег ценою в шесть тысяч рублей ассигнациями, понес графине и предложил ей купить. Графиня, увидев серьги, вся затрепетала. “Сколько ты хочешь за эти серьги?” – “Пять тысяч рублей, – ответил реб Ицэле. – Но так как ты женщина, то я не стану продавать тебе бриллианты без того, чтобы муж их увидел. Я их оставляю. Покажи их мужу, а я потом приду и сам с ним сторгуюсь”. Когда граф Татищев пришел и жена ему показала серьги и сказала цену, он тотчас воскликнул: “Это пахнет хабаром! Серьги стоят пятьдесят тысяч рублей. Не хочу их покупать”. Но с женщиной не так-то легко справиться. Стала она упрашивать графа да упрашивать, пристала к нему так, что он согласился принять реб Ицэле. Когда реб Ицэле пришел, граф строго спросил его: “Чего ты хочешь?” – «Я хочу, чтоб ты выслушал от меня только два слова», – ответил реб Ицэле. – “Ну, говори, но только два слова, не больше!” Тогда реб Ицэле поднес ему серьги и сказал: “Бери, молчи”. Граф принял серьги и сказал: “Знай, что я злейший враг евреев... Но что я могу сделать, когда ваш великий Б-г сказал о вас: “Ве-гам би-гъейсом бе-эрец ойвэйэм лой меастим ве-лой геалтим лейхалойсом, лехофейр бриси итом”*. Говори, чем я могу помочь вам?” Тогда реб Ицэле рассказал ему с начала до конца всю мстиславскую историю. Граф выслушал его и говорит: “Единственно, кто может тебе помочь, это наследник. Я с ним поговорю”.

Поговорил Татищев с наследником, потом позвал реб Ицэле и говорит ему: “Наследник согласился тебе помочь. И придумал он следующее. Так как с царем нельзя просто заговорить об этом деле, ибо он страшно разгневан на евреев, то наследник притворится больным, а я буду сидеть у его постели и разговаривать с ним. А когда царь придет его проведать и спросит, о чем мы разговариваем, наследник ему расскажет всю правду об этом деле и попросит помиловать евреев. А чтобы ты знал, о чем будут говорить и что царь ответит, я тебя помещу за дверью”.

Так и сделали. Наследник притворился больным и лег в постель. Татищев сел возле него, а реб Ицэле он поместил за дверью. Пришел царь проведать наследника. Видит он, – наследник о чем-то говорит с Татищевым, и спрашивает: “О чем вы разговариваете?” Тогда наследник ему рассказал все дело и сказал, что евреи не виноваты и что он напрасно их наказал.

– Ничего! – ответил царь. – Если они даже в этот раз и напрасно наказаны – за ними не пропадет!

Тогда наследник расплакался и стал просить отца, чтобы он помиловал евреев.

Царь вскочил и крикнул:

– Все жида, вместе взятые, не стоят того, чтобы ты из-за них огорчался и портил здоровье. Делай с ними, как знаешь.

À ÐÀÆÈÌ Á ÄÈÀËÏÃ

Àðñà Ëàáà è Ì èì ÑàñËòö

П.К. 19 июля 1893 года родился Владимир Маяковский...

А-Л. Извините, дорогой Пинхас, но мы-то при чем?

П.К. Если уважаемый Арье-Лейб так ставит вопрос, мы, конечно же, ни при чем.

А-Л. А на самом деле?

П.К. На самом деле, Владимир Владимирович Маяковский – крупнейший поэт иудео-христианской традиции.

А-Л. Вы, кажется, писали об этом в «Лехаиме»...

П.К. Да, статья «Великий симбиоз»... Почему, в частности, Октябрьская поэма озаглавлена «Хорошо»?

А-Л. И почему же?

П.К. Потому что потому!.. Цитирую:

И сказал Б-г: да будет свет. И стал свет. И увидел Б-г, что это хорошо. /.../ И назвал Б-г сушу землю, а собрание вод – морями. И увидел Б-г, что это хорошо. /.../ И произвела земля зелень, траву, сеющую семя, и дерево плодovitое... И увидел Б-г, что это хорошо.

А-Л. Иудео-христианская традиция – вещь достаточно древняя...

П.К. Но утвердилась аккурат в прошлом веке... во второй его половине.

А-Л. Как вывод из первой?

П.К. Несомненно. Долгожданная эпоха войн и революций обернулась тотальным уничтожением – классовый борьбой и расовой ненавистью. Люди поверили, что насилие – локомотив истории, и помчались на всех парах в светлое будущее – к идолопоклонству и новому язычеству.

А-Л. Как Энгельс восхищался первобытным коммунизмом, так Гитлер – Древним Римом и Грецией.

П.К. Ленин тоже увлекался латынью. Есть специальная работа, в которой прослежено, какие именно латинские обороты его вдохновляли.

А-Л. А Сталин до самой смерти не забывал греческий, затверженный в семинарии.

П.К. Вот-вот! Римская империя прокладывала каналы посредством преступников, а советская власть – руками заключенных. Это совпадение (соответствие) бросалось в глаза. Особенно тем, кто имел счастье (или несчастье) окончить классическую гимназию с золотой медалью.

А-Л. Позвольте я процитирую:

Дороги римлян, кто их строил? – вопрошал одесский золотой медалист. – Рабы? В чем жили? Бараки? Под открытым небом?.. А если дождь?

Можно представить себе множество рабов, которые скребут чуть ли не руками. А чем же? Хватит ли на всех орудий?.. Потеют, хотят есть, кричат, дерутся, мочатся, испражняются, умирают.

Кто конвоирует и стережет? Где кормится конвой? На чем спят?

П.К. Филолог классифицирует данный отрывок как пример негативного описания, которое (описание) рассказывает, в сущности, ни о чем и доведено до комического абсурда.

А-Л. Между тем бывший золотой медалист (Юрий Олеша) делится с нами жизненным опытом – на древнеримском материале отражает окружающую действительность.

П.К. Советскую реальность тридцатых, сороковых, пятидесятых годов. Ведь тоталитарные вожди – сознательно-неосознанно – находились под обаянием античного мира.

А-Л. Вплоть до мелочей. До той древнеримской хозяйственной инструкции, что следует повышать производительность через латинское certamine – трудовое соперничество среди рабов.

П.К. Отсюда вытекает: (а) что социалистическое соревнование + «великий почин» придумал Катон-старший (234 – 149 до нашей эры) и (б) кто такие мы с вами? Прежние передовики, стахановцы, ударники какого-то там труда...

А-Л. Даже девиз юных пионеров – древнеримская пословица: «Semper paratus. – Всегда готов».

П.К. Товарищ Сталин, уже не шибко здоровый, не в кителе и не во френче, а в какой-то вельветовой курточке, что при его строгости – почти халат, и вот проворчал будто бы по поводу отсутствия на заседании отдельных начальственных лиц: «В Риме, – говорит, – времен упадка многие сенаторы не занимались государственными делами, а посылали взамен себя вольноотпущенников».

А-Л. Дорогой Пинхас! Не только вожди слепнут от блеска язычества. В 1908 году молодой музыкант – впоследствии крупный пианист и педагог – увидел помпейские фрески. «Это, – воскликнул, – нечто необыкновенное! Люди уже никогда не будут такими! Даже Ренессанс не вдохновляет...»

П.К. А современный философ Ханна Арндт (еврейка по происхождению) укоряет иудео-христианскую традицию, что «настаивая на священном характере самой жизни, она наносит непоправимый урон общественному служению, идеал которого столь присущ античному миру».

А-Л. Философ-антифашист смыкается здесь с Гитлером. «Античность, – провозглашал тот, – лучше современности!» И призывал массы к «праведному фанатизму», поскольку «совесть, – обронил ненароком, – еврейское измышление, предназначенное для порабощения других рас».

П.К. Совесть, по Гитлеру, выдумали евреи. И стало быть, люди делятся на две категории: на тех (а), что внедрили это изобретение, и на тех (б)... иных... не внедривших... оставшихся вне иудео-христианской традиции.

А-Л. Они-то и приколотили к воротам концлагеря латинское изречение: *Suum cuique. – Jedem das Seine.* – Каждому – свое...

П.К. Композитор Феликс Мендельсон был выкrest во втором поколении. Но тетка его менять религию отказалась. Я, говорит, не хочу переезжать с первого этажа, на второй.

А-Л. Ну да, мы живем в общем доме: иудеи – на первом, христиане – на втором, мусульмане – на третьем. И если кто-то гадит соседу, он гадит себе, в своем доме. Нельзя взорвать первый этаж, чтобы не обрушить второй и третий.

П.К. Вернусь к Маяковскому. Пестрые «коротышки», которые вы подобрали, показывают нам, как взаимодействие культур оборачивается взаимодействием людей.

Владимиру Маяковскому – век и Червонец

Ади-Еврей

1. Согласные

Один М (Маяковский) сказал:

Изводишь

единого слова ради

тысячи тонн

словесной руды.

А другой М (Мандельштам):

– Для четырех строк произносим четыреста. Это совершенно буквально.

2. Март – кривые дороги

Весной далекого года моя тетка была на поэтическом вечере, где М (в одной фразе) обрисовал двух будущих классиков – Ахматову и Цветаеву:

– Обе дамочки, – говорит, – не нашего поля ягодицы.

Зал взвыл от восторга... А тетя Бася узнала, что есть за рубежами такой поэт – Марина Цветаева.

3. Игра слов

На том вечере юная моя тетка крикнула:

– Почему женщины не участвуют в турнире поэтов?

– Какой там турнир? – махнул М. – Сплошной турнир!

4. Тезки

Владимир Владимирович М говорил современнику: ничто не приводит меня (Маяковского) в такое состояние возмущения, гнева и ненависти, как юдофобство.

А Владимир Владимирович Н – Набоков (эпистолярный отзыв на роман Александры Толстой):

Почему, собственно, оной госпоже понадобилось вклеить аккурат в еврейскую семью (вот с такими носами, то есть прямо с кудрявых страниц арийского «Путеводителя по жидам»)... втиснуть на свои страницы этих, ах, каких невинных, ах, каких трепетных, ах, каких русских женщин.

5. Рыбку из пруда

М справлялся о Пастернаке: чем, дескать, занят?

– Стихи пишет. Все больше короткие.

– Это хорошо, что короткие.

– Почему же хорошо?

М усмехнулся:

– Короткие писать легче: пять минут – и готово. А с длинными – такая морока! Надобно присесть хоть на четверть часика.

6. При всем нашем уважении

Маяковского не впускали в Испанию.

– Что с них возьмешь? – сказал М. – Свиньерос и кабаньерос!

7. Любимый анекдот

Какая разница между Сталиным и пророком Моисеем, известно: Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин – из Политбюро.

Среди тех, кто лишился руководящей должности, был Григорий Яковлевич Сокольников (Бриллиант) – долголетний министр финансов (наркомфин).

А назначили некоего Брюханова.

– А как его настоящая фамилия – Ваух?

– Почему Ваух?.. Брюханов!

– Он что же, русский?

– Ну да.

– Ох, эти русские – всюду пролезут!

Ох, эти русские! – грохотал М.

8. Сумма прописью

Осип Максимович Брик перечислял прозаиков лапидарного слога: Дорошевич, Эренбург, Шкловский... Хотя короткую фразу придумали не они, а древнеримский рубака Цезарь: *veni, vidi, vici* –

Пришел, увидел, победил.

– Телеграфный стиль... – задумчиво сказал М. – Когда уж его освоят редакторы? Сдал рукопись, и сразу тебе резолюция:

Принять, посчитать, заплатить.

9. Милом з водой

«Тихий еврей» Павел Ильич Лавут, устроитель концертов Маяковского, рассказывал про местечкового жителя, что не в силах отмыть руки – ни спиртом, ни щелочью, ни керосином... уж и наждачной бумагой тер!

– А мылом с водой пробовал?

– Милом з водой?.. Ви знаете, не догадался!

Товарищи,

мылом и водой

мойте руки

перед едой.

10. О разнице вкусов

Лошадь

сказала,

взглянув на верблюда:

«Какая

гигантская

лошадь-ублюдок».

Верблюду вскричал:

«Да лошадь разве ты?

Ты просто

верблюду недоразвитый!»

И знал лишь

Б-г седобородый,

что это –

животные разной породы.

Старый Хаим идет по Лубянке. Из ГПУ (ЧК, КГБ, НКВД...) выводят верблюда.

– Люди добрые, – говорит Хаим, – вы только посмотрите, что они сделали с лошастью!

11. Об что звук

Молодой критик Ю (будущий космополит Юзовский) напал на поэта. Кругом такое творится: разоряют деревню, кулаки убивают селькоров, промтовары исчезли, жрать нечего!.. А вы, Маяковский, на весь свет разоряетесь: «Хорошо!»

– Дорогой Ю! – сказал М. – Если коммунизм действительно победит, все будет оправдано. А если нет, то и толковать не о чем.

12. Автовладелец

Все запомнили шагающего Маяковского. Этакий «вечный путник», как памятник на Садово-Триумфальной...

Поэт действительно много ходил пешком – из страха что-ничто подцепить в общественном транспорте... Оттого и «реношку» во Франции приобрел, чтобы поменьше соприкасаться.

13. Так записал Ильф
На желтой свадебной машине ехал великий поэт.

14. М и С
Маяковский: «Теперь я чувствую, что меня совсем отодрали от жизни».
Слуцкий:

Я только вернулся после
выигранной,
После великой второй
мировой
И к жизни, как листик,
из книги выданный,
Липнул.

15. На каком языке
Ласкательная домашняя кличка Щен вгоняла в столбняк телеграфистов, которые запрашивали друг друга по линии:

– Счен – что за имя?
– Сам не знаю. Наверное, блин, не по-нашему...

На манер этих почтовых работников советский классик Федор Иванович Панферов, спустя тридцать пять лет, докладывал по начальству:

Неизвестно зачем опубликованы письма к Лиле Брик. Это весьма слащавые, сентиментальные, сугубо интимные штучки, под которыми Маяковский подписывается так: Щенок.

16. Комментарий
Примечания, – жмурился и причмокивал Чуковский, – примечания – самое чудесное! Это ведь кто с кем, где кому, что почему...

Тут, хочешь не хочешь, вспомнишь Фриду (как в узких кругах контаминировали Фрида и Дунского) – соавторов-сценаристов – с их еще лагерной (до реабилитации) эпиграммой:

Чуковский мемуары пишет
снова.
Расскажет многоопытный
старик
Про файфоклок на кухне
у Толстого
И преферанс с мужьями
Лили Брик.

17. Признание
Лиля Юрьевна Б, взалхлеб прочитавши «Кюхлю», увлеклась автором. И при встрече приветствовал М начинающего прозаика:

– А ну, поворотись-ка, сынку! Перемолвимся, Тынянов, як дэржава з дэржавою...

Я –
        дедом казак,
                другим –
                сечевик,
а по рожденью
                грузин.

*Ï àeyè ïï Ï yñeòéé. Áàðà àññóíóèà àíàñèà «Ñèàçï-íúà ï àòàðèàéú»... Óèúáí óèññ;
íàðàáíààéññ, ï ðèàààéé óàáñ..
Ï íòíí àññ-òàéè íààðí óèññ, è ï àòàðèàéú, ñàí ï ññáé, íèàçàèèññ ñ àçï-íúà..
– È çà-àí ý íàýyáúààéññ? – ñèàçèè ïíyò.*

18. Первая встреча

Чуковский пришел в Литературно-художественный кружок, чтобы познакомиться с начинающим М. Тот играл на бильярде. Вышел нахмуренный, с кием в руке. Спросил неприязненно:

– Что надо?

Корней Иванович вытащил его книжку и произнес восторженные слова.

– Я занят, – прервал Маяковский. – Но если хотите похвалить... видите – крайний столик... старичок в белом галстуке... пойдите и расскажите ему.

– Крайний столик? – не понял Чуковский. – При чем здесь какой-то старичок?

– Я ухаживаю за его дочерью, – рокотал М. –

Она-то уже в курсе, что Маяковский – великий поэт. А папаша вот сомневается... Попробуйте убедить. – И кием, как пикой, указал направление.

Рабочая гипотеза:

Старичок в белом галстуке – присяжный поверенный Юрий Александрович Каган – отец Лили Брик и Эльзы Триоле, к которой (Эльзе) вроде бы сватался Маяковский.

19. Милый и дорогой Элик

5 февраля 1917 года Эльза Триоле (тогда еще Каган) получила открытку от «дяди Володи». Сердце, пронзенное стрелой, и рядом стихи:

Там дом в проулке, весь
в окошках,
Он Пятницкой направо от.
И гадость там на курьих
ножках
Живет и писем мне не шлет.

Внизу – росчерк и завитушка: А.С. Пушкин.

20. Билингва

Она же, Эльза Триоле, уже именитая французская романистка, любовь Маяковского и жена Арагона, обзавелась загородной усадьбой в четыре гектара.

Рада & счастлива. И поделилась с московской своей сестрицей Лилей Юрьевной Б:

В саду – грибы. Не очень-то
пригожие,
На сыроежков не похожие.
Только белые – несомненные,
Да сморчки – они
бессменные.

21. Переводчица

М не владел иностранными языками, разве что несколько слов по-грузински.

– За границей, – посмеивался, – болтаю исключительно на «триоле»... по-триолетски.

22. Поэт

В поздние тридцатые, подобно Михаилу Афанасьевичу Булгакову, стал оперным либреттистом Осип Максимович Брик. Лихо изготовлял арии, дуэты, народные хоры... И все – в рифму.

– Простите, – его спрашивают, – а раньше-то баловались стихами?

– Что вы! – отпрянул Брик. – Как я мог при Володе...

23. По Сергею Есенину

Вы думаете, что Ося Брик –
Исследователь русского
языка?

А на самом деле он шпик

И следователь ЧК.

24. Отбрыкался

22 февраля 1945 года, одолевая свою арбатскую спасопесковскую лестницу – пятый этаж без лифта, – вдруг пошатнулся и не дошел... упал на ступеньки...

Даже у тех, кто рыдать не
привык,
Слезы лились из глаз.
Умер Осип Максимович Брик –
Самый умный из нас.

Таким образом, дерзкий автор (Николай Глазков) сравнивал усопшего литведа с мировым гением и всемирным вождем:

Ужас
        из железа
                выжал сто
н.
По большевикам
        прошло рыданье.

25. Поезда и баржи

Бывает – выбросят,
        не напечатав,
                не издав.
Но слово мчится,
        подтянув подпруги.
Звенит века.
        И подползают поезда
лизать
        поэзии
        мозолистые руки.

Последнее произведение М – «Во весь голос» – очень любил П (Пастернак), что и сказалось в последнем его, Нобелевском романе:

Я в гроб сойду и в третий
день восстану,
И, как сплавляют по реке
плоты,
Ко мне на суд, как баржи
каравана,
Столетия поплывут
из темноты.

Его жизнь прервалась, – говорил П, – как рвется стихотворение: прямо на вдохе нажал спусковой крючок. Выстрел грохнул на лестнице... М лежал навзничь, наискосок. Сизое облачко таяло и рассеивалось, как выдох. Пахло порохом...

Я знаю силу слов
        Глядится
                пустяком
опавшим лепестком под
каблуками танца
но человек душой губами
костяком

Áεάάεí εδó Èííî áε: ó Áδè ò áí εσñéî ò - 70 έάò

Воспроизведем маленькую заметку из Краткой Литературной энциклопедии.

Британишский Владимир Львович (р. 16. VII. 1933, Ленинград) – рус. сов. писатель, переводчик. Окончил Ленингр. горный ин-т (1956). До 1973 работал в геофизич. партиях. Систематически печатается с 1955. Автор сб-ков стихов «Пути сообщения» (1966), осн. тема к-рых – романтика освоения Севера. Оpubл. книгу прозы «Местность прошлого лета» (1969), переводы из польской, амер. и англ. поэзии, статьи о польской лит-ре 16, 17 и 20 вв.

Л.В. Шерешевский

Том подписан к печати 07.06.78... За истекшие четверть века, при смене общественно-политической формации Владимир Львович Британишский выпустил еще несколько книг:

«Открытое пространство», 1980; «Движение времени», 1985; «Старые фотографии», 1993, а также двухтомник (совместно с Натальей Астафьевой) «Польские поэты XX века», СПб., 2000.

Приветствуя и поздравляя юбиляра, публикуем стихотворение из его сборника «Старые фотографии».

Áεάάεí εδó Áδè ò áí εσñééé

Ñí áσáí í úé áδáε

*« Òáá, εòí áñ áσáí í ïí áδáεá, í á áúáò ò ðñáòú, -
óðáσáε í òáá. Ðá:ú σεά í í ðéýεáá
Ì á ò ú ñεάáε á ò á áí ε, í εεάáý ññéí á
Β í á ñ ðáσéááε ñ ù ñεά, çáí ï ï í εé áí ðí ε εó
áí ñáí ù ñεí á, í í áñεóáí í úó, í ðεóí ï í ý ò í úá*

*Í áí σéí ñú í á ò ðñáεé á Èáí εí áδááá
Í áí ó í ðéýεó εç Ááð:εí ú, í á ñ ñεάεé.
Áú, í ðéýεé, í ðñáðé ò á í í á Á-áá ðááε,
:ò í á áñáéí ó áááñò áεé ý áúé í á ñ ááí ε.*

*« Òáá, εòí áñ áσáí í ïí áδáεá, í á áúáò ò ðñáòú, -
óðáσáεá í á ò ú Ðá:ú σεά í á ááðéýá
Í í ε í ò áá ñεάáε, í εεάáý ññéé
ε í í:òé ò ï ðñí ý: ñéí ðáá á, ñéí ðáá á*

*Í áí σéí ñú, í á áú ñεάεé: óí áð Ñò ááéí,
ε í á ò ðñí óéé ñí áñ òá Ñáóáá ε Èáóáá
(Á í ï ò ï, áýáεóú ý í ò é ðñí úéó ñò áéé
áí çáðáúá ò ú éáéí úéí á ε :áñ ò ú éáεεáçóáá).
Òáé áñ ò ε áεé ý, ðñáááí úéé á ñ áσáí í ïí áδáεá
:ò í ááðáý ε í ðéýεó ñáýçáé áδááñ áδááí í.
È áí í í á ááðáá ε áí í í á í ðéýεá
:áéí ááé áúé áááεáú áðááí í í ðúááí.*

*Áá, í í σéóðá ñ σεά ñí áí ý í ñ ñ ðñáεúýý,
ε :óεéá í áñ:áñ ò úý ý í á í á :óεéá
ý - ò á ò áðéí ε ðñí ñεéé, í áí áá Í í áí εáεúýý,
áðí ýí εí εç Ááéá, í í ε ò óðñé ò í ε á
ñí éáí áí í éé áñá, εòí áεéáð ò ε áεéé.*

*È ááí εí áý ðáí á í ðεó ñ çí áí éé
ε ðñáí ò í:εò í ðáá:óáñ ò áεýí ε ε ñí áí ε:
εò ñ ñεάεé, ò áé, ñò áéí áú ò ú í áñ ñ ñεάεé,
áñá, :ò í ñí éí ε ñεó:ééí ñú
ñεó:ééí ñú ε ñí áí ε.*

*Èþáé! × ò í áε áú í á áεáε ò á áδáò á á áδáò á?
Í í - ò áéí ε ááñáí úé, ò áéí ε, εáε áñ áñ,
í í, ðñáááí úéé á ò ïí áá ñ áσáí í ïí áδáεá
çéí í ðεó:í ïí áδáεá Áááí á ñ Ááí é.*

Daẽã Áeĩõ

*Í ðeí aĩeã çãeãõí àÿ ì íeãã
Í eẽúã, íáí ðeí úã ñeíãã:
Eãõí eé ñã, Óíí òãí eã è Íãã*

*Áú, ñeíãã çãeãõí úã, éõúã?
Çããí õõí ÿò ÷ãeéã ãõíãã
E ÷ãeãÿ íeããõõíÿ áíãã*

*Áãñ íã áÿõú, íã ñí ðÿòãõú, íã í ðíãã òõú
Íããí æeõú - íã íããí ãñí
ì eíãõú
× òíãú áíeũí íã áúeí ííÿõú
Íã eãòè áãúí íí ñãé è ðeéã
Í ðÿ÷ã ùãéé á íáí çãí ñeíí íeãõéã
Ðeéããeõã áí àí eííé ðeéã
ÿòí áúeí, áúeí è í ðíõeí,
× òí í ðíõeí, òí áíÿãé çãí æeí.
Í òõíã òãé íãõõí è ñãõõeí.*

Стихи написаны в феврале 1932 года, накануне (округлим) 230-летия Петербурга. Когда городу исполнилось 240, автора не стало. Мы печатаем стихотворение в год 300-летия северной столицы, где (19.09.1899) Раиса Ноевна Блох родилась.

Закончила гимназию, затем Петроградский университет. В 1922-м как специалист по средневековым рукописям уехала в научную командировку за рубеж.

Жила в Берлине, в Париже... Во время второй мировой войны арестован муж, умерла дочь. По вызову брата пыталась переселиться в Швейцарию. Задержана на границе и передана немецким властям. В 1943-м – без месяца и числа – погибла в лагере.

Через полвека (с маленьким гаком) в столичном издательстве «Изограф» вышла книга Раисы Блох «Здесь шумят чужие города...» (Москва, 1996). Составление, предисловие и примечания Виктора Леонидова. Тираж – 1000 экземпляров.

Стихотворение о залетной молве («Чужие города») положено на музыку Александром Вертинским и как его песня разнеслось по всему миру.

Вопросом на вопрос

י עבאעע פארא גאע:

14 июля 1914 года родился Исаак Башевис-Зингер. В 1991-м, 24 июля, его не стало.

Нет, это – не лукавство. Не способ уйти от прямого ответа. И не желание потянуть время, чтобы собраться с мыслями.

Это – ощущение Замысла. И полноты Творения. Взгляд на мир глазами, искрящимися радостью и полными печали. Велика скорбь во многом знании, да только око никак не насытится зрением.

Дано через Брейшис: в первый день Творец отделил Свет от Тьмы. Но одно без другого ни определено, ни осознано быть не может.

Тут самая пора спросить: «Это понятно?»

И услышать в ответ: «А вам?»

Передо мною две книжки Исаака Башевиса-Зингера. «Люблинский штукарь» (перевод с идиша Асара Эппеля. М.: Иностранка, 2002) и «Суббота в Лиссабоне» (перевод с английского Н.Р. Брумберг. СПб.: Амфора, 2002).

Исаак Башевис-Зингер – очень хороший писатель. Простой, внятный, прозрачный. И лауреат Нобелевской премии. Семьдесят пятый по счету. Единственный, кто писал на идиш.

Повторяю: на идиш. Вопреки местной грамматике я не склоняю данное существительное. Аф-идиш.

В наше время обращаться к миру на идиш – все равно, что кричать в пустоту. Мир, однако, Зингера услышал. Зингер умел передавать то самое неслышимое, которое, сколько ни переводы, все равно останется. Оно – не в звуках и не в буквах. Оно – в Присутствии, которым дышит каждое слово.

Язык – одежда души. Идиш вышел – словно грубоватый и просторный театральный балахон. С пестрыми заплатами древнего – материнского – мамэс-лошн. Из добротной германской дерюги. Выбелили, обмяли, обтрепали под себя. По кусочкам сшивали. Травинками. С обочин всех европейских дорог. Тысячу лет пылили по ним потомки Израиля.

Именно – театральный балахон. Потому что вечно у всех на виду и при этом – особняком. В черте оседлости. На пятачке гетто. Как на сцене. У народа была роль. И сверхзадача. И обязанность перед Автором – донести Слово.

Станиславский причислял евреев, наряду с итальянцами, поляками и еще кем-то (французами? грузинами?), к самым артистичным народам.

Зингер об идиш в нобелевской речи:

Этот язык равно презираем как неевреями, так и эмансипированными евреями. Но никто не может отрицать: те нравственные и моральные принципы, которые многие религии только провозглашали, для евреев в гетто были нормою жизни... Кто изъяснялся на этом языке, – они-то и есть народ Книги в истинном смысле... Можно сказать еще: идиш – язык мудрости и смирения, способный выразить страхи и упования человечества.

Для русскоязычного читателя классическая литература на идиш начинается с «Путешествия Вениамина Третьего» Менделе Мойхер-Сфорима (Ш.Я. Абрамовича, 1836 – 1917). Безумец в мантии-рубище – главный герой этого повествования, инсценированного в ГОСЕТе. С Михоэлсом в главной роли.

Мойхер-Сфорим – в переводе с мамэс-лошн – книгоноша-лотошник. (Что-то не напоминает мне русский автор с псевдонимом Офеня...)

Основоположник Мойхер-Сфорим открывает на идиш литературную традицию эмансипированного еврейства. Вершина ее – Исаак Башевис-Зингер.

Из нобелевской речи:

Я пришел к неверию, к сомнению, к отрицанию... Но никогда не соглашусь с теми, кто считает, будто Вселенная – результат слепой эволюции, сочетание случайных физических и химических процессов... Цель человека – употребить все силы, все свои знания, чтобы служить Бгу – Тому, Кто говорит с нами через дела Свои, не через слова, язык Которого – Космос.

А теперь – мир, глазами хасидского мальчика с Крохмальной улицы... Но сперва уточним адрес.

Ильф:

«Крохмальная – Молдаванка Варшавы».

Паустовский:

«Молдаванкой в Одессе называлась часть города около товарной железнодорожной станции, где жили две тысячи одесских налетчиков».

Там-то, на Крохмальной, в задних комнатах бейс-дин – раввинского суда – рос и воспитывался мальчик. И вдруг очутился на природе и увидел Бжий мир:

Даже небо не такое, как на Крохмальной, – не узкая полоска, а широкий безбрежный океан до самой земли – будто какой-то сказочный занавес.

Птицы кружились над нами. Целые стаи птиц. Свистели, щебетали, каркали. Пара аистов проделывала круги над одним из холмов. Порхали бабочки – яркие, всех цветов, какие только бывают на свете. Пахло влажной землей, прелой травой, сюда же примешивался дым паровоза. И было еще что-то неуловимое, пьянящее, отчего голова шла кругом.

Невероятная, необычайная тишина... можно услышать, как шелестит трава, как что-то там шуршит, кто-то возится у самой земли, как нет-нет да чирикнет птичка. Что-то – лепестки, пыльца – падало сверху, оседая на рубашке, на полах моего капотика. Я поднял глаза... небо, солнце, облака... и вдруг ясно понял... вот так и был создан мир: земля, небеса, воды...

Этот же мир увиден глазами Яши Мазура – люблинского штукாரя, местечкового Дэвида Копперфилда образца последнего десятилетия позапрошлого века.

Он ехал, а месяц торопился вслед. Поля были прекрасны! В лунном свете метелки пока еще зеленых колосьев казались серебряными. Отчетливо виднелось каждое огородное пугало, каждый стебель, каждый василек на меже. Роса падала на землю, как мука из Б-жьего сита. Во тьме что-то колобродило и происходило, точно незримые зерна сыпались в незримые жернова. Лошади – и те нет-нет поворачивали головы. Казалось, было слышно, как корни сосут землю, как растут стебельки и текут подземные воды. Иногда в полях проносилась тень словно бы сказочной птицы или слышался какой-то высокий звук, но не человеческий и не звериный, точно некое чудище (курсив наш. – М.К.) носилось в безднах ночи.

Асар Эппель, переводчик «Люблинского штукாரя» с идиш, показал мне в оригинале выделенные курсивом слова. И прокомментировал. Гэшпэнштикэр риз – призрачный (в смысле потусторонний) великан.

Вот и Зингер причастен к тайнам Творения. Оттого и роса с небес – как мука... Будто ему, Зингеру, и нам, читателям, дали подержать это Б-жье сито...

Не так давно в МЕОЦе была презентация. Устроители представляли книгу «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем». Сам раввин присутствовал, словно вживе сошел со страниц. И толковал об «еврейском взгляде» на мир.

Да это ж совсем в духе Зингера!

Героиня рассказа «Эгоист» из сборника «Суббота в Лиссабоне» русская революционерка Мария Давидовна доживает свой век в Нью-Йорке и признается автору-повествователю:

Что до меня, то я растратила жизнь впустую. Забыла, что я еврейка, «идише тохтер». Раз я прочитала в Библии об израильтянах, что поклонялись идолам. И сказала себе: «Моим идолом была революция, и за это я несущу наказание от Б-га». Он... оставил меня одну – чтобы я умирала не один раз, а тысячу.

Тема греха и наказания, Б-жьей кары и Б-жьей милости воплощена Зингером в повести «Дер кунцнмахер фун Люблин». Асар Эппель нашел, на наш взгляд, удивительно точное русское слово для этого «кунцнмахер». Не «волшебник», как сам Зингер перевел на английский и как (по какому-то из «голосов», припадая к «Спидоле») услышал некогда Эппель.

Не «волшебник», не «фокусник», не «чудодей», а именно штукарь. В трех значениях по современному толковому словарю:

1. Устаревшее. Опытный, искусный мастер в каком-либо деле.
2. Разговорное. Шутник, забавник, озорник.
3. Просторечное. Ловкач, пройдоха.

Примеры из Писемского и Горького опустим. Пример из Чехова приведем:

Á íàσá áðáí ŷ íáðáúàòúñŷ é í èðó íà èäèσ - áñí ðááí î, ÷ò î èðè: àòú á í áñò ðò á Í èð, íáí áéí, ζéí áñðá óññúσ äë.

Штукарь был! Теперь таких и нет проказников.

Яша – грешник. Нарушил седьмую заповедь. И не жалеет. У него – при живой любимой жене (набожной и несчастной в своей бездетности Эстер) – кругом зазнобы: цирковая ассистентка Магда, воровская «соломенная вдова» Зевтл... Да и с восьмой заповедью Яша не в ладах. С отпетыми ворами якшается. И сам подумывает: украсть – и вырваться на свободу! Яше не хватает простору. В провинциальной Польше тесно. Европу подавай! А то и Америку...

Как тут не вспомнить классический диалог: сколько земли надобно человеку? По Толстому – три аршина (213 см.). Нет, Лев Николаевич, возражал Чехов, трех аршин довольно для мертвого, а живому нужен весь мир.

Порой Яше казалось, что он еще мальчик, порой – что прожил сто лет... сам научился польскому, русскому, грамматике, арифметике... голова набита сведениями, датами... запоминал все и ничего не забывал... достаточно взгляда, чтобы разобраться в человеке... умел отгадывать мысли, читать с завязанными глазами, разбирался в магнетизме и гипнозе...

Да, Яша необычный человек. Об этом твердит и Эмилия – его возлюбленная, недостижимая мечта.

По ночам, в постели, едва он закрывал глаза, Эмилия являлась ему, осязаемая и живая, говорила умные слова, целовала, ласкала, заморачивала (курсив мой) нежностями.

Явственны параллели между «Люблинским шукарем» и книгами Достоевского. В Яше Мазуре, на мой, разумеется, взгляд, как бы сфокусированы и братья Карамазовы, и Родион Раскольников, и даже, простите, старец Зосима. Перекликаются и женские образы. А сцена «убийства» (у русского классика – без кавычек) напрямую отсылает читателя к «Преступлению и наказанию».

Оба – и люблинский «кунцнмахер», и петербургский студент – действуют как во сне. Но Раскольников – «без фокусов»: топором. А шукарь Яша – отмычкой. И вдруг...

...Ему открылась жуткая картина. Старик лежал с лицом, залитым кровью. Кровь – на подушке, на пододеяльнике, на стариковской ночной рубахе...

Кажется, Зингер пишет, а сам шевелит губами за рабби Нахманом Брацлавером.

В различных событиях, происходящих с человеком, скрыт зовущий его голос Б-га – тихий, негромкий голос. Поймите это.

Потому даже имя «кунцнмахер» выбрано не случайно. Свыше библейский Иаков наречен Израилем. По той же причине на старике – не кровь, а свет восходящего солнца. Метафора. Всего-навсего – кровавая заря.

У рабби Штейнзальца спрашивают:

– Так что же, еврей не мог бы сочинить «Записки охотника»?

– Еврей, как всем прекрасно известно, может все что угодно. Но еврей с еврейским миропониманием, – конечно нет. Отношение к охоте есть частный случай общей идеи – не причинять страдания живым существам.

И Яша Мазур бежит. Куда? Куда глаза глядят. Вот он – не то в богадельне, не то в синагоге. И снова – как во сне. Но это уже спасительный сон. Какой-то старик велит обнажить левую руку и наклонить голову, повивает ремешки тфилин, а после обвязывает Яшины пальцы так, чтобы получилось «ша-дай».

– Вы, мне кажется, давно не молились...

– Очень давно.

– Что ж, никогда не поздно...

Зингер помнит, что сказано в Шир а-ширим Раба:

Не относитесь к притче пренебрежительно. Подобно тому, как при помощи грошовой свечки отыскивается оброненный золотой или жемчужина, так с помощью притчи познается истина.

Яша запирается. В кирпичном затворе – четыре локтя в ширину, четыре в длину. Книги, лампа, тулуп. И лопата – зарывать нечистое. Ты останешься со своим грехом, со своим смрадом. Наедине...

Отныне и слова не принадлежат Яше. Они у Того, чей «тихий голос» позвал его в эти четыре стены, где святому рабби Янкеле Кающемуся открываются такие горизонты, такой простор, что и не снились «кунцнмахеру» Мазуру, когда он все рвался куда-то...

«Суббота в Лиссабоне» – рассказ из одноименного сборника. Написан от первого лица. Герой Зингера плывет через Океан в Европу с передышкой в Лиссабоне.

И вдруг – ба!..

В холле было тесно от моих соотечественников из Нью-Йорка и Бруклина. Их жены с крашеными волосами, грубо, небрежно наложенной косметикой курили, дулись в карты, хохотали и болтали одновременно. Дочери в коротеньких юбочках составили собственный кружок. Мужчины внимательно изучали «Интернейшнл Геральд Трибьюн». Да, это и есть мой народ, подумал я. Если Мессия придет, то именно к ним – других ведь нет.

А потом происходит чудо. В распахнутое под самой крышей окно врывается другой, невесть когда оставленный мир.

Черепичные крыши. Багровая луна. Как странно – петух прокукарекал где-то поблизости... повеяло свежестью...

В одно мгновение все изменяется, наполняясь призраками навсегда ушедшей и уже почти забытой юности... Легкая тень проскальзывает перед нами:

Я лежал не в состоянии заснуть и, как всегда, ожидая прихода моей давно умершей любимой.

А с утра появляется Мигел де Албейра. Худощавый, смуглолицый, с высоким лбом и впалыми щеками. Подчеркнутая обыденность при необычайной и немного нарочитой его заботливости словно намекает на некую, едва уловимую инфернальность...

Первая прогулка по Лиссабону – и снова призраки. Огромной невидимой толпой.

Сеньор Мигел де Албейра выказал необыкновенное искусство маневрирования своим крохотным авто... на узких, извилистых улицах, идущих то вверх, то вниз мимо домов, которые, видно, стояли тут еще до землетрясения 1755 года.

Землетрясение 1755 года стерло с лица земли почти весь город. Знаковое европейское событие. Оно понадобилось и Вольтеру («Кандид»), и спустя век – послекаторжному (1861) Достоевскому. Оба классика относятся к геологической катастрофе философски...

Вольтер утешает лиссабонцев: мол, что ни делается – все к лучшему. А Достоевский запускает в разрушенный город своего современника – великого русского поэта, каковой декламирует:

Шепот, робкое дыханье,

Трели соловья...

***«...Αἰεὶ ἰ ἀνῆῖ ἰ δὲ ἀῖο, οἱ εἰ ἀίίί εἰ ἰῖ, ὀὰεεῖ, ἐὰεεῖ ἰ ἰ
ἀῖοῖ(?)...»***

Несчастные лиссабонцы, по Достоевскому, побивают г-на Шеншина (А. Фета), а лег через тридцать ставят памятник...

Лиссабон. Город мертвых. Осязаемый парафраз Катастрофе – Шоа.

В субботу – новые экскурсии и новая толпа призраков – «...разрушенные замки, старые церкви, парки со столетними деревьями...» И церемонное, от всей семьи Албейра, приглашение на субботний обед...

...Дом ... когда-то был дворцом. А теперь здесь все сыпалось. Тяжелая украшенная лепниной дверь открылась, и передо мной предстала женщина: в черном, с оливково-смуглой кожей, с волосами, стянутыми в тугую узел... Когда я вручил свой презент (пару подсвечников), она залилась краской, как это случалось с женщинами во времена моего детства... Она напомнила мне Эстер, мою первую любовь, – девушку, которую я не посмел ни разу поцеловать. Ее убили нацисты в 1943 году.

Вот она – его возлюбленная, которую он зовет каждую ночь перед сном. Что это – чудо? Да. А за ним – следующее. Еще полчаса назад эмансипированный еврейский писатель, презрев субботние запреты, покупал совершенно субботнюю вещь – подсвечники... (Все – по Фрейду!..)

И вдруг – время остановилось, перевернулось, обратилось вспять...

Б-же милостивый... Царица-суббота, покинутая много лет назад, настигла меня здесь в Португалии, в католическом доме.

Но нет – дом не совсем католический... Любезный Мигел де Албейра оказывается вдруг... евреем. И предъявляет доказательства – старинный еврейский манускрипт:

Один из моих предков написал это. Шестьсот лет назад.

Каждое слово, каждое изречение представлялось мне знакомым до тонкостей. Я изучал это по другим книгам. И ошибки, сделанные переписчиком, были те же самые.

В который раз призраки заполняют пространство повествования...

Герою Зингера слышится субботний голос матери: «Б-г Авраама, Б-г Исаака...»

И в молчаливой хозяйке отчетливо проступает погибшая возлюбленная.

Г-споди Б-же, да это же Эстер, те же черты, те же волосы, лоб, нос... Эстер вернулась...

И тогда голосом Эстер сеньора Албейра задает христианский по сути вопрос: «Вы верите в воскресение мертвых?» И герой Зингера, словно слыша себя со стороны, отвечает за себя и за весь свой народ: «Они не умирают никогда».

«Что это?» – ошеломленно спросим мы. И, набравшись духу, повторим, за Исааком Башевисом-Зингером расставляя вопросительные знаки: «...Если Мессия придет, то именно к нам, таким, какие мы есть(?)...» А после, аф-идиш, вопросом на вопрос, чтобы совсем стало понятно, перевернем все – с ног на голову и обратно: «...Других ведь нет(?)»

«Я почти 10 лет ходил мимо еврейского кладбища, не зная, кому оно принадлежит»

Алексей Евстратов

5 мая в помещении Государственного исторического музея в Москве состоялась церемония награждения победителей четвертого всероссийского конкурса работ старшеклассников на тему «Человек в истории. Россия – XX век». Его организаторами стали Международное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал», Совет по краеведению Российской Академии образования, кафедра региональной истории и краеведения и центр устной истории РГГУ. Спонсоры конкурса – Европейский Союз (Брюссель), РОО «Открытая Россия» (Россия), Фонд Форда (США), Фонд имени Генриха Белля (ФРГ). Всего на конкурс поступило 2960 работ из 1024 городов и сел России. 4 апреля жюри отобрало 40 лучших работ.

На церемонии школьников поздравили председатель жюри конкурса, академик Российской академии образования, председатель Союза краеведов России С.О. Шмидт, председатель Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте РФ, президент Фонда «Демократия» А.Н. Яковлев, председатель Комиссии по правам человека при Президенте России Э.А. Панфилова и другие. А.Н. Яковлев в своем выступлении, сказал, что участники конкурса своими работами «сеют правду и совесть по всей стране». Президент института национального проекта «Общественный договор» Александр Аузан выразил надежду, что хотя бы следующее поколение сможет осуществить грандиозную работу по написанию реальной истории России – истории ее общества.

Многие ораторы отмечали, что за несколько лет своего существования конкурс превратился в одно из самых значительных мероприятий, связанных с определенной областью исторического знания.

Среди пяти работ, удостоенных первой премии, – работа одиннадцатиклассника Алексея Евстратова из города Борисоглебска (получил в качестве приза компьютер). Она называется «Следы еврейской общины в городе Борисоглебске».

Наш корреспондент побеседовал с призером и его научным руководителем И.И. Иванниковым.

– Как вы вышли на еврейскую тему?

А.Е. (А. Евстратов): Я почти 10 лет ходил мимо еврейского кладбища, не зная, кому оно принадлежит. Захотелось выяснить, тем более, что еврейская тема у нас в городе практически не затрагивается никаким образом.

– А сколько всего евреев сейчас живет в Борисоглебске?

И.И. (И. Иванников): Сейчас в Борисоглебске примерно 75000 населения. 22000 – переселенцы из Средней Азии. А евреев всего 70. К сожалению, очень немногие из них пошли на контакт с нами. А ведь наш основной источник – именно устные воспоминания. Это почти как непробиваемая стена. Все отказываются разговаривать, отвечают через дверь: может, вы что у меня украдете, у меня инфаркт и прочее. Боятся...

А.Е.: Даже тон меняется, когда узнают, над какой темой мы работаем...

– Но чего можно бояться сейчас?

И.И.: Это люди, напуганные всей жизнью при социализме, да и до него. В 1912, кажется, году в городе был погром. Большинство здешних евреев даже не знают друг друга. Хотя для многих, к примеру, для Вайсберга и Кормана, город стал надежным убежищем. Ректор нашего института и большинство членов ученого совета отказались уволить Кормана, когда его пытались арестовать в конце 1930-х по доносу из Средней Азии, где он раньше работал.

А.Е.: К сожалению, кладбище сейчас почти разрушено, большинство могил утратило первоначальный вид. Только пять надгробий выглядят более или менее прилично. А рядом, на бывшей «нейтральной полосе», отделявшей кладбище от улиц, уже расположился новорусский магазин. Но «на костях» пока никто не строится. Видно, есть еще у людей какое-то уважение к памяти усопших.

– Могилы разрушали специально?

А.Е.: Да, я думаю – специально, но не из-за антисемитизма, а скорее – от нечего делать. Никакого надзора за этим местом нет, как, кстати, не было и за татарским кладбищем.

И.И.: Там же, на кладбище, – развалины еврейского молитвенного дома. Само здание – старой постройки (конец XIX века), из тогдашнего «пяточного» кирпича. Горсовет в 1930-х передал этот дом многодетной семье Дундуковых. Вот они там и жили, и одновременно туда приходили молиться евреи. А Дундуковы оказывали им разные услуги.

году смог уехать в Америку, – а это всегда стоило и сейчас стоит немалых денег, – значит, ему кто-то помог. А кто, кроме членов общины? Местные купцы или дворяне? Это было бы фантастикой или анекдотом.

Судя по рассказу Н.А. Дундукова, еврейская община жила долго в нашем городе. И, конечно, Р.М. Фердинанд приносил хозяевам «котуха» не только свои личные деньги.

Когда же зародилась община? Очевидно, в конце XIX века, после того как в город пришла железная дорога. Во всех источниках это время упоминается как время становления экономики, культуры, просвещения и медицины в городе. Только жаль, что документов нет никаких. И надежд на их существование нет тоже, особенно после встречи с директором музея Ю.А. Апальковым. Привожу дословно цитаты из интервью с ним.

«Вы очень смелый молодой человек! Я всегда приветствую любую поисковую работу по истории города, но Вам помочь ничем не могу. Еврейская тема всю жизнь закрыта. Тут кропотливая работа опытного краеведа вряд ли даст какие результаты. Я более тридцати лет работаю с архивными материалами Тамбовской и Воронежской губерний, но официальных документов по этой теме не встречал. Персоналии, судя лишь по фамилиям, изредка встречались в отчетах городской думы и дворянского собрания... А на архивы время не тратьте даром – ищите в учебных заведениях, на предприятиях, в гимназиях и больницах, в старом военном городке... Идите, молодой человек, в народ...»

Одним словом, «утешил» меня Ю.А. Апальков. А еще больше поразил меня директор комбината благоустройства города М.В. Жданкин. Вот что он мне ответил на все вопросы о кладбище.

«В производственных планах нашего предприятия никогда не числилось еврейское кладбище, поэтому документов вам дать никаких не могу. За его состояние отвечали те, кому оно принадлежало. Когда его закрыли – спросите нашего главного бухгалтера Марию Павловну; она у нас самый старый работник».

Мария Павловна была еще немногословнее:

«В 1975 году на одной из планерок в горсовете сказали, что это кладбище нужно считать закрытым и больше туда никого не пускать; пусть теперь всех хоронят на новом городском кладбище».

И еще одна история, связанная с еврейским кладбищем. Во время перестройки самый молодой кандидат в депутаты А. Водолазский, желая поднять свой рейтинг перед выборами и тем самым набрать побольше голосов, решил навести порядок на еврейском кладбище. Но почему-то он не пошел к местным евреям, а обратился за помощью к первому секретарю комсомола – наверное, понадеялся на помощь молодежи, которой у нас очень много. Но Ю. Титов его «послал»...

Сейчас Ю. Титов работает директором обувной фабрики. Водолазский так в депутаты и не попал. Подрабатывает в разных фирмах, «употребляет», развелся с женой (она у нас в школе учительница начальных классов)...

Вот такое у нас в городе отношение к другой национальности... А если бы в 30-х годах не отдали молеальный дом под квартиру, то и община сохранилась бы, и кладбище было в надлежащем порядке, и семей порядочных было бы гораздо больше в нашем городе. А то у нас сейчас разводов пятьдесят на пятьдесят...

ИНТЕРВЬЮ С «ЕВРЕЕМ» Н.А. ДУНДУКОВЫМ

Еще до работы над темой, в июне, я ходил с ребятами из общества «Исток» по городу – мы собирали старинные вещи, зарисовывали домовую резьбу и записывали уличные прозвища. На улице Ленинской один из коренных жителей сказал, что в доме напротив живет мужчина по кличке «Еврей».

Мы тогда посмеялись, и я не обратил внимания, а в октябре пришлось искать встречи с этим мужчиной. Удивительно, но Дундуков оказался русским и сразу же пошел на контакт, пригласив меня завтра на дежурство, он работает посменно в ДОКе диспетчером. Николай Александрович был самым активным и ценным информатором в моей работе. Привожу сокращенное интервью с ним (дословно).

Автор. Николай Александрович, я ищу следы еврейской общины в Борисоглебске. Не можете ли вы мне в поиске? Извините, но у меня к вам очень щекотливый вопрос по поводу вашего уличного прозвища. Не обидно ли оно для вас?

Дундуков. Об обиде и разговору нет. В свое время я, как и мои старшие братья, гордился своей кличкой...

Автор. Николай Александрович, а откуда пошло ваше прозвище?

Дундуков. Я родился и вырос на еврейском кладбище и прожил на нем до 1979 года. Я туда и жену свою привел из загса, и дочка там родилась.

Автор. А где именно вы жили – на углу Пешкова или в переулке Крестьянском?

Дундуков. Да причем тут переулок?! Я прямо на кладбище жил! Там их молеальный дом стоял, в нем мы и жили с тридцатых годов, когда горсовет нас туда вселил как многодетную семью.

Автор. Николай Александрович, а почему вы гордились своим прозвищем?

Дундуков. Я не один гордился, старшие братья тоже все эту кличку носили. Как сейчас говорят, мы тогда были «крутыми» – мы здорово дрались. Нас в городе побаивались. А дрались мы за кладбище, потому что вся семья с него харчевалась. Я с братьями ловил щеглов, которые обжили кладбищенскую голубую сирень. Мы их учили петь, делали под руководством отца клетки и продавали на базаре. Жили мы очень бедно: мама не работала, а отец был инвалидом. Наши щеглы были в цене: они намного громче и красивше пели, чем те, что с городского кладбища или с Зеленстроя. Да вдобавок они особенные были, наши щеглы, – они никогда не пели на жердочке, а всегда слетали на пол, на камушек – обломок могильной плиты – и наслаждались... Они и на

ветках никогда не пели – всегда садились на памятник, поэтому их легче было поймать. Многие ребята завидовали нам и пытались воровать наших щеглов, но мы к кладбищу не подпускали никого и часто дрались, а в город всегда ходили скопом...

Автор. Николай Александрович, что вы можете сказать про еврейскую общину? Была ли она в городе? Кто ее возглавлял в эти годы?

Дундуков. Про общину ничего твердо сказать не могу. Наверное, была. Я часто видел похороны, собиралось до десяти человек, и руководил всеми главврач кожвендиспансера Фердинанд. Потом они читали молитвы в котухе, в коридоре нашего дома, там еще лопаты стояли... За этот котух Фердинанд каждый месяц маме деньги приносил. Нам часто приносили еду, особенно по праздникам. Эпельбаумы приносили и другие. Раза два дядя Володя Ясман приносил и все время ночью – наверное побаивался: он же в горькоме работал... Так что мы частенько пиروвали. Жили-то впроголодь...

Еще помню, как я подглядывал и подслушивал, когда они собирались, переодевались во все черное и в шапочки и молились на своем языке. Я, конечно, ни бум-бум в этих молитвах, но было жутко интересно...

Часто жена Эпельбаума приходила – сухая такая старушка горбоносая и все просила маму и нас, чтобы белье не вешали над могилами и не спускали Любку с прикола – коза у нас одно время дойная была.

Автор. А что еще интересного, на ваш взгляд, было связано с кладбищем?

Дундуков. Да много чего было – жизнь там прошла...

Целый год у меня нянькой была еврейская девочка Розка. Это мне мама рассказывала. В голодном 47-м (мне уже второй год шел) на кладбище пришла старая оборванная еврейка с семилетней рахитной девочкой. Беженка с Украины, еще с войны... А пришла она на кладбище умирать к своим. Девочка ей чужая была совсем. Еврейка на третий день умерла. Ее тоже Фердинанд хоронил. Ее могила в четвертом ряду, где плиты на еврейском языке надписаны... А Розка у нас почти год жила, а потом жила у многих наших евреев – они ее в детдом так и не отдали. Она, кажется, и замуж не выходила. После ПТУ ее какой-то офицер пригрел... Последнее время она техничкой работала в Доме офицеров...

Автор. Николай Александрович, а вы потом с Розой общались?

Дундуков. Нет. Она какая-то нелюдимая была, как кошка дикая. Так, здоровались иногда при встрече... Лет двадцать назад я ей на 40 лет Октября уголь калымный привез. Хотел денег взять на опохмелку, да поглядел, как живут, – плюнул, ссыпал около двора и уехал... Не жирно жили...

Мы больше всего с Фердинандом общались. Он нас никогда не забывал. Отца лечил, уколы делал. Когда он совсем слег, записки и рецепты писал Нарольскому в аптеку, а я за лекарством бегал. А самого Фердинанда похоронили на городском кладбище. Хоронил его Резак – начальник авиаремзавода. Я с женой, детьми и двумя братьями тоже на похоронах был – грех было не пойти... Я как-то заходил на родное место – тихий ужас... От дома один фундамент остался, а на могилах...

Автор. Спасибо за помощь. Вы очень помогли поиску. Возьмите фотографию на память о кладбище...

ТАЛАНТ, РОЖДЕННЫЙ В БОРИСОГЛЕБСКЕ

В начале XX века в городе жила еврейская семья Сойеров, в которой было два брата – Рафаэль и Мозес. Близнецы родились 25 декабря 1909 года. Во время очередного еврейского погрома в 1912 году семья Сойеров бежит за границу из «гостеприимной царской России». В 1913 году Сойеры попадают в США. Жизнь и там медом не казалась, но все же Рафаэль и его брат с 1914 по 1917 год обучаются в частной художественной школе в Нью-Йорке. Какой ценой доставалось родителям это обучение, остается только догадываться. Далее судьба Мозеса в изобразительном искусстве обрывается, а вот Рафаэль с 1918 по 1922 год обучается живописи в американской Академии искусств у педагога-художника Ги Пэна дю Буа.

Дальше биография Рафаэля Сойера как

две капли воды похожа на биографию любого эмигранта всех времен и народов: разносчик газет, почты, уборщик и мойщик посуды в ресторане, рабочий на фабрике или заводе.

Но в 1929 году двадцатилетний художник становится одним из учредителей «Клуба Джона Рида». В этом же году Сойер проводит свою первую персональную выставку сперва в клубе, а потом в картинной галерее в Нью-Йорке.

С 1932 года выставки становятся ежегодными. Рафаэль Сойер – художник-реалист. Его картины отражали жизнь американских городских окраин и рабочих кварталов. Но с сороковых годов Р. Сойер отходит от остросоциальной тематики. Он пишет портреты людей своего окружения, членов еврейской общины и сцены из американской жизни с психологическим «уклоном». С 1961 года Рафаэль много путешествует и выпускает не одну книгу со своими рисунками.

Умер Рафаэль Сойер в 1987 году в Нью-Йорке. Его картины представлены в музее «Метрополитен» в США. А могли быть представлены и в Москве, и в Петербурге рядом с картинами Рябушкина и Куприна, но борисоглебцы ограбили сами себя в начале века.

«ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН»

Самой крупной фигурой среди борисоглебских евреев был Р.М. Фердинанд. Судя по рассказам многих информаторов, он возглавлял еврейскую общину, хотя документов никаких нет.

Рафаил Маркович родился в 1896 году. Место рождения неизвестно. На фото 1920 года он запечатлен среди членов коллектива городской больницы – это будущая больница им. Семашко. На той же фотографии был опознан М.Ц. Брумберг.

Р.М. Фердинанд был направлен к нам на работу после окончания московского мединститута, приехал он вместе с женой Региной Борисовной. Согласно документам борисоглебского кожвендиспансера Фердинанд работал в первой городской лечебнице, а затем в 1929 году создал на ее базе кожно-венерологический диспансер и возглавил его. Работал бессменно главврачом до самой смерти.

Как и у многих, в годы войны (1942 – 1944 гг.) у него был перерыв в гражданской службе. Р.М. Фердинанд с начала войны курировал в городе шесть госпиталей, в 1942 году был призван на фронт и служил начальником госпиталя на разных фронтах.

В 1965 году Фердинанд похоронил свою жену на еврейском кладбище. Помогал ему в похоронах его друг И.А. Резак.

В 1967 году Рафаил Маркович умер на рабочем месте, сидя над отчетом для облздравотдела. Похоронили его на городском кладбище со всеми почестями. Организатором похорон был тот же Резак.

Вот что писал о работе главврача кожвендиспансера в газете «Строитель коммунизма» (20 июня 1959 г.) ее ответственный секретарь Ю.Л. Иориш.

«Много труда вложил Р.М. Фердинанд в создание межрайонного кожвендиспансера. Из городской лечебницы постройки 1876 года он создал образцовое лечебное учреждение. Образцовое для всей Воронежской области. Оборудовал уникальную лабораторию, с помощью коллектива благоустроил прилегающий пустырь под зону отдыха больных и посетителей, разбил цветочные клумбы. Особой гордостью работников диспансера является теплица, дающая больным овощи круглый год».

А как переключается с этой статьи «Борисоглебского листка» 1914 года! Она тоже о еврее-враче:

«Цифра 40-50 тысяч амбулаторных больных, принимаемых ежегодно Н.Н. Масловским и М.Ц. Брумбергом, свидетельствует о той громадной работе, которая падает на земских врачей, в то же время эта цифра может дать и косвенное представление о тесноте, которая царит в маленьких, убогих по обстановке ожидальнях, кабинетах врачей и амбулаториях». Отсюда вывод: именно евреи стояли у истоков становления борисоглебской медицины в конце XIX и начале XX веков.

Другой яркой личностью в городе был И.А. Резак, советский офицер. Исаак Абрамович родился на Украине, там окончил среднюю школу. В 1941 году без экзаменов поступил в Ленинградскую военно-воздушную академию на инженерный факультет. По окончании академии служил на авиаремзаводах Йошкар-Олы, Дальнего Востока.

В 1945 году в г. Комсомольске женился на чертежнице Лие Наумовне Букингольц; через год рождается сын Юрий, а в 1947 году – дочь Софья.

В 1965 году полковник Резак прибыл в Борисоглебск и работал начальником авиаремзавода до выхода на пенсию.

Исаак Абрамович как яркий представитель нации начал искать контакты среди евреев города и подружился с Р.М. Фердинандом. Очевидно, оба они пытались возродить еврейскую общину, но их попытки не увенчались успехом.

В 1975 году И.А. Резак ушел в отставку, но продолжал работать на предприятиях города. Умер он в 1989 году. Сейчас в городе живут его жена Лия Наумовна, сын Юрий и дочь Софья. К сожалению, И.А. Резак не передал своим детям знание родного языка, молитв и обрядов. Но семья Резаков – единственная в городе, которая не смешала кровь с кровью людей других наций. Во время одной из встреч сын И. Резака Юрий Исаакович не без гордости сказал: «Мы совершили “бартер”: еврей Логвин взял в жены мою сестру, а я поехал к ним в гости в Таганрог и взял себе в жены Светлану Смелянскую – еврейку-чистокровку!» У Ю. Резака есть сын Ростислав, а у его сестры – сын Марк, который в настоящее время живет и учится в Израиле.

Это впервые в борисоглебской еврейской семье, когда россиянин по собственному желанию и без всяких препятствий выехал на жительство за границу и свободно приезжает на каникулы, как мы к бабушке в деревню.

Лия Наумовна при встречах постоянно подчеркивала с гордостью: «Наша семья – приличная семья. И у многих евреев в нашем старом авиагородке тоже приличные семьи: у Шоммеров, у Гасулей, у Заславских». Почти все евреи живут заботой о своих семьях, поэтому у них нет разводов! В этом, видимо, сказывается менталитет, традиции нации и, возможно, родовые заветы.

ЭТОТ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ КОРМАН...

Борис Осипович Корман родился 19 апреля 1922 года в Белоруссии, в г. Речица Гомельской области, в семье служащего. В 1939 году поступил на факультет русского языка и литературы Гомельского педагогического института, но в 1941 году война прервала учебу. Позади были два курса. Семья оказалась в г. Коканде (Средняя Азия). В армию Бориса Осиповича не взяли из-за очень плохого зрения, и он работал табельщиком на строительстве сахарного завода, где трудился по 12-14 часов.

В 1942 году Корман отправил письмо и зачетную книжку в Ленинабадский педагогический институт, и вскоре ему сообщили, что он будет зачислен на третий курс.

В это время умирает мать Бориса Осиповича, и ему приходится нелегко. Он подрабатывает то в школе учителем немецкого языка, то в сельскохозяйственном институте преподавателем русского языка и литературы.

Очень рано, уже в 29 лет, Борис Осипович стал заведовать кафедрой, но ректор института не захотел оставить его на кафедре при распределении. Корман вынужден был уехать с женой в Коканд, где устроился учителем в школу.

Борис Осипович сдал два кандидатских экзамена в Сталинабадском педагогическом институте и был принят на должность старшего преподавателя кафедры литературы и при этом – в аспирантуру.

В 1947 году на заседании кафедры обсуждался доклад одного из преподавателей, который был построен исключительно на цитатах из работ Маркса и Энгельса. Одна из преподавательниц выступила с критикой доклада. Борис Осипович был с ней согласен. Его обвинили в космополитизме. В 1949 году Кормана сняли с работы, и в 1950 году он с женой переезжает в Борисоглебск.

Годы работы в Борисоглебске можно назвать самыми лучшими и спокойными в жизни Бориса Осиповича. До конца 1971 года Корман работал в Борисоглебском педагогическом институте. Первые пять лет он боялся: вдруг кто-то в Сталинабаде узнает, где он, и пришлет донос (о том, что Борис Осипович «космополит»). Впоследствии выяснилось, что донос все-таки пришел, но к чести ректора, Евгения Викторовича Константинова, надо сказать, что он не дал ему ходу.

В 1952 году, когда политическая реакция и соответственно антисемитизм были очень сильны, из Воронежа (областной центр) в Борисоглебск была приглашена авторитетная комиссия для проверки работы института. Спорившие в таких делах члены комиссии мгновенно выудили из списка сотрудников института фамилию «Корман» и пригласили ее обладателя на заседание в кабинет ректора. Когда Борис Осипович вошел и поздоровался, «главный», не приглашая его сесть, произнес: «Расскажите, Корман, о вашей теории притеснения студентов». В руках он держал протокол заседания ученого совета, где имелось выступление Бориса Осиповича, в котором он говорил о необходимости усилить требования к студентам. И тут произошло совершенно непредвиденное событие: ректор, а вслед за ним и остальное институтское начальство, поддержали Бориса Осиповича и буквально вырвали его из рук членов комиссии.

В 1965 году Борис Осипович получил докторскую степень, а в 1967 году – профессорское звание. В Борисоглебске Корман написал значительную часть своих научных трудов, здесь он фактически создал кафедру и научную школу, организовал систематический выпуск «Ученых записок». Круг научных интересов Б.О. Кормана весьма обширен, но можно выделить две темы: «образ автора» в художественном произведении и история русской лирики XX века, которые органично слились в его докторской диссертации, положенной в основу книги «Лирика Н.А. Некрасова» (Воронеж, 1964). И жизненные обстоятельства, и служебное положение – все складывалось вполне благополучно. Но Б.О. Корман принял решение переехать из Борисоглебска в университетский город.

Из воспоминаний Н.В. Фоминых, проректора БГПИ, бывшей ученицы Б.О. Кормана: «После отъезда Бориса Осиповича изменилась даже атмосфера и на факультете, и на кафедре... Для института это была огромная потеря... После Кормана мы довольствуемся лишь тем, что к нам изредка с лекциями наезжают из ВГУ И.А. Стернин, профессор Ласунский – такие же умницы, как и Борис Осипович. И после их отъезда и на факультете, и на кафедре преподаватели долго предаются ностальгическим воспоминаниям о 60-х, о Кормане, о его жене Эмилии Наумовне».

Выбор Бориса Осиповича пал на Ижевск, где на базе педагогического института создавался новый университет. Осенью 1971 года Корман был избран на должность заведующего кафедрой русской и советской литературы Удмуртского государственного университета. Здесь Корман в 1978 году написал книгу «Практикум по изучению художественного произведения. Лирическая система», которой до сих пор пользуются преподаватели и студенты России и многих зарубежных стран.

2 марта 1983 года инфаркт оборвал жизнь Бориса Осиповича Кормана, известного литературоведа и педагога. Но и за отпущенный судьбой срок ученый сделал немало, так что его имя останется не только в памяти имевших счастье знать его лично, но и в науке о литературе.

Жена Б.О. Кормана – Эмилия Наумовна – после смерти мужа уехала в США. Сын – Илья Борисович – остался в России. После окончания Борисоглебской средней школы № 3 учился в Воронежском университете, затем работал во многих высших учебных заведениях. Сейчас Илья Борисович – профессор одного из университетов Ростова-на-Дону.

Из воспоминаний одноклассника, профессионального поэта Игоря Лукьянова: «С Илюшкой я учился с первого по седьмой класс. Один год мы даже сидели за одной партой. Он был в классе заметной фигурой, но не только как отличник. Высокий, массивный, как медведь, добродушный, мягкий, отзывчивый, внимательный. Как и его отец».

Из воспоминаний однокурсника по Воронежскому университету Ю.И. Резака: «Илья Борисович поражал меня и однокурсников своей работоспособностью, феноменальной памятью. Избегал студенческих пирушек. После окончания университета его оставили на кафедре, а я вернулся в Борисоглебск достраивать развитой социализм».

СЕМЬЯ ФОНШТЕЙНОВ

Сергей Александрович Фонштейн (1935-1993) приехал с матерью (после смерти отца) в Борисоглебск в 1954 году. Служил в армии, работал на разных предприятиях города. В 1962 году окончил дорожный техникум, был дорожным мастером, заочно учился в Воронежском инженерно-строительном институте. С 1985 года работал преподавателем и завучем дорожного техникума. На его долю пришлось много трудов и бессонных ночей (вместе с директором) в пору строительства нового здания техникума. Из воспоминаний дочери: «Папе можно было бы этими делами и не заниматься, но такой уж у него характер был беспокойный – до всего ему было дело... Он года полтора из Москвы не вылезал только с одним проектом. А сколько было забот с лабораториями, техникой – не описать!»

С.А. Фонштейн награжден медалями «Ветеран труда», «Почетный дорожник» и многочисленными дипломами и грамотами. Судя по биографии С.А. Фонштейна и его наградам, можно сказать, что он обычный советский человек. Об этом же говорит и один факт из его родословной, о котором мне рассказала дочь Екатерина Сергеевна – инспектор налоговой инспекции: «Дедушка Саша был военным, служил в Москве. В 1930 году его арестовали и вместе с бабушкой выслали в Чувашское село, где папа и родился. Больше я ничего о них не знаю...»

Фонштейн Земфира Михайловна – дочь служащих из Белоруссии; Михаил Ефимович – бухгалтер, Мария Бонифатьевна – экономист. Земфира Михайловна после окончания Московского финансового института была направлена в Борисоглебск в городской финотдел. С 1960 года работала в горфо экономистом, начальником налоговой инспекции, главным налоговым ревизором. В 1962 году вступила в брак с С.А. Фонштейном. В 1972 году родилась дочь Катя.

З.М. Фонштейн зорко стояла на страже городских финансов. Как ее только ни называли в заинтересованных кругах! «Неподкупная Земфира», «Штирлиц», «Железная леди». Все информаторы рассказывали о том, какой крутой характер имела Земфира Михайловна, но все также восхищались ее компетентностью в вопросах финансов и экономики, ее честностью, порядочностью. В 1997 году З.М. Фонштейн оформила пенсию, но продолжала работать. Через год умерла прямо на рабочем месте – инфаркт.

Рассказывает Л.А. Горячева: «У всей администрации шок был. Она же здоровая была как лошадь, и тут – на тебе! Это ее новая двойная бухгалтерия доконала, особенно представители мелкого и крупного бизнеса... А на ее похороны почти все бухгалтера и экономисты города пришли – около тысячи человек у “Белого дома” собрались...»

Информатор мой немного слукавил: не только бизнесмены стали косвенными виновниками смерти З.М. Фонштейн, но и администрация тоже. Не первый год о разных делишках чиновников ходят легенды.

«ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА»

Михаил Ефимович Штраймель родился 5 мая 1922 года на Украине. В 1940 году закончил среднюю школу и поступил в Одесское

пехотное училище, но закончил только первый курс: с 1941 по 1944 год воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Был командиром взвода курсантов, командиром пулеметной роты и командиром взвода разведки. М.Е. Штраймель освобождал Ленинград. У него много боевых наград.

Во время войны из всей семьи Штраймелей уцелел он один: отец умер от ран в 1944 году, мать погибла при бомбежке, два брата сложили свои головы, сражаясь в партизанских отрядах.

На войне М.Е. Штраймель влюбился в борисоглебскую радистку Машу Пентюхину, а свадьбу сыграли в окопах на передовой. После ранения в 1944 году Михаил Ефимович повез свою жену в родное село на Украину, но села не оказалось: немцы сожгли его дотла, и они поехали в Борисоглебск.

В нашем городе М.Е. Штраймель работал военруком в школе (его звание – старший лейтенант), мастером литейного цеха, но после курсов с 1952 года работает продавцом в магазине «Семена».

У М.Е. Штраймеля была большая семья, но с 1978 года она уменьшилась: погиб на флоте сын «при исполнении», в 1999 году в Москве в аварии погибла дочь Татьяна, а через месяц умерла жена... Остались у него две дочери: Наталья – учительница и Ася – предприниматель. Еще четыре внука и два правнука. Жизненный путь Михаила Ефимовича сложный и трудный, но он не сломался. Веселее, интереснее и известнее человека нет в городе, чем он. Все его зовут дядей Мишей или Мишей.

Для меня дядя Миша – самый интересный человек из всех, кого я встречал в жизни и во время поиска. Еще до знакомства с ним я приходил в магазин и смотрел, как он работает. Он никогда не замолкает, даже во время подсчета сдачи покупателю, у него вылетают комплимент за комплиментом старушкам и девушкам, шутки, прибаутки. Способы посадки, хранения, проращивания семян сыплются из него, как из рога изобилия. И все это он делает с таким выражением лица – просто артист!

А при встрече у него дома Михаил Ефимович меня поразил: он – убежденный коммунист; до сих пор является членом КПРФ! Я не могу описать, с какой гордостью он мне показывал диплом об окончании Высшей партийной школы, который не дал даже поддержать, не говоря уж о ксерокопии! Когда я его спросил об отношении к современной жизни города и России, он так возмутился «всем этим бардаком в стране», что дело дошло до таблеток...

Вот такой веселый, интересный и по-прежнему весь советский дядя Миша живет в нашем городе. По фамилии Штраймель, по паспорту – «украинец».

«НОВИЧОК» В КЛАССЕ

Илья Моисеевич Брик приехал в Борисоглебск в конце семидесятых после окончания московского института и до сих пор работает на физмате БГПИ. Человек одаренный: физик, математик, программист. Увлекается литературой, зарубежным и отечественным кино: двенадцатый год ведет кинолекторий в кинотеатре «Победа».

У И.М. Брика много научных работ в разных областях, но звания ученого он не имеет – жизнь так сложилась... Брик родом из Коломны, отец еврей, а мать русская. Он ее недавно похоронил, она из-за болезни пять лет не вставала. А еще на его плечах семья (он отменный повар), дача. Только восемь лет назад он получил благоустроенную квартиру в микрорайоне. До тех пор скитались...

Судьба Брика очень похожа на судьбы многих советских евреев. Правда, не было таких гонений, как на Кормана, но в институте на кафедре его почему-то не оставили, а когда он участвовал в областном конкурсе методических разработок, его блестящая работа по программированию не удостоилась даже упоминания...

И.М. Брик долго жил холостяком, но в 1980 году влюбился в студентку-отличницу Татьяну Викторовну Кузнецову. В 1985 году у них была свадьба, в 1986 году родился сын Евгений – мой одноклассник. Женька учится со мной с первого класса, и фамилия была у него Кузнецов.

1 сентября 1996 года наша классная на первом уроке с улыбкой представила новичка: «Знакомьтесь, ребята, у нас новичок – Брик Евгений!»

Смеху было! И я смеялся, но теперь точно знаю, что Илье Моисеевичу всю жизнь было не до смеха из-за его фамилии, как и Корману...

И.М. Брик, как и Корман, очень требователен к студентам, но эти требования расцениваются как обычные придирки. Мне мой сосед-первокурсник с физмата рассказывал, что у них в лаборатории на столе была сделана надпись ручкой: «Лучше задом сесть на пику, чем сдавать экзамен Брику!» Очень красноречивый стишок, но, на мой взгляд, больше говорящий о самом авторе, а не об учителе...

Когда же зародилась община? Очевидно, в конце XIX века, после того, как в город пришла железная дорога. Во всех источниках это время упоминается как время становления экономики, культуры, просвещения и медицины в городе. Только жаль, что документов нет никаких.

«СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»

Представители рода Ясманов появились в нашем городе в начале XX века. По информации Ю.А. Апалькова, в 1914 году петроградский купец Бакинов купил у фабриканта Линке его колбасную фабрику. Вместе с купцом в Борисоглебск приехало и семейство Ясманов, и его члены работали на этой фабрике. Вероятно, после революции, когда мясоконсервная фабрика стала государственной, глава семьи, Борис Ясман, оказался не у дел и занялся скорняжным промыслом на дому – стал шить меховые шапки и продавать их на базаре. Отсюда вывод, что на самой фабрике он не работал, а трудился, скорее всего, в одном из цехов на бойне, где снимались шкуры с убитых животных, потом обрабатывались и шли в скорняжный цех. (Этот вонючий цех работает до сих пор и расположен на старом месте – через улицу напротив бойни.)

Сын Владимир родился в 1932 году и был третьим и последним ребенком в семье. В 1949 году Володя закончил мужскую гимназию, потом служил в армии. После службы Владимир Борисович работал инструктором горкома комсомола, потом внеклассным организатором в СПТУ № 7 и перед пенсией десять лет работал директором кинопроката.

Владимир Ясман, по словам многих информаторов, личностью в городе был знаменитой, о том, что он еврей, люди вспоминали, лишь в первый раз услышав его фамилию. Это был совсем обрусевший рубаха-парень. До сорока с лишним лет он не покидал самостоятельную сцену. Играл не только на баяне, как написала его сноха. Больше он любил гармошку местного производства. Эти гармошки он же и настраивал в нерабочее время по приглашению мастера цеха, потому что имел абсолютный музыкальный слух. На гармошке он творил чудеса и на конкурсах получил множество грамот.

Владимир Борисович совсем не заботился, как другие евреи, о репутации семьи. Он мог выпить с любым человеком и в любом месте. Например, во дворе. И потом от души петь под гармошку песни и даже матерные частушки.

Но какие бы легенды про него ни ходили в городе, все же связь с представителями своей нации он не прерывал окончательно, как это сейчас делают многие. Судя по фактам, можно предположить, что Владимир Борисович находился некоторое время меж двух огней: с одной стороны, карьера советского чиновника, с другой – хоть и редкие, но тайные поручения Р.М. Фердинанда. Например, плата за «котух» семье Дундуковых...

В.Б. Ясман умер, но остался в городе его сын Александр Владимирович Ясман. Ему уже за сорок. Имеет двух детей и фирму «СВЛ. ИНВЕСТПРОМ». Торгует нефтепродуктами, а был директором вечерней школы. К сожалению, он пополнил список отказников, сославшись на занятость.

СПИСОК ОТКАЗНИКОВ

Мой краеведческий поиск был осложнен отказом предоставить информацию, документы и т.д. Многие интересные личности совсем не пошли на контакт, другие с удовольствием говорили, но только не о себе. Я долго не мог понять – в чем дело? В моей несолидности? В неумении общаться? Но ведь получалось же у меня с другими!

Только к концу работы я понял причины отказов. Это – закрытость темы (даже у чиновников администрации!); извечный страх евреев (и не только в эпоху социализма), который, по словам моего руководителя, уже переходит из поколения в поколение на генном уровне. Именно отсюда и появляется запись в паспорте у еврея «русский», «украинец». Приведу несколько «причин» отказов, они о многом говорят. «А мне это нужно?»; «Я не еврей, я – украинец»; «Семейный архив – дело сугубо личное»; «Я очень занят, извините, молодой человек»; «Я не хочу говорить на эту тему»; «Я старый и больной человек и прошу вас меня не беспокоить» (это очень часто и, в основном, через дверь). «А может вы меня хотите ограбить?», «Я не помню своей девичьей фамилии» и т.д.

И вот сам список:

1. Шоммер Регина Абрамовна, вдова полковника Л.Е. Шоммера.
2. Брик Илья Моисеевич, преподаватель БГПИ.
3. Арсентьева Любовь Самуиловна, пенсионерка, бывший корреспондент радио.
4. Портянникова Лолита Абрамовна. Дантист, владеет ивритом, часто выезжает в Израиль к дяде.
5. Рабичев (Рабич) Леонид Ефимович, пенсионер. 18 лет отработал заведующим общим отделом горисполкома.
6. Пекарский Лев Борисович, пенсионер, врач-окулист.
7. Ерохина Рахиль Яковлевна, профессор БГПИ.
8. Зиск Яков Григорьевич, пенсионер, бывший служащий исполкома.
9. Великанов Лев Борисович, директор музея авиаучилища.
10. Матвеева Людмила Иосифовна, кандидат педагогических наук БГПИ.
11. Ясман Л.В., генеральный директор АО «СВЛ. ИНВЕСТПРОМ».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К сожалению, я так и не смог ответить на все вопросы, поставленные в начале работы, но я доволен даже тем, что хоть немного приоткрыл наглухо запечатанную еврейскую тему в нашем городе. Теперь моя работа останется в банке данных межшкольного объединения «Истоки» городской станции юных техников, которым пользуются десятки школьников.

Я знаю, что это только начало большой работы. Очень много нужно сделать по этой теме. Я даже план наметил:

1. Найти следы Брумберга и других евреев-врачей, стоявших у истоков борисоглебской медицины.
2. Найти следы учителей четырех городских гимназий.
3. Связаться с сыном Кормана для будущей работы на тему «Человек и малая родина».
4. Попытаться перевести с иврита надписи на могильных плитах.
5. Ближе к Пасхе подготовить с руководителем статью в местную газету с фотографиями кладбища и моими безответными вопросами.

Одноклассники говорят, что это мне теперь не нужно, потому что я в этом году заканчиваю школу. Родители того же мнения, но я с ними не согласен. Мне теперь это очень нужно. Чтобы не было так стыдно и обидно и за себя, и за горожан, и за тех евреев, что живут в моем городе, а некоторые и родились в нем.

В заключение хочу рассказать о работе со своим руководителем. Иван Иванович с самого начала посоветовал мне взять эту тему. Потом мы вместе ходили на кладбище, фотографировали могилы, он учил меня составлять план и искать следы и признаки утраченных захоронений. Мы вместе составляли план работы, придумывали названия главам, разрабатывали вопросы для интервью. Он давал мне советы, к кому следует обращаться, какие книги читать, как читать трудовые книжки и другие документы и по ним составлять биографию человека. Иван Иванович много рассказывал о евреях всего мира, об образовании их государства, о российских художниках, поэтах и музыкантах. А еще он много интересного рассказывал о своих однополчанах-евреях с Байконура: как он ездил к ним после армии в Киев, Львов, Харьков, Владимиро-Волынский и в Одессу и как его там встречали они сами и их родители. По совету руководителя я ходил, как в театр, в магазин «Семена» – послушать и посмотреть во время работы на М.Е. Штраймеля перед тем как взять у него интервью.

Я очень многое узнал благодаря руководителю, а главное – я теперь хожу по городу почти «в сознательном состоянии».

Рабу ли царствовать

Маркус Леман

Продолжение. Начало в № 5, 6

Àëääà äääí àööòòäü

Îæèääíèá

Заговорщики тщетно ждали Итамара. Ночь прошла напряженно – в тревоге, волнении и других предчувствиях.

Они договорились с Итамаром, что тот или вернется, или хотя бы даст о себе знать до наступления темноты. Но предвечерние тени становились все длиннее, и обитателей пещеры охватило беспокойство.

– Он мог не успеть отправить нам весточку до закрытия городских ворот, – предположил Эльзар. – Подождем тут до завтра, пока ворота откроют может, придет известие.

В пещере всегда хранился порядочный запас воды и пищи на случай, если стряется что-нибудь непредвиденное. Юноши помолились маарив, поели, запили еду водой, немного поговорили о Торе и улеглись. Но им не спалось. Лежа с открытыми глазами, они все, как один, думали об Итамаре, пытались понять, что с ним случилось, почему он не появился. Если что-то не так, им тоже не суждено вернуться в свои дома. Ночь показалась молодым людям бесконечно долгой. Кое-кому, как и самому Итамару, пришла в голову мысль, что, наверное, их идея поднять восстание против Рима это скорее плод юношеских фантазий, нежели трезвого расчета.

С первыми проблесками зари они поднялись, умылись водой из ближайшего источника и приступили к утренней молитве. Потом немного поели, и Эльзар начал объяснять что-то из Торы. Близился полдень, а от Итамара по-прежнему не было вестей.

Братья! – сказал Эльзар. – Прошу вас – позвольте мне пойти и попытаться выяснить что-нибудь о судьбе нашего бедного Итамара: тогда, по крайней мере, мы сможем прикинуть, что в дальнейшем ожидает и нас.

– Мы ведь еще вчера решили, – возразил Иеуда, – что именно тебе, Эльзар, не позволим рисковать ни жизнью, ни свободой. Ты слишком известен, и римляне, как я уже говорил, прекрасно осведомлены о твоих настроениях. Надо думать, тебя-то и станут искать в первую очередь. Лучше пойду я. Обо мне знают гораздо меньше. Попробую что-нибудь разведать. Сегодня ведь четверг, базарный день. К вечеру многие селяне потянутся из города домой. От них я непременно что-нибудь да услышу о том, что происходит в городе. Расспрошу одного, другого, третьего...

– Нет! – вскричал Эльзар. – С ме

ня хватит! Я не желаю больше подвергать опасности других. Довольно и того, что беда с Итамаром случилась по моей вине случилась. Во всяком случае, я так считаю!

– И напрасно! – вмешался в разговор Барак. – Не надо брать на себя лишнее. – Ты здесь совершенно ни при чем. На Итамара указал жребий, значит, такова была воля Судьи Праведного, на тебе нет никакой вины. Я тоже не хочу, чтоб ты шел в город. Кроме того (мы как раз вчера об этом говорили), ты вспыльчив, слишком легко закипаешь, можешь не сдержаться и навлечь беду не только на себя, но и на всех нас. Для похода в Иерусалим, на мой взгляд, годится как раз Иеуда. Он сумеет завязать разговор с незнакомым человеком и вызнает исподволь у него все, что нужно. Раз он сам вызвался, – пусть идет, и дай Б-г, чтобы мы услышали от него хорошие вести.

Эльзар на миг задумался, потом взглянул на Иеуду:

– Что ж, ступай с миром, и пусть Господь хранит пути твои веки!

– Омен! – снова произнесли заговорщики, и спустя несколько часов Иеуда отправился в путь.

Он довольно быстро добрался до дороги, ведущей в Иерусалим, но вместо того, чтобы двинуться в направлении города, свернул к Хеврону. Он брел, медленно переставляя ноги, в надежде, что его нагонит какой-нибудь возвращающийся из города крестьянин. И в самом деле, довольно скоро у него за спиной послышались шаги. Обернувшись, он увидел молодого парня, с пустой корзиной. Иеуда остановился и, когда путник приблизился, вежливо приветствовал его словами:

– Мир тебе!

– И тебе тоже! – отвечал прохожий.

– Не пойти ли нам вместе? «Дорога далека, а компания приятна». Так ведь говорит пословица, правда?

– Конечно, пойдем. С охотой и удовольствием! – улыбнулся путник. – Я тоже не люблю ходить в одиночку. Обычно я отправляюсь в путь в обществе Йоханана, моего дяди, но сегодня он вынужден был задержаться в Иерусалиме. У него тяжба с соседом. Разбор дела, наверное, продолжится до завтра, и ему придется заночевать в городе. Бедный Йоханан! Дай Б-г, чтоб хоть решение было в его пользу, тогда он хоть время потратит не зря!

– Не следует упоминать Имя Всевышнего, – сказал Иеуда. – Да и вообще не надо желать твоему родственнику победы в суде. Если правда на его стороне, праведные судьи безусловно решат дело в его пользу. А если нет, – как можно желать, чтобы ради чьего-то выигрыша нарушили они правосудие? Лучше сказать так: Всевышний да просветит судей, и да судят они по закону.

Крестьянин поглядел на незнакомца с удивлением и интересом. Видно, услышанное произвело на него сильное впечатление. Но потом все-таки возразил:

– А разве не случалось так, что люди лгали на суде, и судьям не удавалось установить правду?

– Ну, это тоже поддается объяснению, – сказал Иеуда. – Иногда приговор Небес таков, что человеку суждено лишиться части своего имущества. Тем или иным путем. Если он крестьянин, то посевы его, бывает, плохо всходят или сорняки уничтожают урожай. Порой ему не удается продать плоды своего труда за достойную цену. И это от того, что он доверился не честным торговцам, а мошенникам и обманщикам. Случается и другое. Живет на свете злодей, закосневший в преступлениях, а Всевышний откладывает суд над ним и в суде человеческом дает ему выиграть, скрывая от судей истину, не позволяя распознать истинный облик негодяя. Судьи – они, в конце концов, всего лишь простые смертные и судят, исходя из того, что слышат. Часто истец говорит не слишком убедительно, и судьи принимают решение не в его пользу, хотя правда на его стороне. Часты неясные, запутанные дела и тяжбы, и поскольку судьи, скажу еще раз, – обыкновенные люди, а не пророки, они не могут проникнуть в истину. Им не дано б-жественное озарение. Приходится применять разные допуски: судить принимая в расчет наиболее вероятный вариант, использовать указанные в Торе примеры. Но как бы то ни было, все предопределено свыше: и оправдание невинного, и наказание преступника. Сказано же раз и навсегда: «Ибо Г-споду суд».

Крестьянин вперил в собеседника восхищенный взгляд:

– Кто же ты, что говоришь со мной, словно ангел небесный? Может, ты – пророк Элияу, пришедший возвестить нам скорое избавление от руки нечестивого Рима?

– Я такой же человек, как и ты, – улыбнулся юноша. – Меня зовут Иеуда, и я из учеников раббана Гамлиела.

– Ученик раббана Гамлиела, князя Израиля, о котором говорят, что он мудр и кроток, как и прадед его старец Гилел! Если ты ученик такого великого человека, то я больше не удивляюсь, что из уст твоих являются на свет жемчужины мудрости. Нам, крестьянам, не так уж и часто доводится встречать мудрецов Израиля. Я ужасно рад, что познакомился с тобой, рабби Иеуда! Меня зовут Исахар, а отца моего Йоаш, да покоится он в мире, сам я из Эйн Пары, – это деревня между Иерусалимом и Хевроном. Отец оставил мне в наследство поля и виноградники, я обрабатываю их с помощью жены. Урожай свой я продаю в городе каждый понедельник и четверг. Живем мы, благодаря Всевышнему, в достатке и покое, и лишь одно желание у нас, чтобы поскорее избавился народ от римского ярма.

– Отчего же так тяжело тебе владычество Рима?

– Корыстолюбие этих потомков Эсава не имеет границ! Налоги и поборы... Сил нет больше терпеть их! Налоги съедают немалую часть наших сбережений, а те, у кого нет сбережений, нищенствуют, хоть и трудятся в поте лица. Римляне не знают жалости. Обращаются с нами жестоко и подло. Слышал ли ты, что произошло вчера?

– Я какое-то время не был в городе и ни о чем не слыхал. А что?

– Слышал ли ты о человеке по имени Эльяким бен Хизкия?

– Конечно. Это один из самых уважаемых людей в Иерусалиме.

– Так вот, этого старика, ученика самого Гилела, благотворителя, который был отцом сиротам и поддерживал вдов, арестовали, бросили в тюрьму и теперь хотят предать смерти.

– Ты рассказываешь страшные вещи! А известно, из-за чего римляне с ним так обошлись?

– У Эльякима есть сын, юноша лет восемнадцати. Говорят, он организовал, или хотел организовать заговор против наших поработителей. Римляне отрядили три когорты, чтобы отловить его в горах, но поскольку у них ничего не вышло, схватили старика отца.

– Мерзость! – скрипнул зубами Иеуда.

– И даже это еще не все! Они совершили куда еще большую мерзость. Юноша вернулся в город, ни о чем не подозревая. Весть об аресте отца вскоре достигла его ушей. Благородный человек, он поспешил предстать перед наместником, то есть сам отдался ему в руки, чтобы поскорее освободить Эльякима. А наместник, которого якобы тронула такая самоотверженность, отменил уже вынесенный смертный приговор и заменил его – чем ты думаешь? Послал юношу рабом на галеры! И сегодня с зарей того отправили в это страшное место, где жизнь намного хуже смерти!

Иеуда буквально оцепенел, услышав жуткую новость. Ноги его подкосились; с большим трудом он заставил себя шагать дальше. Но попытался, тем не менее, овладеть собой и спросил как можно спокойнее:

– Еще кого-нибудь схватили?

– Насколько мне известно, больше никого. Я провожал своего дядю в суд. Ханания бен Хизкия должен был заседать там, но он запаздывал, и все уже решили, что он тоже арестован – из-за сына. Когда Ханания, в конце концов, появился, все очень обрадовались и благословили Г-спода, сохранившего его от беды. Ведь в городе уже распространился слух, что многим знатным людям, чьи сыновья известны своей горячностью, следует опасаться властей. Но слух не подтвердился. Никто не был арестован, кроме Эльякима бен Хизкии.

– Ну, мир тебе, друг мой, – сказал Иеуда, протягивая руку крестьянину. – Спасибо за приятное общество, но здесь мне придется свернуть.

И, не ожидая ответа, он поспешил к товарищам, – рассказать все, что узнал.

Àèààà ò òèí ààöàò àÿ Çàâùàí èà Ýèüÿèèì à

В пещере все были потрясены и сильно испуганы. Эльзар, человек несгибаемого мужества, рыдал навзрыд о своем возлюбленном друге – так же, как рыдал когда-то Давид о Йонатане. Горе затмило его рассудок, и он принялся уговаривать друзей тотчас отправиться в Яффо и силой отбить Итамара у римлян. Но в конце концов и ему пришлось признать, что этот план обречен на провал. Кроме того, что они не имели даже малейших шансов справиться с вооруженным римским гарнизоном, было к тому же слишком поздно что-либо предпринимать: Итамар наверняка уже плыл в море на римской галере.

– Брат мой, Итамар, дорогой мой брат! – рыдая, воскликнул Эльзар, – Блаженна доля твоя, где бы ты ни был и как бы ни страдал, ибо ты принес себя в жертву ради народа своего. Да пошлет тебе спасение Благой и Справедливый и избавит тебя от рабского состояния и умножит награду твою в мире будущем!

Собравшись наконец с мыслями, заговорщики решили со всех сторон обсудить создавшееся положение и держать совет, как быть дальше. Получалось, что предан был один Итамар: схватили ведь только его отца. Никого из родственников остальных заговорщиков не тронули. Загадка выглядела неразрешимой. В конце концов, все пришли к выводу, что надо возвращаться в город. Но по одиночке. Так и поступили. Ни на кого из них не обратили внимания. Да и в дальнейшем с этими юношами ничего дурного не случилось.

Сломленный, обезумевший от горя, Эльяким тоже вернулся в свое опустевшее жилище. Днем и ночью он оплакивал несчастного сына. Друзья и знакомые приходили его утешать, но он никого не желал видеть. Лишь когда к нему постучался раббан Гамлиел, надеясь утешить и ободрить старого друга, Эльяким открыл двери своего дома.

– Праведен Г-сподь на всех путях его и справедлив во всех деяниях своих, – начал глава Израиля цитатой из Книги Псалмов.

– «Плот прямых путей, все деяния Его – суд и справедливость», – подхватил Эльяким, – но не всегда дано нам понять пути Его, и не все Его деяния постижимы. Свет очей моих, радость сердца моего, сын мой, единственный оставшийся из всех, отнят у меня и осужден на рабскую жизнь, полную мук и унижений. И все это лишь затем, чтобы освободить меня из тюрьмы, куда я был брошен без всякой вины. О сын мой, сын мой! Если бы можно было сделать так, чтоб ты спасся, с какой радостью я принял бы смерть, лишь бы ты жил и был счастлив!

– Да, велика твоя боль, и, чувствую, нет у меня сию минуту слов, чтобы тебя утешить. Но я пришел говорить с тобой именно об этом: о будущем твоего сына, которое так тебя заботит.

– Раббан Гамлиел, величайший из мудрецов Израиля! Тебе ли не знать, что моего сына послали в такое место, откуда не возвращаются!

– И все-таки есть вероятность, что сын твой когда-нибудь вернется домой, даже если ты и не доживешь до этой минуты. А посему подумай о грядущем. Когда будет на то воля Создателя, и ты уйдешь к Нему путем всего живого, и упокоишься вместе со своими праотцами, римляне непременно конфискуют твое имущество как принадлежащее приговоренному к пожизненной каторге. В самом лучшем случае удастся разделить его между несколькими дальними родственниками, но тогда, если твой сын когда-нибудь вернется, он почти ничего не получит. Или получит очень немного. За этим-то я и пришел – чтобы подумать вместе с тобой, как уберечь Итамара от нищеты, когда он снова переступит порог родного дома. Ведь надежда всегда остается.

– Да, не зря славит народ твою мудрость и благоразумие, дорогой Гамлиел. В горе своем я даже и помыслить не мог ни о чем, кроме ужасной судьбы сына. Твой просвещенный Б-гом разум – величайшая сила. Благодаря тебе, я узнал о возможности, которая хоть и маловероятна, но, однако же, совсем не исключается. Мысль о ней согревает мне душу.

– Здесь нас никто не слышит?

– Орев, управляющий хозяйством, уехал в Хеврон, из остальных слуг в доме всего несколько человек. Но давай я все же запру двери, чтобы никто не мог нас потревожить.

Они заперлись и долго беседовали, после чего раббан Гамлиел попрощался и ушел. Но Эльяким с того дня переменялся самым решительным образом. Он перестал проводить все свое время в слезах и стенаниях и начал заниматься делами.

Возвратившись наутро из Хеврона, Орев тотчас заметил перемены, в настроении хозяина.

– Тебя посетил наш глава, господин мой, – сказал раб, – и я к великой своей радости вижу, что ему удалось поддержать тебя в горе.

– Так оно и есть, Орев. Мы о многом говорили, и он рекомендовал, не откладывая, оформить завещание, и непременно заверить его у римлян. Ты же знаешь, – теперь у меня никого нет, только куча дальних родственников, и все мое имение может быть разделено на мелкие доли.

– Раз так, господин, то раббан Гамлиел, вероятно, посоветовал тебе завещать все имущество бедным. Либо Храму. Я угадал?

– Речь об этом действительно шла, но глава Израиля предложил мне другое. Нами владеет Рим, храмовая сокровищница поэтому тоже не в полной безопасности. Самое лучшее – решили мы, – чтобы все нажитое мной перешло в одни руки, дабы дом мой сохранился, а имя мое не забылось и я бы славился добрыми деяниями, как прежде. Ты, Орев, всегда был верен мне и предан душой. Я убежден – ты способен продолжить мое дело и дело отцов: щедро помогать бедным и давать деньги на всякую благородную цель. Моя убежденность неколебима; поэтому я собираюсь завещать тебе все свое состояние.

На мгновение Орев застыл, пораженный, но тут же пришел в себя, и победная улыбка скользнула по его губам. Рабу хотелось кричать от радости, но он сумел сдержать свои чувства, и бросившись к ногам Эльякима, воскликнул трагическим голосом, тщетно пытаясь выжать слезы из глаз:

– Господин мой! Добрый мой господин! Не найду слов, чтобы выразить признательность благодарности тебе за твое благодеяние! Она безмерна! Но душа моя не радуется. Горе поселилось в ней, горе и печаль – оттого, что ты не можешь завещать свое имение любимому сыну. Не было у меня большей мечты, чем служить ему так, как служил я тебе! Но что делать! Несчастному уже не помочь, ибо рабы с римских галер не возвращаются на свободу! Однако клянусь тебе всем святым в мире, что буду распоряжаться твоим имуществом точно так, как распорядился бы ты сам. Каждый, кто голодным войдет в этот дом, выйдет из него сытым, и каждый несчастный получит поддержку и утешение. Щедрой рукой и от чистого сердца буду я поддерживать мудрецов и учеников их, жертвовать на больных и бедных и пытаться спасти каждый гаснущий очаг, как это делал ты.

– Что ж, Орев, значит, я оставляю тебе все со спокойной совестью. Но не забывай никогда своей клятвы! Тогда будет жить имя мое и мое имение не пойдет прахом, а ты станешь мне вместо отнятого сына... Теперь же позови сюда мудреца Дуси: он поможет мне написать завещание, – в соответствии с законом Торы, и с римскими установлениями.

Сломав голову Орев помчался исполнять поручение своего господина.

*Āēāāā ÷ āō ūōī āāōāōāy
Ī āāīō ā-āīāā*

Эльяким умер, и все жители Иудеи оплакивали его. Хоронили его в фамильном склепе при большом стечении народа. Раббан Гамлиел в надгробной речи восславил достоинства покойного: мудрость и великую ученость, Б-гобоязненность и любовь к Всевышнему, щедрость и неустанное стремление помогать бедным. И, конечно, смирение перед волей Создателя, с особой силой сказавшееся в последнее время. Слушавшие раббана Гамлиела сокрушались о великой беде, выпавшей на долю усопшего, искренне горевали о кончине столь достойного человека.

Все, однако, не только пришли в недоумение, но и сильно встревожились спустя несколько дней после похорон, узнав странную вещь: единственным своим наследником реб Эльяким сделал, оказывается, старшего раба. Люди не сомневались, что огромное состояние покойного пойдет на благотворительные нужды, и то, что «этот кананеянин», как сразу стали называть Орева, унаследовал поистине царский капитал, просто не укладывалось в голове. Известие о завещании Эльякима вызвало даже ропот, многие дерзали отзываться о покойном довольно непочтительно. Кое-кто предполагал, что Эльяким перед смертью повредился в рассудке. Иначе, дескать, не мог бы он поступить так, как поступил. Неправедно. Несправедливо.

Слухи эти, понятное дело, быстро достигли ушей Орева. Он лишь злорадно усмехнулся. Впрочем, очень быстро усмешка исчезла с его губ; раб привычно состроил горестную мину, сгорбил, понурился – он исправно делал это с той минуты как испустил дух его господин. Семь дней просидел он на земле и вообще весь ритуал оплакивания исполнял с такой тщательностью, словно потерял родного отца. Затем наступили тридцать траурных дней. Их он тоже соблюдал с великой аккуратностью, не прекращая рыдать и жаловаться, что понес невозполнимую утрату, что смерть хозяина, этого великого человека, – самая страшная беда его жизни.

Однако по прошествии траурных дней Орев сорвал с себя маску и стал в открытую наслаждаться своим несметным богатством. Начал одеваться, как богач, принялся бывать всюду, где только можно, и всячески демонстрировал свое благополучие. В какой-то мере он все-таки выполнял данную Эльякиму клятву и жертвовал деньги на благотворительные цели, но лишь в том случае, если при этом становилось известным имя жертвователя. Он добивался славы и почета. А вот творить милостыню втайне, как то имел обыкновение делать Эльяким, – такого у него и не водилось. Бедняков, приходивших к нему просить подаяния, он грубо прогонял, – разумеется, когда никто не мог его видеть.

После того что случилось с Итамаром, Тирца день и ночь пребывала в неутешном горе. Напрасно пытался отец утешить ее и ободрить. Вот и сегодня говорил он ей:

– Дочь моя дорогая! Забудь, как это ни горько, несчастного нашего Итамара. Его ведь скорей всего нет в живых. Я не могу смотреть, как ты сохнешь от тоски и слез. Слыханное ли дело, чтобы человек, отправленный на римские галеры, вернулся на свободу? Это ужасная форма рабства. Такая жизнь очень быстро убивает приговоренного. Ты должна смириться с действительностью, сколь бы она ни была ужасна. Должна смириться с мыслью, что твой жених погиб. Довольно носить по нему траур. Ты совсем молода, и, если перестанешь так страшно убиваться и плакать круглые сутки, к тебе вернется былая красота. Конечно, мое состояние – не из самых значительных, но оно не так уж и мало, а ты – моя единственная наследница. Да и

семейство наше считается в Иудее знатным и уважаемым. Так что будет совсем нетрудно найти тебе подходящего жениха. Нужно всего лишь возвратиться к привычному образу жизни.

– Ах, дорогой отец! – отвечала Тирца. – Оставь, ради Б-га, эти речи, не изводи меня своими увещаниями. Я не смогу забыть Итамара.

– Но если так – погибнет имя мое в Израиле, и не увижу я внуков! – в отчаянии воскликнул Элиезер. – Твоя мать и моя дорогая жена давно скончалась, да и слишком я стар, чтобы вновь жениться и заводить детей. Ты была у нас последней надеждой. Ты – наш долгожданный и единственный ребенок, появившийся на свет после долгих лет молений. Ты – радость и утешение старости моей, на тебя одну возлагал я все свои упования. Когда друг мой Эльяким предложил мне отдать тебя за Итамара, моя радость не знала границ. Ты ведь знаешь, как любил я твоего жениха. Больно делается при мысли, что не суждено мне увидеть вас с ним под свадебной хупой. Но так, видно, судил Творец в великой своей мудрости, и нам следует примириться с его решением.

Тирца закрыла лицо руками и горько, зарыдала.

– Ах, дорогой отец! Мало мне собственного неизбывного горя – теперь и твоя печаль заставит меня страдать! Но что же делать? Сердце говорит мне, что Итамар вернется, вернется целым и невредимым. Подумай сам – как я буду несчастна и какой это будет стыд, когда приедет мой Итамар и узнает, что я вышла за другого. Что станет тогда со мной?

– Может, отчасти ты права, – неожиданно согласился отец. – Вот и учителя наши говорили, что лишь мертвого забывает сердце, но не живого. И даже сказано у мудрецов: «Как мертвый я, и память моя изгладилась из сердец». Слышал я, что раб на римских галерах живет не более года. Исключения очень редки. Давай подождем еще несколько месяцев, может, ты наконец забудешь его. И это будет означать, что его нет более на свете.

– Отец, отец! Какую ничтожную надежду ты мне оставляешь! – прошептала девушка.

– Но посуди сама, дитя мое! Не хочешь же ты остаться жалкой, одинокой сиротой после моей смерти! – вскричал Элиезер. – Не пожелаешь жить беззащитной и никому не нужной в наше суровое и беспокойное время! А ведь день, когда Создатель призовет меня уйти путем всего живого, ближе и ближе... Ты и сама это понимаешь...

– Ах, отец, ты разрываешь сердце мое на части! – воскликнула Тирца. – Неужели и тебя придется мне когда-нибудь потерять!

– Такова жизнь, дочь моя. Поколения приходят и уходят, и рождаются новые поколения и тоже исчезают во мгле времен. Поэтому я хочу, чтобы ты еще при мне вышла замуж за человека, который будет тебе защитой и опорой, – отвечал Элиезер. – Повторяю: мы живем в тревожный, беспокойный век. Мы порабощены, страна стонет под гнетом Рима. Народ ропщет, недовольство его растет. Однажды он восстанет и стряхнет с шеи своей ярмо Эдома. И тогда горькой и тяжелой будет доля твоя, если окажешься ты одна, без родных и близких. Кто знает, буду ли я еще жив в ту пору, а если нет, то захочет ли кто-нибудь взять тебя под защиту в смутное время. И еще скажу: знай, дитя мое, что Творец создал этот мир, чтоб он существовал, а не зачах. Учили нас учителя наши: для заселения создана земля, а не для того, чтобы быть пустынной. И даже если кто не находит достойной пары для своей дочери, все равно должен выдать ее замуж хоть за кого-нибудь. А уж тогда – будь что будет. Говорят же: если у тебя дочь, а выдать ее не за кого – освободи одного из рабов своих и дай ее ему в жены.

Тирца горестно вздыхала, не произнося ни слова. Отец не хотел поучать ее и отложил разговор до другого раза. Тирца ушла от него с тяжелым сердцем. Он вынул из шкафа свиток Теилим и стал читать двадцать седьмой псалом, пока не дошел до последнего стиха: «Надейся на Г-спода, мужайся, и да будет сильным сердце твое. Надейся на Г-спода!»

Āēāā i'yo'āāōōōō
Āūēōī Āādōēyō

Однажды, когда траур по Эльякиму уже закончился, Орев неожиданно появился в доме Элиезера и Тирцы. Лицо его сохраняло торжественное и многозначительное выражение.

– Позволь мне, – обратился он к хозяину, – вступить с тобой в те же дружеские отношения, что существовали у тебя с моим покойным господином. Другья моего господина – мои друзья. Всякий, кто был дорог моему господину и внушал ему уважение, будет дорог и мне, и уважать его я стану в той же степени. За несколько недель до смерти реб Эльяким говорил: «Дорогой Орев! Я завещаю тебе все мое имущество с тем, чтобы ты распоряжался им точно так же, как распоряжался бы им я». Тебе, конечно, известно, что я исправно жертвую деньги на бедных, ибо это было правилом господина моего. Но я стремлюсь пойти дальше и укрепить старые связи, существовавшие между двумя нашими домами. Укрепить всеми возможными способами. Дочь твоя Тирца была обещана в жены моему бедному молодому господину. Вот я и хотел бы, чтоб ей досталось все то богатство, которое реб Эльяким завещал своему верному слуге. Отдашь ли ты мне в жены свою дочь?

Отец Тирцы был потрясен этими речами до глубины души. Он ощущал не только обиду, но и жгучий стыд: бывший раб посмел просить руки дочери Элиезера бен Звулуна из семьи Азариин, того самого Азариин, который был брошен в печь вместе со своими товарищами Хананией и Мишаелом за то, что все трое отказались поклоняться идолу Навуходоносора! Как смеет этот человек, чьи отцы и праотцы были рабами, заявляться вот так запросто к нему в дом и свататься к девушке едва ли не из царского рода?! Возмущенный

сверх всякой меры, он хотел было резко ответить наглесу или даже выгнать его из дома без всяких объяснений. Однако Орев к тому времени был уже влиятельным, известным человеком, богачом, к тому же он и вправду занимался благотворительностью (хоть и только напоказ). Поэтому Элиезер попытался взять себя в руки и сдерживать гнев.

– Уважаемый Орев! – сказал он вежливо, но холодно. – Я весьма благодарен тебе за великодушное желание сделать мою дочь одной из богатейших женщин Иерусалима. Видимо, в каком-то смысле у тебя действительно есть право просить ее руки. Ибо ты пришел как бы вместо нашего бедного Итамара. Но что поделаешь! Память о женихе еще слишком сильна в душе Тирцы. Она по-прежнему ждет и верит, что он возвратится к ней, каким-то чудом освободившись от рабства. Ни о каком другом браке она пока и слышать не желает.

– Разве случалось когда-нибудь, чтобы человек живым возвращался с галер? – пожал плечами Орев.

– Ты прав. Такое пока не случалось, – ответил Элиезер. – И я всеми силами пытался убедить дочь, что надежды она лелеет призрачные. Но, как всем известно, человеку свойственно тешить свое сердце иллюзиями.

– Раз так, мне, наверное, разумнее подождать, пока Тирца не убедится, что надежда ее несбыточна, – решил Орев. – Может быть, вскорости мы даже получим достоверное известие о гибели Итамара, – добавил он с улыбкой.

Отец Тирцы посмотрел на гостя с плохо скрытым отвращением. Вот какова она на деле – любовь раба к своему господину, которую этот тип всеми возможными способами демонстрировал целому городу! Орев заметил недобрый взгляд и угадал мысль, мелькнувшую в голове собеседника.

– А почему бы мне и не надеяться на его смерть? – спросил он вдруг. – Разве не лучше умереть, чем днем и ночью быть прикованным цепями к гребной скамье на галере? Хотя что ж мы будем об этом спорить... И без того все ясно... Скажи только, что ты согласен видеть меня своим зятем.

– Не принуждай меня давать тебе обещание, – покачал головой Элиезер. – Все равно сейчас в этом нет ни малейшего смысла, ибо Тирца не желает даже слушать про новое сватовство. Я тебе об этом только что сказал.

Орев исподтишка бросил на Элиезера взгляд, полный гнева и ненависти. Он вдруг понял, что этот, в общем-то, совсем не богатый человек абсолютно не рвется выдать за него свою дочь. За него, Орева, на сегодняшний день одного из самых состоятельных в стране людей. «Погоди же, – подумал он про себя, – ты еще об этом пожалеешь». А вслух произнес:

– Что ж, воля твоя, Элиезер. Подожду еще немного, а потом вернусь к тебе с тем же разговором. Посмотрим, как будут разворачиваться события.

Повернулся и ушел с обидой и злобой в сердце.

В это время римский наместник Валериус Гратус был отозван в Рим. Во главе огромной Римской империи стоял тогда Тиберий, но его власть была чисто номинальной: по существу, реально правил страной один из его приближенных – Люций Илиус Сианус. Последний при помощи яда убрал со своего пути большинство родственников кесаря, включая и его законного наследника Друзуса. Кроме того, он уговорил кесаря поселиться на Кипре, чтобы самому иметь возможность без помех распоряжаться делами огромной империи. На всех ключевых постах Сианус разместил своих ставленников, предоставив им самые доходные должности.

Валериуса Гратуса возвращали в Рим именно в связи с этими обстоятельствами. Вместо него был назначен новый правитель Иудеи – Понтий Пилат, известный своей жестокостью и коварством. Едва прибыв в Кесарию, резиденцию римских наместников, он неслыханно усилил давление на Иудею. Имперский гнет, казалось, достиг предела. Ничего подобного прежде страна не знала. Среди первых предписаний Пилата был указ выставить статуи кесаря во всех общественных местах и проследить, чтобы евреи поклонялись им с должным почтением, то есть с таким же, как и все остальные народы, находящиеся под римским владычеством. Вопль ужаса и отчаяния разнесся над страной, когда статуи императоров были доставлены в Иерусалим. Делегация самых именитых иудейских граждан поспешила предстать перед наместником, чтобы молить его отменить ужасное постановление. Однако наместник наотрез отказался их принять и запер перед ними ворота своего кесарийского дворца. Пять дней стояла злополучная делегация у дворцовых ворот, пока на шестой день наместник не приказал своим солдатам прогнать ее прочь. Римские солдаты с обнаженными мечами поспешили отогнать евреев подальше от глаз наместника. И тут раздался голос Бархияу, брата Элиезера бен Звулуна, обращенный к гражданам Иудеи:

– Братья! Не сдвинемся с этого места ни на шаг! Пусть увидят римляне, что мы готовы пожертвовать жизнью во славу Святого и Великого Имени Б-га Израиля! Вспомним, братья, Хананию, Мишаела и Азарию (потомком последнего являюсь я сам), которые предпочли быть брошенными в огненную печь, но не поклонились идолу Навуходоносора! Последуем же за праотцами нашими и отдадим наши жизни ради служения Создателю! Я готов к смерти!

– Ты прав, доблестный потомок Азарии! – послышалось со всех сторон. – Мы тоже скорее согласимся умереть, чем преклонить колена перед деревянными и каменными идолами!

Солдаты уже занесли мечи над головами непокорных евреев, но в последний момент Пилат их остановил. То ли он оценил мужество евреев, то ли испугался последствий, если его солдаты ни за что ни про

что вырежут мирную делегацию знатных граждан провинции, и об этом станет известно в Риме. Выслушав наконец евреев, он пообещал убрать из Иерусалима привезенные статуи. Иудея была спасена от великой опасности.

В Иерусалиме народ встречал вернувшегося Бархияу криками ликования. А тот, охваченный великой ревностью о Всевышнем, высказался о римских правителях перед всем народом открыто и нелицеприятно:

– Братья! На этот раз Г-сподь наш в великой милости Своей избавил нас от ужасного несчастья. Но кто знает, что будет далее! Подобное легко может повториться. Иудея не сумеет служить своему Б-гу с легким сердцем и спокойной душой до тех пор, пока эти необрезанные нечестивцы будут оставаться хозяевами на нашей земле!

Новый наместник, желая доподлинно и в подробностях узнать, каковы настроения народа вверенной ему провинции, отправил на улицы Иерусалима своих соглядатаев, дабы одетые как простые граждане они смешивались с толпой и подслушивали все, что можно и где можно. Несколько шпионов Пилата слышали речь Бархияу. В результате еще до конца дня этот смелый человек был схвачен и отправлен в тюрьму.

На следующий день Понтий Пилат прибыл в Иерусалим. Элиезер бен Звулун поспешил предстать пред ним и просил об освобождении брата. Наместник отвечал ему с откровенным злорадством:

– Мне известно, что вы, евреи, легко расстаетесь с жизнью. Хотелось бы знать, расстаетесь ли вы так же легко со своими богатствами? Я готов освободить твоего брата в обмен на пять тысяч зуз.

Убитый горем, еле волоча ноги, возвращался Элиезер домой. Где ему было добыть такие непомерные деньги! По дороге он встретил Орева, и тот поинтересовался, чем кончилась аудиенция у наместника. Элиезер поведал ему о чудовищном требовании Понтия Пилата. Орев проговорил:

– Если бы Эльяким был жив, он бы непременно одолжил тебе эту сумму. Я, пожалуй, поступлю так же. Идем ко мне, получишь деньги, выкупишь брата.

Элиезер изумленно на него воззрился:

– Как же я смогу возратить тебе долг?

– Да ты без труда соберешь эти пять тысяч у своих многочисленных друзей! – спокойно ответил

Орев.

В тот момент Элиезер мог думать только о том, как освободить брата из темницы. Без лишних слов он пошел вслед за Оревом, поставил у него дома свою подпись под долговым обязательством и взял деньги. Через час Бархияу был уже на свободе.

Ī dīā ēae āi ēā tēāāō

ΪΑΪ ΒΟΪ ΨΑΑΑΟΥ ΕΡ ΕΒ

1 ΕΡ ΕΒ

45 лет со дня рождения баскетболистки, обладательницы серебряной олимпийской медали 1976 года, чемпионки мира 1979 года Нэнси Либерман (Lieberman; р. 1958, Нью-Йорк).

120 лет со дня рождения скульптора, народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР, автора памятников М. Ф. Ахундову и С. М. Кирову в Баку, В. И. Ленину в Краснодаре и Баку и др., лауреата Государственной премии СССР Пинхоса (Петра) Владимировича Сабса (1893, Одесса – 1980, Баку).

2 ИЮЛЯ

60 лет со дня гибели гимнастки, обладательницы золотой олимпийской медали 1928 года Хелены (Леи)

Клот-Нордгейм (Kloot-Nordheim; 1903 – 1943, убиита в концлагере Собибур, Польша).

4 ИЮЛЯ

65 лет со дня смерти политического деятеля, одного из лидеров австрийских социал-демократов, идеолога австромарксизма, министра иностранных дел Австрийской республики, редактора теоретического ежемесячника «Кампф» Отто Бауэра (Bauer; 1882, Вена – 1938, Париж).

85 лет со дня рождения поэта, автора слов песни «Бригантина», неоконченной поэмы «Первая треть», сборника стихов «Гроза» и др. Павла Давыдовича Когана (1918, Киев – 1942, погиб под Новороссийском).

95 лет со дня рождения боксера, чемпиона мира в полутяжелом весе 1934–1935 гг. Боба Олина (Olin; 1908 – 1956, Нью-Йорк).

5 ИЮЛЯ

155 лет со дня рождения экономиста, специалиста в области денежного обращения, кредита и финансов, профессора Петербургского университета, автора трудов по истории русских финансов Иллариона Игнатьевича Кауфмана (1848, Одесса – 1916, Петроград).

6 ИЮЛЯ

75 лет со дня рождения биофизика, академика РАН, директора Института биофизики СО РАН, профессора Красноярского университета, автора трудов по регуляции системы крови, биолюминесценции, созданию замкнутых экосистем, включающих человека, Иосифа Исаевича Гительсона (р. 1928, Самара).

7 ИЮЛЯ

130 лет со дня рождения психиатра и психоаналитика, первого профессора психоанализа Будапештского университета, основателя Международного и Венгерского психоаналитических обществ, исследователя травмирующих переживаний, связанных с войной, введшего в психологию понятия интроекции (включение через идентификацию в структуру «Я» элементов внешнего мира для перенесения на них эмоциональных переживаний), Шандора Ференци (Ferenczi; 1873, Мишкольц, Венгрия – 1933, Будапешт).

130 лет со дня смерти философа и социолога, основателя франкфуртской школы, директора Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, развившего (совм. с Т. Адорно) «критическую теорию общества», в которой переплетаются идеи К. Маркса, Г.В.Ф. Гегеля и З. Фрейда, Макса Хоркхаймера (Horkheimer; 1895, Штутгарт – 1973, Нюрнберг).

8 ИЮЛЯ

120 лет со дня рождения саблиста, обладателя золотых олимпийских медалей 1908 и 1912 гг. Оскара Герде (1883, Будапешт – 1944, убит в концлагере Маутхаузен, Австрия).

11 ИЮЛЯ

55 лет со дня смерти антрополога, профессора анатомии Страсбургского, Гейдельбергского, Франкфуртского, Пекинского университетов, автора теории полицентризма, трудов по проблемам антропогенеза и по палеонтологии Франца Вейденрейха (Weidenreich; 1873, Эденкобен, Германия – 1948, Нью-Йорк).

45 лет со дня рождения государственного деятеля, министра по делам печати, радиовещания и средств массовых коммуникаций РФ Михаила Юрьевича Лесина (р. 1958, Москва).

12 ИЮЛЯ

95 лет со дня рождения теле- и киноактера, ведущего юмористической программы «Шоу Милтона Берла», снявшегося в фильмах «Серенада солнечной долины», «Этот безумный, безумный, безумный мир», «Высокий, темный и красивый», «Приключение Маппетов», «Бродвей Дэнни Роуза», обладателя титула «Мистер Телевидение», лауреата трех премий «Эмми» Милтона Берла (Berle; наст. фамилия Берлингер; 1908, Нью-Йорк – 2002, Лос-Анджелес).

115 лет со дня рождения скульптора, автора скульптурных портретов Ш. Аша, Д. Бен-Гуриона, М. Шагала и др., кавалера ордена Почетного Легиона Ханы Орловой (1888, Константиновка Екатеринославской губ. – 1968, Париж).

70 лет со дня рождения футболиста, вратаря и тренера, обладателя золотой олимпийской медали 1956 года Бориса Давидовича Разинского (р. 1933, Харьков).

14 ИЮЛЯ

100 лет со дня рождения писателя, автора романизированных биографий В. Ван Гога («Жажда жизни»), Дж. Лондона («Моряк в седле»), Микеланджело («Муки и радости») и др. Ирвинга Стоуна (Stone; 1903, Сан-Франциско – 1989, Лос-Анджелес).

60 лет со дня смерти актера и режиссера, народного артиста РСФСР, директора и художественного руководителя театра им. МГСПС (с 1938 г. театр им. Моссовета), поставившего спектакли «Шторм», «Цемент», «Мятеж» «Рельсы гудят», «Город ветров», «Ярость» и др., Евсея Осиповича Любимова-Ланского (наст. фамилия Гелибтер; 1883, Алешки Херсонской губ. – 1943, Москва).

18 ИЮЛЯ

80 лет со дня смерти биохимика, члена-корреспондента Петербургской АН, профессора Харьковского и Казанского университетов, ректора Военно-медицинской академии в Петербурге, одного из основоположников биохимии в России, автора трудов по ферментам, химии белков и вопросам питания, открывшего адсорбционный метод разделения ферментов поджелудочной железы, предложившего теорию строения белковой молекулы, теорию элементарных рядов, Александра Яковлевича Данилевского (1838, Харьков – 1923, Петроград).

21 ИЮЛЯ

80 лет со дня рождения физикохимика, профессора химии Калифорнийского технологического института, автора трудов по теории электронного переноса в химических системах и статистической теории мономолекулярных реакций, лауреата Нобелевской премии по химии 1992 года Рудольфа Артура Маркуса (р. 1923, Монреаль).

22 ИЮЛЯ

65 лет со дня рождения саблиста, чемпиона мира 1965, 1967, 1969 – 1971 гг., обладателя золотых (1964, 1968 гг.) и серебряной (1968 г.) олимпийских медалей Марка Семеновича Ракиты (р. 1938, Москва).

23 ИЮЛЯ

60 лет со дня рождения экономиста, председателя фракции «Промышленный союз» Государственной думы РФ Юрия Григорьевича Гехта (р. 1943, Красновишерск Молотовской обл.).

60 лет со дня гибели гимнастки, обладательницы золотой олимпийской медали 1928 года Анны Дрезден-Полак (Dresden-Polak; 1906 – 1943, убита в концлагере Собибур, Польша).

25 ИЮЛЯ

150 лет со дня рождения драматурга и режиссера, основателя, владельца и режиссера нью-йоркского театра «Стайвесант», впервые в истории театра установившего рампу, скрыв от зрителей осветительные приборы, стремившегося создать на сцене полную иллюзию естественного света, Дэвида Беласко (Belasco; 1853, Сан-Франциско – 1931, Нью-Йорк).

26 ИЮЛЯ

75 лет со дня рождения кинорежиссера, сценариста и продюсера, поставившего фильмы «Тропы славы», «Доктор Стрейнджлав, или Как я научился не волноваться и любить атомную бомбу», «Спартак», «Лолита», «2001 год: космическая Одиссея», «Заводной апельсин», «С широко закрытыми глазами» и др., Стэнли Кубрика (Kubrick; 1928, Нью-Йорк – 1999, Лондон).

27 ИЮЛЯ

55 лет со дня смерти промышленника и спортсмена, совладельца автомобильной компании «Бентли», победителя трех гонок Le Mans Джозела Вулфа Барнато (Barnato; 1895 – 1948, Лондон).

29 ИЮЛЯ

65 лет со дня гибели государственного деятеля, наркома оборонной промышленности СССР Моисея Львовича Рухимовича (1889, Кагальник Ростовского окр. Войска Донского – 1938, расстрелян в Москве).

65 лет со дня гибели государственного деятеля, начальника Главного управления гражданского воздушного флота СССР Иосифа Станиславовича Уншлихта (1879, Млава Плоцкой губ. – 1938, расстрелян в Москве).

65 лет со дня гибели государственного деятеля, начальника Главного управления кинопромышленности СССР Бориса Захаровича Шумяцкого (1886, Верхнеудинск Забайкальской губ. – 1938, расстрелян в Москве).

65 лет со дня гибели государственного деятеля, академика ВАСХНИЛ, наркома земледелия СССР Якова Аркадьевича Яковлева (наст. фамилия Эпштейн; 1896, Гродна – 1938, расстрелян в Москве).

30 ИЮЛЯ

35 лет со дня смерти физика, профессора МГУ, основоположника советской экспериментальной радиоастрономии, руководившего созданием первой радиоастрономической станции в Крыму и изобретенного им радиотелескопа в Пулковской обсерватории, проекта радиотелескопа РАТАН-600, открывшего радиоизлучение солнечной короны, автора трудов по теории колебаний и теоретической радиотехнике, курса «Физические основы механики», соавтора классической монографии «Теория колебаний» Семена Эммануиловича Хайкина (1901, Минск – 1968, Ленинград).

60 лет со дня смерти психоаналитика, основателя и главы Берлинского психоаналитического института и Палестинского психоаналитического общества, президента Международной психоаналитической ассоциации Макса Эйтингона (Eitingon; 1881, Могилев – 1943, Иерусалим).

31 ИЮЛЯ

95 лет со дня рождения физика-теоретика, профессора Уральского физико-механического института, автора трудов по классической теории колебаний, квантовой теории твердого тела, квантовой теории, построившего (совм. с И.Е. Таммом) квантовую теорию фотоэффекта металлов, предложившего зонную теорию жидких металлов, автора (совм. с С.В. Вонсовским) полярной и s-d-обменной моделей кристаллов Семена Петровича Шубина (1908, Либава Курляндской губ. – 1938, Колыма).

ΕΣΤΙ ΑΘΑΕ ΕΡΕΥΝΗΤΕ ΙΙ ΧΟΥ

***

Εἰς τὴν ἰσὴν ἀντιεπιπέδου ἀντιεπιπέδου.

«Открытое письмо», адресованное Г.В. Костырченко Федором Ляссом («Лехаим», № 1, 2003), не может не поражать своей наивностью.

Автор совершенно не понимает особенностей политики, уникальной психологии Сталина и к тому же не понимает психологии современных сталинистов.

Он утверждает, что книгой «Тайная политика Сталина» и статьей в вашем журнале, где поставлено под сомнение решение Сталина о высылке евреев после окончания процесса над врачами, Г. Костырченко преподнес «подарок сталинистам». Это не подарок, а удар по сталинистам. Ведь одна из главных причин их почитания инородца Джугашвили в том и заключается, что Сталин поощрял великорусский шовинизм и вытекающий из него антисемитизм. И если окажется, что в этом вопросе Сталин «дал слабину», задний ход, авторитет его в глазах сталинистов может померкнуть процентов на восемьдесят. Неужели это надо объяснять?

Еще он пишет о «повороте к прежнему» и видит этот «поворот» в том, что в подземных переходах продается антисемитская литература. Вероятно, гн Лясс достаточно молод и знает о сталинском периоде только из романов или понаслышке. Любой издатель, который в сталинские времена задумал бы издать юдофобскую книгу, еще задолго до того, как она дошла до цензуры, уже плыл бы парохомом в направлении Колымы.

Надеюсь, понятно, что я не защищаю Сталина, а пытаюсь объяснить особенности его психики. Никогда, ни при каких обстоятельствах Сталин не признал бы себя антисемитом, хотя, конечно, таковым был. Я лично считаю, как и Костырченко, что стал он им не сразу, а постепенно и видел в этом серьезный политический смысл. Одна из «внутренних» причин его поощрения антисемитизма тоже лежит на поверхности: это комплекс неполноценности «царя народа русского», который сам русским не является.

Но вернемся к главному.

Г. Костырченко высказывает сомнения по поводу слухов о депортации, ибо нет на этот счет ни одного документа. А г-н Лясс исторические документы, источники, которые обычно специалисты бережно извлекают из архивов, называет «жалкими бумажками с текстом». Это определенным образом свидетельствует о его культурном уровне.

Известный историк и в книге, и в статье объясняет, что по поводу высылки чеченцев, ингушей, татар и других народов были, разумеется, постановления и ЦК, и Президиума Верховного Совета. Но закрытого характера. Конечно, они были продиктованы Сталиным, но он зачастую предпочитал, чтобы под такими документами стояла подпись его холуя Калинина.

Ведь был задокументирован даже факт расстрела органами НКВД польских офицеров под Катынью, от чего советская власть всячески отреклась.

Г. Костырченко, конечно же прав: Сталин так и не решился выполнить то, что, возможно, и задумал. Возникает вопрос – почему? И тут нужно снова вернуться к особенностям его психологии. Недаром в своих мемуарах Илья Эренбург писал, что раскрыть свойства сталинской натуры, дать ей полную оценку когда-нибудь сможет только большой писатель.

Напрасно г-н Лясс пытается высмеять «антидепортационный аргумент» Костырченко, полагающего, что акцию по выселению нельзя было бы провести, так как «евреи ассимилировались и растворились в интернациональной массе». Действительно, аргумент очень серьезный. Хотя бы потому, что евреи, в отличие от чеченцев или крымских татар, не жили компактно. И по какому признаку надо было забирать людей в больших городах? По паспорту? Этого недостаточно. Может, надо было использовать деревянные циркули? Ведь в больших городах почти все евреи настолько ассимилировались, что вошли в русскую культуру в большей степени, чем многие «истинно русские». Играли важную, подчас очень важную роль в науке и культуре.

Сталин – существо чудовищно изощренное. Поэтому Костырченко опять прав: депортация евреев привела бы к такому хаосу, к такому шуму, что скрыть ее ни от своей, ни от зарубежной общественности, как это было с другими народами, никак бы не удалось. И Сталин это тщательно продумал и отверг.

Кстати, ни Эренбург, ни Каверин не утверждали, что Сталиным было принято решение о депортации. Они тоже только высказывали предположения.

Ἡ Ἀσπὴν ἰσὴν, ἰσὴν ἀντιεπιπέδου

***

В мартовском номере «Лехаима» Г. Юрьева задает риторический вопрос: «Неужели кто-то думает, что Роман Абрамович “заботится” о процветании Чукотки?»

Так вот, я – тот самый «наивный», готовый ответить на этот вопрос положительно. И на это меня побудил председатель Совета Федерации Сергей Миронов. Он на радио «Россия» признался: побывав во многих восточных регионах страны, где острейшая проблема – безработица, был приятно удивлен на Чукотке обеспокоенностью недостатком работников. Там, по его словам, стараются решить проблему привлечения

трудоспособного населения с «Большой земли». Хорошо бы «Лехаиму» подробнее осветить деятельность «морозоустойчивого» губернатора.

Не согласен я с Г. Юрьевой и в том, что для Бориса Березовского «самое главное – бизнес, деньги, нажива». Мне кажется, что он больше политик, чем бизнесмен... А вот серьезной оценки Березовского-политика, да и бизнесмена, я не встречал. Не может ли это сделать «Лехаим»?

À. Ôrèi àí, Í èàí èé Í íãã òíã

***

Сильно расстроилась, прочитав статью Алексея Зверева «Нам не простят того, что с нами сделали» в декабрьском номере «Лехаима» за минувший год. Воспоминания о прошлом захлестнули меня...

Да, к сожалению, «любовь» поляков к нам, евреям, я испытала на собственной «шкуре». Очень смуглая от природы, с черными кудрявыми волосами, я постоянно чувствовала враждебность со стороны польских одногодков на улицах нашего города Кракова, в бассейне... Слава Б-гу, училась я в частной еврейской гимназии имени доктора Хильфштейна. Нашим знакомым, чье иудейское происхождение выдавали бороды, пейсы, шляпы особого фасона, «нечаянно» в транспорте, в очередях резали горло бритвой. Разбивали витрины их магазинов. В польских школах в наших ребят, особенно в отличников, бросали – опять же «нечаянно!» – камни...

Мама, брат и другие близкие мои родственники погибли в Польше во время войны. Случайно мы с отцом уцелели. После войны, начиная уже с 1945 года, очень многие евреи вернулись в Польшу. Нам с отцом еврейская организация предлагала вернуться домой в Краков, обещали даже бесплатную дорогу(!), но мы не согласились. Почему? Это долгая история... И правильно сделали, что не поехали. Пять лет назад один знакомый был в Кракове, и там он узнал, что в городе осталась всего... сотня евреев! Коммунистический властитель Гомулка приложил к этому руку: одних – выгнал в Израиль, в Америку, а кого-то отправил на тот свет. Между тем, только в нашей еврейской гимназии № 445 учились до войны не менее полутора тысяч соучеников...

Прошло более полувека. Я с сожалением вспоминаю свой родной город, который очень любила, но поехать туда нет сил: боюсь, неистребимы воспоминания. Слишком много пережито. Мысленно я иногда прогуливаюсь по любимым улицам, паркам вместе с мамой, которая привила нам с братом уважение к памятникам старины Кракова. Но она твердила особенно часто в 1939 году, когда в воздухе носился уже дух войны, что только в России евреям доступно высшее образование. А она очень хотела, чтобы мы с братом его получили. И мама твердила, что русские люди к евреям относятся лояльно, и потому туда – в Россию – надо постараться попасть.

Завещание матери я свято выполнила.

*È. Í áóòí àá-È èýí òí èúú,
í. È òàí èí àí Ì íí èí àí èí è í à è.*